

СБОРНИКЪ

ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ

СЕРГѢЯ СЕМЕНОВИЧА ТРОИЦКАГО

(† 2 ноября 1910 года).

ТИФЛИСЪ

Типографія Канцелярии Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ.
1912

Храмъ въ сел. Толпыгинъ.

С. С. Троицкий въ гробу.

ПАМЯТИ

безвременно и безвинно погибшаго

Сергѣя Семеновича Шроуцкаго.

(Мысли и впечатлѣнія одной матери).

Убить... Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?
Судьбы свершился приговоръ!..

.....

Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ. . . .

А мы, тѣ, кто знали этого дивнаго человѣка, на котораго такъ безжалостно и со всего размаха опустился тяжелый молотъ судьбы, — какъ ясно мы понимаемъ, какъ болѣзненно ощущаемъ весь ужасъ, все святотатство совершившагося.

Надо было разъ видѣть его, разъ слышать его мягкій, тихій, задушевный голосъ, чтобы понять, что онъ не могъ заслужить такую ужасную кару, что онъ пострадалъ за что-то, ничего общаго съ нимъ лично не имѣющее.

Мнѣ приходилось видѣть его много разъ въ обстановкѣ, лучше всего подчеркивающей всю глубокую мощь души и сердца этого человѣка, всю чистоту его личности.

Въ частной гимназiи Л—ихъ мнѣ пришлось побывать на урокъ Сергѣя Семеновича тогда, ког-

да мои дѣти еще не учились тамъ, и я, желая познакомиться съ общимъ „тономъ“ гимназій, бывала на урокахъ въ качествѣ сторонней посѣтительницы.

Никогда не забуду этого урока, такъ какъ роковымъ образомъ урокъ этотъ получилъ нѣкоторую связь съ кончиной несчастнаго Сергѣя Семеновича. Это было въ младшемъ отдѣленіи. Урокъ былъ о жертвоприношеніи, и надо было слышать, какимъ кроткимъ, полнымъ любви къ дѣтямъ и глубокой христіанской вѣры тономъ онъ объяснялъ значеніе „жертвы“, сравнивая жертву съ подаркомъ ребенка любимой матери, объяснялъ почему Авель выбралъ самаго лучшаго ягненка въ своемъ стадѣ и принесъ лучшее, что было у него, Богу, котораго горячо любилъ.

Убийца тоже, какъ будто нарочно, выбралъ лучшаго, невиннаго и чистаго ягненка и принесъ его въ жертву Богу... мести.

Въ слѣдующемъ году мнѣ пришлось тамъ же часто встрѣчаться съ С. С., слышать его на педагогическихъ совѣтахъ, въ засѣданіяхъ педагогическихъ комиссій, присутствовать на его урокахъ.

И всегда поражала меня въ немъ эта дѣтская ясность и незлобивость души, при глубокомъ и ясномъ умѣ и обширныхъ познаніяхъ, этотъ идеализмъ „не отъ міра сего“ при пониманіи и знаніи всѣхъ отрицательныхъ сторонъ жизни. Знакомый съ русской и европейской литературой вплоть до ея крайнихъ теченій, онъ вовсе не былъ узкимъ фанатикомъ, онъ не находилъ самодовольно, что постигъ „истину“, и все спасеніе въ ней, но онъ какъ будто знакомился со всей глубиной человѣческой жизни до ея „дна“ включительно, чтобъ поставить еще выше свой маякъ—маякъ чистой безкорыстной любви и

С. С. Троицкий.

служенія правды и красотѣ въ возвышенномъ смыслѣ этого слова.

Онъ зналъ, что много зла въ мірѣ, что еще больше сѣрой давящей, грубой и глупой пошлости, и онъ боролся со зломъ всѣми сокровищами своей высокой, чистой души и старался вырвать изъ когтей пошлости молодых, еще не испорченныхъ существа. Онъ какъ Христосъ, завѣтами котораго онъ былъ проникнуть, находилъ, что для дѣтей уготовано царство Божіе, имъ отдалъ онъ всю дилейную чистоту своей души, своихъ помысловъ, для нихъ работалъ, учился и искалъ... Въ этихъ вѣчныхъ исканіяхъ „вышей правды, вышей истины“, въ этой, какъ онъ самъ называетъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника „устремленности“—недосягаемая высота и неисчерпаемая красота его духовной сущности. Въ этомъ, если такъ можно выразиться, огромномъ діапазонѣ его души — разгадка того обаянія, которое производила свѣтлая личность Троицкаго на всякаго, кто только даже случайно, мимолетно оказывался въ духовномъ общеніи съ нимъ. Въ немъ была, по правильному и поэтическому опредѣленію его друга и почитателя, Флоренскаго, „какая-то внутренняя свѣжесть, безхитростная простота, душистость лѣсного ландыша, окропленнаго утренней росой, прохладная кристальность горнаго ключа, журчащаго по гранитному ложу“.

„Снѣжная чистота, а надъ нею свѣтъ, тепло и аромать“,—говоритъ о немъ съ благоговѣйной любовью опять тотъ-же авторъ въ статьѣ, помѣщенной въ религиозно-философскомъ журналѣ. И невольно чувствуется, сколько правды въ этомъ опредѣленіи, чувствуется всякимъ, кто хоть недолго зналъ Сергѣя Семеновича. Кроткій и ясный, тихій, весь просвѣт-

тенный какимъ то внутреннимъ сіаніемъ, эту кро-
вость и ясность, эту почти „святость“ онъ принесъ
въ „міръ“, и „міръ“ его не понялъ и не принять.
Какъ великій искушитель, такъ почитаемый имъ, онъ
жертвою палъ, жертвой безвременья, жертвой ужас-
ныхъ кошмарныхъ условій современной жизни.

И теперь, когда онъ далеко, когда жизнь во
всей своей многогранности какъ будто заслонила и
отодвинула отъ насъ трагедію его исчезновенія изъ
міра, хочется опять напомнить людямъ, что всѣ мы,
всѣ виноваты передъ святой памятью этого чело-
вѣка. Нѣкоторая доля вины въ его смерти лежитъ
на насъ, родителяхъ и членахъ общества, своей пре-
ступной пассивностью, своимъ неумѣньемъ и непод-
готовленностью воспитывать, своимъ преклоненіемъ
передъ пошлостью жизни подготовляющихъ почву
для такихъ злодѣяній.

И теперь, когда ничего нельзя вернуть, испра-
вить, искупить, невольно хочется просить прощенія
у этой невинной жертвы, невинной и духовно без-
мѣрно-прекрасной. Хочется воскресить въ памяти и
нарисовать передъ духовными очами нашихъ дѣтей
этотъ идеально-чистый, идеально-прекрасный образъ,
чтобъ они помнили, что безъ такихъ людей „увяла-
тъ нива жизни“, чтобъ образъ этотъ маячилъ въ ихъ
будущемъ и звалъ ихъ къ вѣчной правдѣ, къ не-
тѣнной красотѣ человѣческаго духа.

Выросшій въ простой, трудовой семьѣ священни-
ка скромнаго и почти безвѣстнаго сельца Толпыгина,
Д. С. съ ранняго дѣтства научился уважать трудъ и
личность крестьянина. Отецъ его, наряду съ пастыр-
ской дѣятельностью, не гнушался обычнаго крестья-
нскаго труда, самъ сѣялъ, жаль, косилъ и сушилъ
хлѣбъ, и маленькій Сережа съ дѣтства принималъ

участіе во всѣхъ трудахъ семьи, и становился тѣмъ ближе къ природѣ и простому деревенскому люду. Онъ горячо полюбилъ незатѣйливую, сѣверную природу, глубоко привязался къ вѣчнымъ труженникамъ земли, и позднѣе, въ годы ученія въ семинаріи, въ духовной академіи, онъ дѣлился сокровищами своей души и ума со своими односельчанами; онъ сумѣлъ даже многихъ изъ нихъ познакомить съ лучшими произведеніями отечественной мысли и литературы. Сергѣй Семеновичъ покупалъ для своихъ деревенскихъ друзей — крестьянъ книги, самъ читалъ съ ними, сбѣясняя и дополняя прочитанное.

„Маленькій Толстой“, если такъ можно выразиться, онъ любилъ мужика, вѣрилъ въ его огромныя духовныя силы, и не уставалъ всю свою недолгую жизнь отдавать другимъ частицу своей великой души.

Глубоко и убѣжденно религіозный, онъ въ то же время былъ чуждъ фанатизма, онъ умѣлъ понимать и прощать, и тѣмъ сильнѣе было слово его убѣжденія. Одинъ изъ его друзей рассказываетъ, что онъ изъ другой комнаты слышалъ, какъ Сергѣй Семеновичъ разговаривалъ съ проворовавшимся мужикомъ и убѣждалъ его покаяться.

„Тутъ впервые я услышалъ голосъ „власть имѣющаго“. Такая убѣжденность въ силѣ добра звенѣла съ каждой нотой его голоса, столько безконечной бережности и уваженія къ личности было въ его рѣчахъ, простыхъ и безвычурныхъ, что я былъ потрясенъ, уничтоженъ. Видѣлъ я, какъ рыдалъ изгадившійся фабричный, при видѣ этой красоты духа, оглянувшись на себя въ глубокой тоскѣ“.

Эта безконечная бережность и уваженіе къ личности другого сказывались въ каждомъ поступкѣ, въ

каждомъ словѣ, даже въ звукѣ голоса этого необыкновеннаго человѣка.

Онъ какъ будто боялся оскорбить собесѣдника рѣзкимъ тономъ, рѣзкой формой рѣчи, и этотъ мягкій, ласкающій душу голосъ, эта нѣжная, нѣсколько уклончивая форма рѣчи, мягкая, какъ будто извиняющаяся за свою необыденность, за свою высоту, такъ гармонировала со всей его личностью. Онъ какъ будто стѣснялся того, что можетъ невольно навязать вамъ свой взглядъ, нарушить покой вашей души.

И эта уклончивость, эта мягкость, это отсутствіе самомнѣнія и самодовольной категоричности обезоруживали противника, убѣждали его больше, чѣмъ самыя авторитетныя доказательства.

Необычайная трудоспособность была одной изъ многихъ добродѣтелей этого великаго въ своей скромности человѣка: онъ много работалъ въ семинаріи, въ академіи, и работалъ не только для себя, но и для другихъ: младшіе его товарищи сохранили благодарственную благодарность къ нему за труды, которые онъ положилъ на нихъ, чтобъ помочь имъ въ работѣ. Отличаясь обширной эрудиціей въ сферѣ религіозно-философскихъ вопросовъ, онъ и по окончаніи академіи много читалъ и слѣдилъ за міровой литературой въ этой области, поддерживалъ дѣятельную переписку съ нѣкоторыми учеными-богословами, работалъ въ повременной печати соответственнаго направленія. Сколько надо было прочесть, сколько поработать для этого!

Но поразительнѣе всего то, что С. С. умѣлъ находить время слѣдить за міровой литературой не только спеціальнаго оттѣнка. Преподавая словесность въ старшихъ классахъ мужской гимназіи, онъ основательно зналъ русскую классическую литературу

ру, звалъ и цѣвилъ литературу нашихъ культурныхъ сосѣдей, и, кромѣ того, успѣвалъ слѣдить за всѣми капризными и прихотливыми изгибами современнаго намъ художественнаго творчества во всѣхъ областяхъ.

Широко и глубоко образованный и, что цѣннѣе всего, приобрѣтшій все это образование путемъ личнаго упорнаго труда, Троицкій умѣлъ находить въ своей душѣ откликъ на все, что волновало умы и чувства современниковъ, и „безъ чопорнаго пуританизма“, наряду съ богословскими опредѣленіями истины, удѣлялъ мѣсто въ сердцѣ исканіямъ истины и красоты въ твореніяхъ современныхъ поэтовъ, художниковъ и беллетристовъ.

Импрессионизмъ, символизмъ и даже декаденство—ко всему этому чутко прислушивалась и присматривалась эта глубокая, чуткая натура, и умѣла отдѣлять пшеницу отъ плевелъ. Всякая грязь какъ будто сама собой проходила мимо этого „осіяннаго правдой“ человѣка, и эти лучезарные, чистые глаза за рубежомъ пошлости видѣли что-то сокровенное, какіе то перлы поэзіи истины.

„Его начитанность казалась неисчерпаемой“, сказалъ кто-то о немъ въ красивой, надгробной рѣчи. Да, и это вполне справедливо. Просто удивляешься тому, сколько успѣвалъ читать, сколько успѣвалъ работать этотъ человѣкъ! Какъ будто для него одного сутки удлинялись вдвое, потому что просто непостижима такая разносторонняя, разнохарактерная работа ума и души!

И при этомъ, отсутствіе разбросанности, хаотичности,—какая-то поразительная цѣльность, гармоничность міросозерцанія,—стройнаго, воздушнаго и чарующаго вмѣстѣ съ тѣмъ законченностью линій міропониманія.

„Не рыдай такъ безумно надъ нимъ, — хорошо умереть молодымъ“, сказала поэтъ но не всегда хорошо умереть молодымъ. Сергѣю Семеновичу надо было еще пожить, чтобъ сказать „вѣщее слово“, и больно, что только намекъ на это „вѣщее слово, скользнулъ по душѣ знавшихъ его, тогда какъ слово это могло прозвучать громко и властно, такъ какъ это было, было одинъ изъ талантливыхъ, выдающихся людей.

Больно, безгранично больно, что волшебныя струны порваны такъ безжалостно рано, и „аккордъ еще рыдаетъ“ только въ памяти немногихъ людей.

Когда встрѣчаешь въ жизни такія оригинальныя, цѣльныя натуры, какъ С. С., то еще больше понимаешь цѣнность человѣческой личности, всю неизмѣримую высоту и могущество человѣческихъ духовныхъ силъ, и гордишься именемъ „человѣка“. И тогда еще больше понимаешь всю безмѣрность „безумія Герострата, сжегшаго храмъ Діаны въ Эфесѣ“, возмущаешься имъ и въ безпомощномъ отчаяніи ломаешь руки передъ безжалостнымъ, молчаливымъ сфинксомъ, имя которому судьба.

Съ глубокимъ волненіемъ я прочла слѣдующія строки изъ папки съ черновыми замѣтками С. Троицкаго:

„7. IX. 1908 г.“.

„Прилагаю при семь листочки бумаги и прошу записывать тѣ статьи и книги, въ которыхъ что-нибудь говорится о слѣдующихъ предметахъ.

1. О предопредѣленіи.
2.
3.
4. О смыслѣ страданій и о Уайльдѣ.
5.

6.
7.
8.
9.
10.
11.
12. О необходимости зла.
13. О судьбѣ.

Богъ любить и злыхъ, такъ какъ позволяетъ имъ поступать по своей волѣ“.

Нечего комментировать весь глубокий драматизмъ этихъ выписокъ въ связи съ трагической кончиной Сергѣя Семеновича, но драматизмъ этотъ еще больше возрастаетъ, когда читаешь отрывокъ изъ одного неотосланнаго письма, написаннаго ровно за годъ до его убійства.

„Все какъ-то кажется, что вотъ придешь домой, такъ немного заболѣешь, не чувствуя боли нигдѣ опредѣленно, поболѣешь, сляжешь, и конецъ. Думаю, что будетъ очень грустно, не захочется умирать, но думаю, что и достаточно буду равнодушенъ, даже м. б. радостенъ. Еще въ первые годы помню я, мнѣ вдругъ однажды ясно все настоящее представилось. Боюсь, не стать бы суевѣромъ. А впрочемъ вѣдь есть и предопредѣленіе“.

Дрожь пробираетъ, холодъ охватываетъ, когда читаешь эти строки.

А затѣмъ такая трагическая кончина, и это величественное, нечеловѣческое, какъ будто изъ горнихъ высотъ звучащее: „прощаю“, „прощаю“!

Нѣтъ величественнѣе зрѣлища, чѣмъ величіе человѣческой души. И я бы хотѣла, чтобъ дѣти мои прониклись тѣмъ же благоговѣніемъ передъ этимъ зрѣлищемъ, какимъ проникнута я. Пусть образъ

одного изъ незамѣтныхъ, но тѣмъ не менѣе великихъ „героевъ“ и „геніевъ“ души, если можно такъ выразиться, навсегда запечатлѣется въ ихъ сердцахъ.

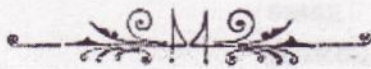
Если эти простыя, вылившіяся изъ души строки прибавятъ хоть нѣсколько штриховъ къ тому лучезарному облику, который долженъ создаться въ представленіе читателя этого сборника, то пусть онѣ будутъ данью моего глубокаго благоговѣнія передъ свѣтлой памятью почившаго страдальца.

Миръ праху и вѣчная память тому, „кто не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней, что любилъ, въ томъ нашелъ гибель жизни своей“.

Не глубочайшая ли это трагедія?

Нина Зурабова.

15 мая, 1911 г.

ПАМЯТИ

моего дорогого брата Сергѣя Семёновича Шроцкаго.

(Биографическій очеркъ).

Послѣ трагической кончины Сергѣя Семёновича († 2 ноября 1910 г.) его друзья и почитатели, образовавшіе кружокъ памяти почившаго обратились ко мнѣ съ просьбою составить біографію Сергѣя Семёновича. Я охотно согласился, не представляя ясно вначалѣ той трудности, какая мнѣ будетъ предстоять при составленіи біографіи... Первые шесть мѣсяцевъ я употребилъ на собираніе письменнаго матеріала. Въ этомъ отношеніи мои поиски были успѣшны. Въ Серезиномъ сундукѣ я нашелъ 10 его записныхъ книжекъ. Первая записная книжка отъ II класса духовной семинаріи. Послѣднія книжки его относятся къ тому времени, когда Сергѣй Семёновичъ состоялъ студентомъ Московской духовной академіи. Что касается характера этихъ записныхъ книжекъ, то Сергѣй Семёновичъ такъ опредѣляетъ его: „мой дневникъ — это метрическая книга о вновь родившихся мысляхъ, о брачившихся идеяхъ и словахъ, объ умершихъ чувствахъ“. При внимательномъ разсмотрѣніи книжекъ можно сказать, что его памятные книжки являются простыми записными книжками, но не систематическимъ дневникомъ. Но въ этихъ его записныхъ книжкахъ, наряду со школьными замѣтками, отмѣтками объ успѣхахъ, расписаніями уроковъ и экзаменовъ, можно встрѣтить много интереснаго и полезнаго. Здѣсь мы встрѣчаемъ, можно сказать, цѣлые каталоги прочитанныхъ Сергѣемъ Семёновичемъ

книгъ, его личныя замѣтки о прочитанныхъ книгахъ и, главнымъ образомъ, выписки важныхъ мѣстъ. Нельзя не удивляться громадной пачитанности Сергѣя Семеновича. На ряду съ книгами литературнаго содержания Сергѣй Семеновичъ очень много читалъ книгъ религіозно-философскихъ. Прочитывая его выписки изъ книгъ, нельзя не видѣть того, что Сергѣй Семеновичъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ стремился уяснить себѣ смыслъ и назначеніе нашей жизни, съ болью въ душѣ вырабатывалъ свои убѣжденія, еще съ дѣтства онъ далеко „отбросилъ отъ себя“ обыкновенные житейскіе интересы и жилъ только своими идеальными стремленіями. Воспитанный въ искренне-религіозной семьѣ, подъ покровомъ православной церкви, выросшій на лонѣ сельской природы въ кругу деревенскихъ мужиковъ, Сергѣй Семеновичъ сдѣлался и былъ всегда благородно-вѣрующимъ человѣкомъ, онъ близко стоялъ всегда къ деревенской средѣ, горячо любилъ красоты безыскусственной сѣверной природы. Въ его книжкахъ мы встрѣчаемъ очень много стихотвореній, описывающихъ эти красоты.

Помимо записныхъ книжекъ, отъ Сергѣя Семеновича остались его домашнія письменныя работы, исполненныя имъ въ духовной семинаріи, черновики его кандидатской работы на тему: „Этика Спинозы“, его проповѣди, которыя онъ произносилъ въ церкви своего родного села. Въ моемъ распоряженіи были также письма Сергѣя Семеновича, написанныя имъ какъ лично мнѣ, такъ и крестьянамъ села Толпыгина Костромск. губ. Нерехт. у.—Ф. А. Большакову и А. К. Хрѣнову. Отъ переписки Сергѣя Семеновича съ другомъ—крестьяниномъ Большаковымъ осталось очень много интересныхъ писемъ, по которымъ лучше можно возстановить въ памяти образъ Сергѣя Семеновича,

если кто зналъ его лично, или нарисовать себѣ этотъ образъ, чѣмъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній о покойномъ братѣ. Въ этихъ письмахъ очень хорошо открывается духъ и характеръ Сергѣя Семеновича, его мечты, планы, желанія и надежды. Мой биографическій очеркъ коснется лишь дѣтскихъ лѣтъ Сергѣя Семеновича, а позднѣйшіе годы будутъ описаны въ статьѣ: „Изъ переписки съ друзьями“. Эта статья содержитъ въ себѣ выдержки изъ писемъ Сергѣя Семеновича къ Ѳ. А. Большакову. Между письмами указана общая связь.

Я помню Сережу съ 7-лѣтняго возраста. Онъ старше меня почти на 2 года. Мои дѣтскіе годы и годы ученія связаны съ нимъ. Сережа родился 8 августа 1881 г. Нашъ родитель состоялъ въ то время діакономъ при Всѣхсвятской церкви города Костромы. Въ 1883 г. папаша, получивъ санъ священника, поступилъ въ Толыгинскій приходъ Нерехт. уѣзда Костромск. г. Дѣтскіе годы Сергѣя Семеновича протекли поэтому въ деревнѣ на лонѣ сельской природы среди крестьянъ. Изъ дѣтскихъ лѣтъ Сергѣя Семеновича я помню первые годы его ученія. Учился онъ дома вмѣстѣ съ старшей сестрой, подъ руководствомъ мамы, которая окончила курсъ Костромскаго 7 класснаго монастырскаго училища. Я помню, какъ Сережа (въ самомъ началѣ своего обученія грамотѣ) скоро научился красиво писать. Впрочемъ, чистописанію его училъ папаша, который самъ пишетъ очень красивымъ почеркомъ. Наканунѣ каждаго праздника мы всѣ вмѣстѣ разучивали тронари и кондаки и пѣли ихъ домашнимъ хоромъ.

Въ дѣтствѣ Сережа каждое воскресенье и праздникъ посѣщалъ храмъ. Папаша всегда бралъ его съ собой въ церковь, даже къ утреннему богослуженію.

Научившись грамотѣ дома, Сережа поступилъ въ старшее отдѣленіе земской школы села Кунищина. Въ этой школѣ папаша былъ законоучителемъ. Въ это время у Сережи была своя библіотека дѣтскихъ книгъ, до которой, однако, онъ меня не допускалъ. Для своего чтенія Сережа собиралъ книги у крестьянъ мѣстнаго села. Помню я, что у него было очень много военно-историческихъ книгъ. Сережа великолѣбно всегда звалъ, какія книжки онъ могъ достать въ своемъ селѣ. Узнавалъ это онъ слѣдующимъ образомъ. Два раза въ годъ—на Рождествѣ и Пасхѣ онъ ходилъ вмѣстѣ съ папашей „славить“ Христа. Во время этого славленія онъ всегда смотрѣлъ на крестьянскія „полки“ въ домахъ и, если гдѣ находилъ на этихъ полкахъ книги, то всегда просилъ хозяина дома показать ему его книги. Конечно, это были книги или церковно-богослужебныя или апокрифическія или „старообрядческія“, а также книги по исторіи. Всегда интересовался онъ и тѣмъ, какія висѣли у крестьянъ картины на стѣнахъ. Это были картины: „Какъ мыши kota хоронили“, „Гора Авонъ и ея монастыри“, 12 ступеней — возрасты человѣческой жизни и т. п.

Помню я, что Сережа съ дѣтства любилъ заниматься ручнымъ трудомъ. У него въ саду былъ великолѣпный „шалашъ“ съ окнами и дверью, устроенный имъ самимъ. Въ плотничествомъ Сережа достигъ такого искусства, что могъ сдѣлать оконную раму не хуже любого столяра. Начитавшись Майнъ-Рида (конечно, уже въ то время, когда былъ ученикомъ духовнаго училища). Сережа устроилъ вмѣстѣ со мною плотъ, а затѣмъ и лодку. На этомъ плоту я совершалъ съ нимъ плаваніе на ближайшемъ церковномъ пруду. Хорошо зналъ Сережа и переплетное мастер-

ство. Еще въ дѣтствѣ, когда я, имѣя у себя „домовую церковь“, воспроизводилъ въ ней до мельчайшихъ подробностей всѣ церемоніи христіанскаго богослуженія, Сережа рисовалъ мнѣ картины, которыя замѣняли у меня иконы, перешлеталъ мои книги: — одну книгу переплелъ въ хорошій кожаный переплетъ съ золотымъ тисненіемъ, назвавши ее моимъ „евангеліемъ“. Съ большою любовью вспоминаются его дѣтскія игры со мною и другими мальчишками дома, на сѣнокосѣ и въ лѣсу.

Играли мы „въ лошадки“, „въ солдаты“, „въ зайцы“. Последняя игра происходила въ небольшомъ лѣсу, „Подсосеньѣ“, окруженномъ съ трехъ сторонъ рѣкою. Часто лѣтомъ ходили мы въ лѣсъ или плавали по рѣкѣ на лодкѣ. Въ лѣсу жгли костры. На огнѣ пекли картофель и ѣли его съ большимъ аппетитомъ, такъ какъ въ теченіе цѣлаго дня не заходили домой. Сережа очень любилъ отыскивать въ окрестностяхъ села красивыя мѣста. Съ лѣтами Сережа бросалъ свои дѣтскія игры и становился серьезнѣй. Однако по прежнему любилъ онъ родную природу. Лѣтомъ почти ежедневно ходилъ въ березовую рощу, но не жегъ уже въ ней костровъ съ прежней дѣтскою беззаботностью. Любилъ онъ и свой храмъ. Онъ всегда принималъ живое участіе въ богослуженіи путемъ чтенія и пѣнія. Участь въ духовной семинаріи, онъ такъ плѣнился красотой церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній, прокимновъ, стихирь, что „въ горницѣ“ одного крестьянина по воскреснымъ днямъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ пѣлъ вмѣстѣ съ нимъ духовныя пѣснопѣнія. Еще раньше изученія въ семинаріи исторіи „старообрядчества на Руси“ и обличенія его, Сережа, имѣя подъ мышкою „миссіонерскій спутникъ“, отправлялся къ старообрядцамъ и велъ съ

ними удачныя полемическія бесѣды. Эти его бесѣды иногда увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Ему удалось обратить въ православіе нѣкоторыхъ старообрядцевъ-раскольниковъ.

Какъ учился Сергѣй Семеновичъ? Какіе были у него любимые предметы въ семинаріи, а затѣмъ въ академіи? Въ теченіе всѣхъ 15-ти лѣтъ своего обученія, (изъ нихъ 5 лѣтъ приходится на духовное училище, 6—на духовную семинарію и 4— на духовную академію), Сергѣй Семеновичъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Онъ былъ очень трудолюбивъ, способенъ и начитанъ. Но у него всегда письменныя домашнія работы выходили лучше, чѣмъ устные отвѣты въ классѣ. Изъ его домашнихъ письменныхъ работъ по литературѣ, св. писанію, „расколу“, философіи и психологіи, можно насчитать около двухъ десятковъ работъ, отмѣченныхъ балломъ „5+“. Даже его кандидатская работа на тему „Этика Спинозы“ была отмѣчена проф. Тараевымъ этимъ балломъ. Его любимыми предметами были въ дух. училищѣ: русскій языкъ и географія; въ семинаріи—литература, свящ. писаніе, греческій языкъ и исторія „раскола“; въ академіи—философія, литература русская и иностранная и археологія. Матеріальныя интересы совсѣмъ не занимали Сергѣя Семеновича. Съ самаго дѣтства и до послѣднихъ дней Сережа не имѣлъ даже своего кошелька для денегъ.

На студенческой скамьѣ въ академіи Сергѣю Семеновичу удалось пережить сильный религіозный подъемъ духа—во время поѣздки въ святую землю вмѣстѣ съ товарищами студентами, нѣкоторыми профессорами и ректоромъ. Искренняя вѣра, глубокая религіозность, чистота души и жизни Сергѣя Семеновича, во время „освободительнаго движенія“ въ Россіи, по-

режили тяжелое испытаніе. Онъ, какъ будто, не съ прежнимъ довѣріемъ и любовью сталъ относиться къ „духовнымъ сановникамъ“ церкви, какъ онъ выражался, такъ какъ видѣлъ, что они стоятъ иногда не на стражѣ подлинной церкви Христовой, подмѣняютъ ликъ Спасителя „Мамоной“, однако по прежнему любилъ молиться въ своей родной сельской церкви, всегда пѣлъ въ ней вмѣстѣ съ крестьянами. Онъ очень интересовался постройкой новаго храма въ своемъ селѣ, принималъ въ этой постройкѣ живое участіе, хотя съ любовью вспоминалъ прежнюю „ветхую старую церковь“, низенькую, маленькую и темную. Много ранѣе онъ убѣждалъ мужиковъ устроить школу. Въ своемъ храмѣ онъ нѣсколько разъ въ году произносилъ проповѣди, какъ въ торжественныхъ случаяхъ, такъ и въ самыхъ обычныхъ, напр., при погребеніи самыхъ бѣдныхъ прихожанъ. Въ школѣ онъ не разъ устраивалъ чтенія со свѣтовыми картинами. На заработанныя уроками деньги онъ устроилъ въ своемъ селѣ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ—другомъ П. А. Ф., библиотеку съ очень хорошимъ подборомъ книгъ по религіи, философіи, исторіи и сельскому хозяйству. За свои добрыя отношенія къ крестьянамъ онъ пользовался большою любовью съ ихъ стороны. Во время его пріѣздовъ въ Толпыгино къ Сергѣю Семеновичу приходили для бесѣдъ и совѣтовъ не только крестьяне мѣстнаго села, но и сосѣднихъ селъ и деревень. Любили его крестьяне и за то, что онъ никогда „капли вина не бралъ въ ротъ“ и не курилъ. Сдѣлавшись учителемъ гимназіи въ далекомъ Тифлисѣ, Сергѣй Семеновичъ не забывалъ Толпыгина и крестьянъ. Онъ велъ съ ними частую переписку; многимъ изъ нихъ онъ оказывалъ возможную съ своей стороны матеріальную

помощь. Такъ, напр., за нѣсколько дней до смерти онъ прислалъ одному мужику, у котораго было плохое зрѣніе, свои очки....

Умеръ Сергѣй Семеновичъ 2 ноября 1910 г., на 30-мъ году.

Изъ переписки съ друзьями.

Сергѣй Семеновичъ имѣлъ друзей среди крестьянъ своего родного села Толпыгина. Съ ними онъ переписывался, когда былъ ученикомъ костромской духовной семинаріи и студентомъ московской академіи. Чаше сталъ переписываться, когда сталъ служить въ Тифлисской гимназіи. Эти крестьяне—люди начитанные, развитые, талантливые. Отъ нихъ Сергѣй Семеновичъ узнавалъ всѣ новости родного края, а также и ихъ душевные запросы. Послѣ смерти Сергѣя Семеновича его письма были переданы во временное пользованіе мнѣ.

Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся цѣликомъ идеальнѣйшая личность покойнаго. Здѣсь я сдѣлалъ извлеченіе только изъ писемъ, адресованныхъ Сергѣемъ Семеновичемъ крестьянину Ѡ. А. Большакову. Эти письма интереснѣе другихъ и въ общемъ достаточно характеризуютъ Сергѣя Семеновича. Всѣхъ такихъ закрытыхъ писемъ, помимо открытокъ, 62. Первое письмо отъ 15 ноября 1898 г., а послѣднее отъ 30 окт. 1910 года.

Изъ письма № 1, 15 ноября 1898 г.

Выразивъ радость по поводу полученія письма отъ Большакова, Сергѣй Семеновичъ пишетъ ему о своихъ домашнихъ письменныхъ работахъ. Между прочимъ, онъ написалъ сочиненіе по литературѣ на тѣмъ „Поэтическое вдохновеніе“. Интересуется исторіей русской литературы. Береть читать книги изъ читальни имени Островскаго за плату 5 коп. въ мѣ-

сяцъ. „Я уже прочиталъ два тома Тургенева, Фаррара (На зарѣ христіанства), Муравьева, Елисеѣва и др. Хорошую книжку прочиталъ (о томъ), какъ сушить цвѣты и ихъ собирать; сдѣлалъ изъ нея кой-какія выписки“. Въ заключеніе Сергѣй Семеновичъ пишетъ о томъ, какія книжки по садоводству онъ думаетъ купить для своего друга.

Во второмъ письмѣ (по моему счету) отъ 9 марта 1899 г. Сергѣй Семеновичъ пишетъ, что послалъ Алексѣю Константиновичу, старообрядцу села Толпыгина, книжку „про календарнаго антихриста Юлія Цезаря съ такимъ посланіемъ: „Посланіе ученика Сергія къ мужу Алексію, сомнѣвающемуся въ ученіи православной церкви“. Въ томъ же письмѣ онъ проситъ Большакова, какъ б. старообрядческаго начетчика, вернуть въ лоно церкви Іоанна Никитича. Извѣщаетъ его о томъ, что на масленицѣ продавалъ дома св. Евангелія. (Большаковъ, имѣя крестьянское хозяйство въ Толпыгинѣ, служить приказчикомъ въ одной конторѣ г. Иванова Вознесенска).

Въ третьемъ письмѣ Сергѣй Семеновичъ рѣшаетъ вопросъ, почему нельзя получить вѣрнаго изображенія непосредственно изъ камеробскурѣ. Пишетъ также Ѡ. А.: „Богъ наградитъ тебя за обращеніе въ лоно церкви Василя; поддержки его теперь особенно“. Пишетъ, что его сочиненіе о ветхозавѣтной еврейской музыкѣ ректоръ семинаріи оставилъ себѣ, какъ самое лучшее.

Далѣе идутъ письма Сергѣя Семеновича, писанныя имъ въ IV и V классахъ семинаріи. Въ одномъ письмѣ (отъ IV класса) онъ говоритъ о новыхъ предметахъ, новыхъ чувствахъ; увлекается основнымъ богословіемъ, „за домашнимъ сочиненіемъ“: „Законно ли раскольники именуютъ себя старообрядцами“ про-

сживаю до 12 ч. ночи". Въ одномъ письмѣ (отъ V класса) онъ утѣшаетъ Ѳ. А. въ потерѣ лошади, ссылаясь на многострадальнаго Іова. „Да ниспошлетъ Господь миръ всему твоему семейству, которое (сильно встрѣвоженное) да найдетъ въ тебѣ успокоеніе, видя тебя твердо сносящимъ „руку Божию“.

Изъ писемъ, написанныхъ С. С., когда онъ состоялъ ученикомъ VI класса дух. семинаріи, особенно интересно то, въ которомъ онъ описываетъ свою поѣздку въ Москву на святкахъ. Въ этомъ письмѣ онъ подробно говоритъ о Московскомъ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, гдѣ онъ осмотрѣлъ Хлудовскую бібліотеку. С. С. лично провѣрилъ всѣ мѣста, касающіяся имени „Исуса“, по Новгородскому Евангелію епископа Моисея 1323 г., видѣлъ сочиненія Максима Грека, пергаментную греческую псалтирь, написанную для императора Василя Македонянина (въ этой псалтири много изображеній, на которыхъ перстосложеніе именованное (никоимъ образомъ не двуперстное), тамъ же Серг. Сем. видѣлъ точные фотографическіе снимки съ Остромирова Евангелія и съ Евангелія св. митр. Алексія, видѣлъ Бѣлокриницкій уставъ; этимъ „уставомъ“ обличается „австрійское“ священство: въ уставѣ говорится, что Христосъ родился при сотвореніи міра; видѣлъ много древнихъ греческихъ монетъ съ изображеніемъ четвероконечнаго креста, съ написаніемъ имени Исусъ съ двумя „иже“, изображеніемъ Константина Великаго съ бритой бородой... При посѣщеніи Успенскаго собора Серг. Сем. много заинтересовался древнимъ „столповымъ“, пѣніемъ..

Въ этомъ же письмѣ Сергѣй Семеновичъ подробно описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него картиною польскаго художника Яна Стыки „Го-

лгоеа“. „Представь себѣ жаркій день во время сѣно-коса, когда небо совершенно ясно, но вдругъ на горизонтѣ стали появляться облачки, вотъ они стали собираться въ темныя тучи, а эти въ свою очередь полѣзали другъ на друга и на яркое солнце. Последнее глянетъ въ прорѣху и поцѣлуеъ землю ослѣпительно яркимъ лобзаніемъ. Что-то зловѣщее творится тогда въ природѣ, птицы смолкаютъ, деревья не шевелятъ ни однимъ листикомъ. Природа, словомъ безмолвно смотритъ на эту борьбу свѣта съ тьмой.

Такъ и на „Гогоеѣ“. Вотъ солнце, озаривъ бѣлые караванъ-сарай пало цѣлымъ снопомъ на лице Творца его... Мучительно „тошно“ стоять, хочется рвануться, подобно Петру, къ ногамъ Спасителя. Здѣсь не слышно шума и критики зрителей, всѣ благоговѣнно смотрятъ. Вотъ только слышится тихій голосъ молодой барышни, читающей объясненіе къ картинѣ: «Пилать уступилъ просьбамъ толпы іудеевъ, воины дали нести крестъ и Онъ пошелъ изъ преторіи вотъ черезъ эти ворота»..

Вотъ, м. б. подобные Пилату, богатые римляне смотрятъ со стѣны на толпу народа, а вонъ вдали прогуливаются подъ зонтомъ другіе, для тѣхъ, видно, совсѣмъ нѣтъ никакого интереса смотрѣть на распятіе.. Жмутся ближе ко Христу только тѣ, которые вовлюбили Его. Вотъ утѣшающій блѣдную, какъ полотно, Богоматерь любимый ученикъ Христа—Іоаннъ, вотъ Лазарь со своими сестрами, нѣкогда погибшая Марія Магдалина упала на землю отъ горя и слезъ, ап. Петръ въ рубашкѣ съ растегнутымъ воротомъ рвется ко Христу, не смотря на то, что легіонеръ останавливаетъ его, и пѣтухъ клюетъ зерно у его ногъ: онъ знаетъ, что уже не къ кому идти съ покаяніемъ;—на бѣломъ конѣ—Логгинъ, отдаеъ при-

казанія, жадная толпа напираетъ на когорту солдатъ, она же продолжаетъ заниматься торговлею подъ стѣнами Иерусалима. Другъ мой, право слово—даже теперь тѣснить грудь, такъ сильно впечатлѣніе.... Я уже почти упустилъ изъ виду самое письмо картины, но, впечатлѣніе говоритъ, что оно чудно... Когда картина была въ первый разъ въ Москвѣ, то тогда передъ картиной насыпали земли (при моемъ осмотрѣ это приготовлялось), и зрители не знали, гдѣ кончается земля, гдѣ начинается картина“... Янъ Стыка, говоритъ биографія, былъ сынъ небогатой семьи, рано узналъ горе и слезы жизни, но былъ весьма религіозенъ, это чувство и помогло ему побѣдить бѣдность, а талантъ увѣнчалъ его славою».

„Ходилъ я еще смотрѣть картины въ музей Румянцевскій и Третьяковскую галерею, но о нихъ когда-нибудь скажу послѣ... Былъ и въ театрѣ... На обратномъ пути изъ Москвы Сергѣй Семеновичъ заѣхалъ въ Троицкую Лавру и московскую дух. академію; останавливался у двухъ профессоровъ Н. Ѳ. Каптерева и А. П. Голубцова. «Такого радушія, простоты, я думаю, никогда не встрѣтить, какъ въ Сергіевскомъ Посадѣ», гдѣ находится Лавра и академія. Проф. Голубцовъ показавъ Сер. Сем. археологическій музей при академіи (между прочимъ, «онъ надѣлъ на меня кардинальскую пелеринику и колпакъ. «Это мнѣ было неприятно»). «Господи, воздай сторицею такимъ людямъ за ихъ доброту». „Былъ я въ Виѣанскомъ монастырѣ и Геосиманскомъ скиту, понравился лѣсъ, насажденный въ Виѣаніи митрополитомъ Платономъ“. „Я уже окончательно надумалъ ѣхать учиться въ московскую академію“...

Письмо отъ 10 марта 1903 г.

„Дорогой Теодоръ Алексѣевичъ“!

Идеалисты-художники греки привѣтствовали друзей своихъ словомъ „χαῖρε“ „радуйся“!, практика римляне говорили: «salve“!—„будь здоровъ“, привѣтствіемъ христіанъ служить: „миръ тебѣ“. Дорогой мой, какъ мнѣ привѣтствовать тебя?—Каждый разъ, когда начинаю писать къ тебѣ, мой другъ, думаю зачѣмъ мнѣ писать къ тебѣ? Всѣ мои мысли, всѣ чувства тебѣ извѣстны! Сердце и душа моя раскрыта тебѣ, но не утерплю, мой другъ, и опять пишу тебѣ. Миръ да будетъ душѣ твоей, отъ здороваго духа—и здоровое тѣло будетъ, а за ними да не умедлить придетъ къ тебѣ и тихая радость! Пишу, а сердце неспокойно: я желалъ бы перелетѣть пространство, насъ раздѣляющее, и просить лично прощенія,—прощенія, ибо мнѣ кажется (о, если бы только казалось!), что не мнѣ что-то лежитъ виновное, а ты такъ скоро уѣхалъ и не сказалъ. Цѣлью жизни моей я поставилъ истину, ложь и притворство всего болѣе возмущаютъ меня, потому, другъ мой, повѣрь, повѣрь крѣпко, что, если я говорю „что“, то говорю безъ всякихъ подкладокъ, не сообразуясь съ тѣмъ, что—„двіе лукави“. Я никого не имѣю на бѣломъ свѣтѣ кромѣ тебя, я вѣрю въ чистоту сердца твоего, а потому пишу ли тебѣ, другъ мой, говорю ли, все дѣлаю такъ, какъ бы ты былъ „плоть отъ плоти моей и кость отъ костей моихъ“, или наоборотъ—я отъ твоихъ. Пишу всегда съ надеждою и вѣрою, что все наше взаимное, внутреннее, тайное, не перелетѣтъ въ другіе сосуды. Всякое „третье“, кромѣ любви и искренности да не будетъ между мною и тобою! Могу ли я нацѣяться крѣпко, другъ дорогой мой, на такую взаимность!—Отвѣть мнѣ...

окончить студентами. Прощай дорогой мой. Господь съ тобою да будетъ! Твой Сергѣй изъ Толпыгина. 1903 г. 10 марта, дню преклоншуся“.

Въ слѣдующемъ, пасхальномъ письмѣ Сергѣй Семеновичъ, посылая свою фотографическую карточку, выясняетъ значеніе портрета. „Недавно я читалъ, что благородный философъ Плотинъ не только не позволялъ снимать съ себя портретъ, но даже стыдился говорить о своей тѣлесной природѣ. Правъ и неправъ его поступокъ: правъ, если смотрѣть на человѣка, какъ на жителя только этой земли и какъ ея сына, и брата дождевому червю и лѣсному грибу,— не правъ, если смотрѣть на него, какъ на нѣчто большее этого, и послѣднее правильнѣе. Не въ прахъ ли было вдунуто дыханіе жизни, но вышелъ человѣкъ—чудное и прекраснѣйшее изъ созданій Творца, которыя также, какъ и тѣло человѣка, будучи перстны по существу, не говорятъ-ли намъ своею гармоніею о чемъ-то возвышенномъ?— Не въ тѣлѣ-ли обитало Божество, не съ Нимъ-ли мы вчера спогребались, чтобы жить потомъ для Него въ нашемъ тѣлѣ еще болѣе прекрасномъ и безсмертномъ? Все это дорогой мой, заставляетъ меня сильно желать имѣть твой портретъ, да черезъ него я буду чтить благородный духъ твой и жить съ тобою „вѣчно“.

Въ томъ же году Федоръ Алексѣевичъ получилъ отъ Сергѣя Семеновича на день своего ангела слѣдующее стихотвореніе.

Дорогому брату—другу въ день его Ангела.

Мой добрый другъ, мой старый другъ,
Съ тобою мы идемъ
Однимъ и тѣмъ же роковымъ,
Загаочнымъ путемъ.

* * *

Намъ темень путь, тернистый путь,
Но свѣтитъ намъ всегда
Надъ ночью нашихъ лучшихъ грезъ
Святой любви звѣзда.

* * *

Сквозь дымный мракъ намъ, какъ маякъ
Надъ бездною морской,
Она горитъ, она влечетъ
Въ прекрасный мѣръ иной.

* * *

Темна борьба, грустна нужда,
Но свѣтлыя мечты
Ведутъ впередъ и все впередъ —
Въ храмъ вѣчной красоты.

* * *

Тамъ—правды свѣтъ, тамъ жизни цвѣтъ,
Тамъ—ясень кругозоръ,
Тамъ Бога видитъ на землѣ
Нашъ просвѣтленный взоръ...

* * *

Куда бы насъ—въ недобрый часъ—
Не бросила судьба, —
Не заклеимъ съ тобою насъ
Никто клеймомъ раба.

* * *

Свободный мѣръ, прекрасный мѣръ
Рисуется очамъ,
Всѣгда открытъ съ тобою намъ
Любви и правды храмъ...

* * *

Судьба грозитъ, судьба разить, —
Но нѣтъ, не властна тьма
Надъ вѣрой сердца въ торжество
Работниковъ ума!

* * *

Кто могъ познать, отчизна мать,
Весь смыслъ твоихъ задачъ, —
Тому не страшенъ рокъ слѣпой—
Твой мечъ, —судьба—палачъ...

Нѣтъ ничего страшнѣе на свѣтѣ одиночества. Какъ часто въ ясный день лѣта я любилъ смотрѣть на чудныя постройки изъ бѣло-серебряныхъ облаковъ;—какъ чудно было смотрѣть на нихъ и въ то же время страшно, весьма страшно. Среди простора необъятнаго неба ходять, дивно строятся они, но „зачѣмъ“?—спрашивается. Непостижимость, неразрѣшимость цѣли страшно гнела тогда меня, ноги невольно бѣжали съ поля отъ этого грознаго зрѣлища... бѣжали опять не куда-нибудь въ другое мѣсто, а прямо къ человѣку. Все перемѣнялось тогда, ужасъ смѣняла пріятность зрѣлища, небо не пугало, а умирало... почему все это такъ происходило—право не знаю, вѣрю только то, что другимъ совершенно вѣяло тогда на душу. Совершенно также и въ жизни:—посмотри одинъ ей въ глаза и испугаешься.. взгляни съ другомъ и обрадуешься:—„обойметъ тебя вѣтромъ-холодомъ, и ты молвишь ей шумнымъ голосомъ: „воротись назадъ, держи около!. „Вотъ ужъ и пошелъ“.. скажетъ ты, какъ говорила супруга Ае. Ив. въ голевскомъ произведеніи, когда Ае. Ив. съ дряхлыми, какъ и онъ самъ, пистолетами собирался идти на войну. Прости, дорогой мой, сейчасъ же перестану быть грекомъ-идеалистомъ и спрашиваю тебя: приобрѣлъ ли (или приобрѣтешь ли) фотографическій аппаратъ? если да, то я постараюсь купить руководство, если оно надобно, и вообще по пооробнѣ узнать по этой части. Отвѣтъ на это въ письмѣ. Фотографическую карточку и руководство привезу на Пасху. Вотъ ужъ и кончили такіе вопросы. Буду ждать отъ тебя длиннаго и обстоятельнаго письма. Новаго у насъ почти ничего нѣтъ, кромѣ того, что 9 марта велъ раскольничью бесѣду въ семинаріи, и что вышелъ указъ, весьма непріятный, въ смыслѣ строгій, для желающихъ

* *
Храня мечты, и я и ты
Въ борьбѣ закалены,—
Безсильны вѣру побороть
Угрюмой жизни сны...

* *
Мы вѣримъ: ночь умчится прочь,
И утро дней иныхъ
Взойдетъ зарею новыхъ думъ—
Зарей надеждъ святыхъ...

* *
Не одинокъ тотъ огонекъ,
Что свѣтитъ издали
Для лучшихъ чувствъ, для лучшихъ грезъ
Родной сердца мѣ земли...

* *
Пусть ночи тѣнь туманитъ день,
Пусть день сулитъ обманъ,—
Мы знаемъ, вѣримъ оба мы:
Развѣется туманъ...

* *
Одинъ конецъ—въ огнѣ сердецъ
Мракъ думъ перегоритъ,—
Какъ новый день, и новый годъ
Намъ вѣчность озаритъ...:

1903 г. 16 февр. 9 ч. вечера, с. Толпыгино.

Въ одномъ письмѣ, написанномъ Сергѣемъ Семеновичемъ въ томъ же VI классѣ семинаріи, выясняется значеніе „горницы“ Феодора Алексѣевича. „Припомни, другъ мой, всѣ тѣ часы и минуты, которые мы проводили въ разговорахъ по поводу тѣхъ или иныхъ вопросовъ, возникшихъ при чтеніи книгъ. Это время проносится предо мною, какъ нѣчто нѣзамѣнимо сладостное. Твоя „горница“ въ этомъ отношеніи является болѣе драгоценною, чѣмъ наша

коллегія: миромъ и успокоеніемъ, а также бодростью вѣяло, въ первой и холодомъ обладаетъ послѣдняя; здѣсь уже мы болѣе „рабы закона“, чѣмъ „чада свободы“. Жажда знанія снѣдаетъ душу: какъ страусъ стараешься проглотить все и при всемъ этомъ не имѣешь насыщенія“... „Считаю счастьемъ послѣднихъ дней, что пришлось получить благословеніе у уважаемаго о. Іоанна Кронштадскаго. Ты, м. б., слышалъ, что одинъ крестьянинъ Солигалич. у. (Костром. г.) составилъ ему акаѳистъ, какъ въ „Троицѣ Славимому“. По поводу этого невѣжества о. Іоаннъ и ѣздилъ его увѣщевать“.

Этимъ заканчиваются семинарскія письма Сергѣя Семеновича.

Далѣе идутъ академическія письма. Но здѣсь большой перерывъ въ письмахъ. Сергѣй Семеновичъ поступилъ въ Академію въ августъ 1903 года, письма же имѣются только, начиная съ октября мѣсяца 1905 года. На сколько мнѣ извѣстно, Сергѣй Семеновичъ не прерывалъ письменныхъ сношеній съ Феод. Алекс. Все лѣто 1903 г. Сергѣй Семеновичъ употребилъ на подготовку къ приѣмнымъ экзаменамъ въ Академію... Въ августъ 1903 года Сергѣй Семеновичъ поступилъ въ студенты академіи... Лекціи профессоровъ, семестровыя сочиненія, громадная академич. бібліотека, — совершенно „плѣнили“ Сергѣя Семеновича. Первый и второй академическіе курсы Сергѣй Семеновичъ жилъ въ общестуденческомъ номерѣ. Всего жило въ немъ 8—6 товарищей студентовъ Съ третьяго курса Сергѣй Семеновичъ живетъ только вдвоемъ, вмѣстѣ съ П. А. Ф. Лѣтомъ 1905 года Сергѣй Семеновичъ ѣздилъ вмѣстѣ со студентами и профессорами на Востокъ въ Св. землю, Египеть и Грецію. Отъ этой поездки у Сергѣя Семеновича остались самыя лучшія во-

споминанія. Что касается религіознаго настроенія и убѣжденій Сергѣя Семеновича, то въ академіи религіозное чувство его „не шло на убыль“. Сергѣй Семеновичъ постоянно посѣщаль богослуженіе академическаго храма, участвовалъ въ пѣніи на лѣвомъ клиросѣ, въ одно время былъ даже „иподіакономъ“ у преосвященнаго ректора академіи...

1905, 1906 и 1907 годы доставили много мученій Сергѣю Семеновичу. Сергѣй Семеновичъ принялъ участіе въ борьбѣ академическихъ студентовъ и профессоровъ съ Синодомъ за автономію. „Студенты рѣшили вывести съ собою на просторъ изъ подполья нашу поблѣднѣвшую науку“, пишетъ онъ въ письмѣ отъ 6 окт. 1905 г. „Какъ жаль, безконечно жаль, такъ безвременно сгорѣвшаго отъ душевнаго жара любви къ свободѣ и праву, молодого бойца кн. Трубецкаго“. Сергѣй Семеновичъ горячо откликается на политическія событія нашей родины. „Вся жизнь страны—моя болѣзнь“, — пишетъ онъ какъ-то. Вмѣстѣ съ П. А. Ф. онъ рѣшилъ основать въ Толпыгинѣ бібліотеку для крестьянъ. На свои скудные средства они покупаютъ подходящіе для крестьянъ книжки прогрессивнаго направленія и отправляютъ ихъ въ Толпыгино. Съ теченіемъ времени въ Т. образуется порядочная бібліотека съ очень хорошимъ подборомъ книгъ. Окрестные крестьяне съ увлеченіемъ стали читать книги. Когда правительство въ дѣлѣ усмиренія русской революціи стало прибѣгать къ смертной казни, а высшая церковная власть санкціонировала смертную казнь, Сергѣй Семеновичъ ужасно мучился этимъ явленіемъ, сталъ терять свое прежнее довѣріе и любовь къ свѣтской и духовной власти.

Въ письмѣ къ Ѳ. А. онъ пишетъ: „Какъ хочется всплеснуть подростаящими крыльями и полетомъ чайки погнаться вслѣдъ тающихъ въ лазури облачныхъ льдинъ къ Невечернему тихому свѣту отъ этой, замоченной кровью, изнасилованной земли... Блѣдныя тѣни измученныхъ зноемъ и вьюгами, разорванныхъ свинцомъ и поклеванныхъ птицами каленымъ желѣзомъ ложатся на сердце... Ты предала ихъ, родина мать! За что? Неужели покрытыя пятнами крови сорочки предъ еаворскими ризами праведныхъ въ день суда будутъ говорить о твоей къ нимъ милости? Неужели крестную молитву за враговъ можно превратить въ „убій“ и въ вопли семействъ загубленныхъ. „Не слышно твоего голоса, мой другъ, такъ близко всегда принимавшій къ сердцу интересы вѣры и правды. Слава Богу за то, что послалъ мнѣ на это время моего брата. Мы надумали съ нимъ устроить толпыгинскую общину. Поднять тамъ новую землю и засѣять пшеницу на дѣвственныхъ сердцахъ“. Волна освободительнаго движенія, прокатившаяся по русской землѣ, всколыхнула жизнь и отняла у многихъ религіозную вѣру. О своихъ религіозныхъ недоумѣніяхъ, которыя возникли теперь и въ умѣ Ѳ. А., Ѳ. А. „повѣдалъ“ своему другу Сер. Сем. Сергѣй Семеновичъ откликнулся большимъ письмомъ, въ которомъ подробно разъясняетъ, что такое „вѣра“.

„Вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“. Вѣра—это не есть нѣчто получаемое со стороны, это „суть“ души. Нельзя говорить: „дай мнѣ вѣру“, такъ какъ эта просьба была бы равна требованію: „сдѣлай, чтобы изъ песчинокъ выросли пшеничные колосья. Вѣра, какъ зерно, можетъ увеличиваться и уменьшаться въ своемъ рос-

тъ, можетъ совсѣмъ умереть, какъ она умерла въ падшихъ духахъ. Вѣра—это то, что заставляетъ сознать тебя прекрасное, какъ прекрасное, доброе и радостное, какъ таковое. Въ мирѣ ты видишь борьбу добраго и злого, видишь страдающую добродѣтель и господствующее зло, но, вѣря, ты не склоняешься на сторону этого господина, такъ какъ знаешь, что вся его власть держится постольку, поскольку существуетъ то, съ чѣмъ онъ борется. Сущность зла—отрицаніе добра. Но въ силу чего стало бы существовать оно, если бы, предположимъ, уничтожилось то, что оно отрицало? Можетъ ли существовать вычитаемое какъ таковое, безъ уменьшаемаго? Еще: можетъ-ли существовать „нѣтъ“ безъ „да“? Вѣра есть и утвержденіе своего бытія, утвержденіе именно бытія живого, живущаго, иначе говоря, добро есть только положительное бытіе и развитіе его есть жизнь души. Вызванный къ бытію, ты уже не можешь не быть, какъ не можешь привести въ ничто самой маленькой песчинки. Ты можешь только растолочь ее на микроскопическія частички, но уничтожить совсѣмъ ни одной изъ нихъ не можешь. Ставши на точку зла, пессимизма и т. д., ты невольно запутаешься и придешь опять къ тому, съ чего началъ.

Допустимъ, что ты скажешь, что нѣтъ того-то и того, ничего нѣтъ... Разъ такъ, тогда и тебя, говорящаго это, тоже нѣтъ... Знаешь ли ты вотъ это стихотвореніе В. Иванова: „Отзвѣвы“?

„Тайный!“—звала моя сила: „откликнись, если ты сущій!“.

Нѣкто: „Откликнись, коль ты сущій!“—отвѣтствовалъ мнѣ.

И повторилъ мнѣ: „Ты—сущій!“ И звалъ я радостный: „Вотъ я!“

Радостный кто-то возвалъ:

„Вотъ я!“—и смолкнулъ. Я ждалъ.

Гнѣвъ мой вскричалъ: „Тебя нѣтъ!“

„Тебя тѣтъ!“—прогремѣлъ мнѣ незримый.

И презрѣниемъ отзывъ запечатлѣлъ: „Тебя нѣтъ!“...

„Маску сними!“ — мой вызовъ кричалъ и требовалъ кто-то:

„Маску сними!“ — отъ меня. Полночь ждала. Я нѣмѣлъ.

„Горе! я кличу себя!“—обрѣло отчаяніе голосъ.

И, безнадежный, сказалъ кто-то:

„Я кличу себя!“...

Милый, сейчасъ я совершенно далекъ даже отъ возможности помыслить, что ты потерялъ цѣль жизни, нашелъ послѣднюю бессмысленной, усумнился въ добръ, какъ таковомъ, я думаю то, что ты только *многое* въ жизни нашелъ бессмысленнымъ, чего прежде не считалъ таковымъ, что въ глубинахъ души твоей заговорилъ неутомимая прежняя жажда извѣчно прекраснаго, святаго, самодовлѣющаго. Ты просто усталъ въ одинокихъ скитаніяхъ ненужныхъ, въ страданіяхъ недужныхъ. Въ душѣ—ты прежній и неизмѣняющійся, вѣрный смыслу земли, братъ всѣмъ костеневскимъ, рыспасевскимъ и т. д., вѣрный, какъ и они, покорный волѣ Божіей и въ радости и горести, кумъ сосѣда Сергѣя, знающій прелесть поэзіи и искусства“.

Далѣе Сергѣй Семеновичъ, подробно анализируя 11 главу апостольскаго посланія къ Евреямъ, приводитъ „облакъ свидѣтелей“, засвидѣтельствовавшихъ въ вѣрѣ въ смыслъ жизни: кроткаго отрока Авеля, убитаго Каиномъ, Еноха „ходящаго предъ Богомъ“, Авраама покинувшаго, родимые предѣлы. „Вотъ настоящіе колоссы духа! Приставь руку къ челу, по-

смотри, сколько еще тамь вдали, въ лучахъ солнца.. Новый Израиль, болѣе многочисленный, чѣмъ очи ночного неба, чѣмъ песчинки океанскаго берега.. Замученные царями, но увѣнчанные Царемъ царей, капдальные, верижные, ссыльные..., но неустанно славящіе, славимые, прославленные! Можетъ-ли сердце твое не чтить ихъ? Неужели ты усумнился въ цѣли ихъ жизни? Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть въ сердцѣ твоємъ! Тебѣ надоѣло, прискучило однообразно текучее время, душно подъ сѣрымъ, безкрасочнымъ небосклономъ. Душа больше, чѣмъ машина, часовой механизмъ.. Опять воскресаютъ въ моемъ сознаніи „засвидѣтельствованные вѣрою“...

Великій учитель, свидѣтельствуешь о Леонардо да-Винчи одинъ изъ его учениковъ, все забывалъ на свѣтѣ, когда забирался на подмости къ своей „Тайной вечери“. „Не троньте только моихъ чертежей“, сказалъ Архимедъ своимъ врагамъ, занесшимъ мечъ надъ его старческою головою. Добровольный холостякъ, проживающій въ день на столѣ не болѣе 10 к., ночи просиживаетъ на своемъ чердакѣ—Спиноза съ глубокою думой объ „абсолютной субстанции“—Богъ и ничуть не хочетъ ни промѣнять свой чердакъ на профессорскую кафедру въ Гейдельбергскомъ университетѣ, ни получать пенсію отъ французскаго короля за посвященіе послѣднему хотя-бы одного маленькаго сочиненія. А сколько еще въ мірѣ этихъ „счастливицевъ!“ Кантъ, Гете, Шиллеръ, Рафаель, Данте, Паскаль, Галилей, Фарадей, Линней, философы, поэты, художники-скульпторы, живописцы, астрономы, физики... Развѣ всѣ они говорятъ о тусклости, неинтересности жизни? Не знаешь-ли ты, кто это такой, который за рисовальными кисточками, напѣвая что то „изъ божественнаго“, въ старомъ

полушубкѣ, позабывалъ все, кажется, на свѣтѣ и получалъ не малую „докуку“ отъ жены своей за то, что не помогъ полить огурцовъ въ огородѣ?.. Не припоминаешь ли также и того, который „пучки рубилъ“ въ лѣсу, и лѣсъ нашептывалъ ему риѣмы? (здѣсь дѣлается намекъ на самого Θ . А. Б.). Если задумаешь писать мнѣ письмо, то непременно напиши, что въ настоящее время ты читаешь, прочиталъ, что особенно заинтересовало тебя. Да, впрочемъ, есть-ли у васъ хорошая библіотека, въ которой можно было-бы достать, напр., сочиненія: Шекспира, Достоевскаго, Фета, Лонгфелло, Вл. Соловьева, Меружковскаго и т. п. Можно-ли у васъ послушать хорошую классическую музыку, пѣніе? Занимаешься-ли теперь, хотя сколько-нибудь, рисованіемъ? Какое господствующее настроеніе вашего фабричнаго люда? Какъ у васъ относятся къ дѣлу Гурко-Лидваля, къ письму Стаховича, М. Ковалевскаго, къ продовольственной комиссіи?“

Въ другомъ письмѣ, отъ 19 окт. 1906 г., Сергѣй Семеновичъ, разсѣивая тоскливыя и тяжелыя мысли Θ . А. опредѣляетъ смыслъ жизни.

„Повѣрь мнѣ, пишетъ онъ, что есть смыслъ жизни въ осмысливаніи жизни, есть такое милосердіе, (что) которое даетъ золотой перстень, прижимаетъ къ груди усталую голову евангельскаго блуднаго сына, не хочетъ помнить ни одного его поступка, есть такая красота, которая, какъ свѣжаыми кристаллами, закрываетъ всю грязь, есть такая правда, увидавъ которую, не помнишь себя, не знаешь, что лучше выбрать: смерть или жизнь“.

Въ письмѣ отъ 11 февр. 1907 г. Сергѣй Семеновичъ говоритъ о томъ, что дали ему лекціи Н. Н. Неплюева.

„Важно было, пишет Серг. Сем., непосредственно слышать этого замѣчательнаго человѣка въ нашъ малосильный духовными талантами вѣкъ, человѣка старца, много видѣвшаго и испытывшаго, а главное пережившаго непосредственно всевозможныя душевныя злключенія, прошедшаго пустыни и крутые подъемы и вышедшаго къ свѣтлой обѣтованной землѣ. Быть можетъ, я и ты създимъ въ его трудовую колонию. Не могу здѣсь не сказать одного, что меня тронуло до слезъ. На одномъ собраніи рабочихъ въ Силезіи Н. Н. при своемъ прощаніи попросилъ рабочихъ помолиться за него обѣщая имъ свои молитвы и молитвы по пятницамъ всей его общины. Предсѣдатель отъ лица рабочихъ сказалъ, что они охотно соглашаются исполнять его просьбу, такъ какъ они состоятъ во всемірномъ молитвенномъ союзѣ. Члены послѣдняго, разсѣянные по всѣмъ материкамъ и островамъ земнаго шара, каждую пятницу собираются и молятся другъ за друга“.

Далѣе идутъ письма, написанныя Серг. Сем. въ Тифлисѣ. Въ письмѣ отъ 12 іюня 1907 г. онъ, м. прочимъ, пишетъ: „Грустно расставаться съ Академіей. Ёду черезъ Крымъ на Кавказъ въ гости къ П. А. Ф. Мои выпускные экзамены сошли очень хорошо. Кандидатская работа („Этика Спинозы“) удостоена высшей отмѣтки и особаго вниманія Совѣта Академіи. Помолись за меня. Цѣлую тебя“.

„Боржомъ 10 іюля.

Здѣсь все время ходили по горамъ.

Вчера возвратились изъ поѣздки на волахъ на Цхра-Цхаро. Это—гора въ 2¹/₂ в. высоты. Съ нея мы видѣли растилающееся подъ нашими ногами облачное

море. Какъ островки, выглядывали изъ его серебряныхъ волнъ вершины горъ. Картина такъ меня поразила, что я, кажется, до смерти ея не позабуду. Завтра рано утромъ ѣдемъ въ Абась-Туманъ. Тамъ увидимъ картины Нестерова въ одной изъ церквей“.

„Боржомъ. 23 іюля. Въ письмѣ розовые лепестки изъ нашего сада. Часто, чрезвычайно часто, въ дни и минуты моихъ новыхъ переживаній, я хотѣлъ видѣть тебя, мой незабвенный, милый другъ! Тоскую въ эту минуту, какъ Ярославна на Путивльской стѣнѣ. Хотѣлось „зигзицею“ (кукушкой) полетѣть къ тебѣ. Хорошо было бы, если бы современная наука дошла до того, чтобы можно было сфотографировать мысли, чувства, переживанія... Не чуждъ мнѣ „поэтической жаръ“, хотя онъ часто является въ видѣ „горячки“, которая во время нападенія на мою хладную душу не даетъ мнѣ работать; все въ это время кипитъ внутри меня, а когда она уходитъ, то уноситъ съ собою все богатство содержанія... Ни за что не могу позабыть я Толпыгина и „толпыгинскихъ мужиковъ“, какъ ты пишешь. Вотъ прошли здѣсь въ чужой странѣ Ивановъ, Петровъ — дни, Казанская, Ильинъ день. Чтобы я далъ, если бы могъ только часъ постоять за обѣдней въ эти дни въ Толпыгинѣ? Только часъ постоять на улицѣ Толпыгинской? Вотъ Ильинъ день.. жаркій.. Соблазнь у папы сушить сѣно, но побаивается дождика... Тучи серебряныя... Грудятся, какъ великаны идутъ по небу. А вдаль стоятъ „кресты“ ржи. Въ Раковѣ проулокъ виденъ желтѣющій ячмень. Дядя Прокопій (крестьянинъ села Толпыгина) собирается ѣхать въ гости въ Рогулово. Вотъ Платонычъ вывернулся изъ за церкви, поѣхалъ на новомъ таратасѣ въ Рождествино. А сколько вчера провезли туда горшковъ Петровскіе мужики?

Вотъ что думалъ я, что видѣлъ я болѣе зряче, ходя по саду въ Ильинъ день въ Боржомѣ. Не слыхалъ я тогда бурливой Куры, которая мчится по камнямъ, не видѣлъ предъ собою ни стройныхъ пирамидальныхъ тополей, ни олеандровъ, павлоній, бѣлыхъ акацій, не слыхалъ запаха благовонныхъ чайныхъ розъ, лилій, резеды. Вотъ словно кто выкрикнулъ (кажется фонтанъ забурлилъ) и чудится уже, что слышу я, вотъ ясно слышу, что „тамъ“, гдѣ-то вдали, на Вокшерѣ (рѣчка въ 1 верстѣ отъ Толпыгина), кто-то поетъ пѣсни. Вотъ опять выкрикнулъ, завернулъ какъ-то удало-грустно и стихъ.. Видно сталь входить въ Тюрминку (лѣсъ).. Страшно высокая, подпирающая небо гора, которая, какъ великанъ стоитъ на часахъ у Боржома, съ большой лысиной, въ ключей сосновой одеждѣ кажется мнѣ уже Пистерюгинской горой... А какъ мнѣ хочется пѣть, читать стихиры, прокимны... Мнѣ думается, что врядъ ли я удержусь отъ того, чтобы не сдѣлаться деревенскимъ священникомъ гдѣ-нибудь въ родномъ краю. Меня смущаетъ отчасти теперешняя тревожная эпоха, отчасти мой больной вопросъ о женитьбѣ.. Приходится перебиваться.

„Вечеръ 16 авг. 1907 г.“--въ этомъ письмѣ Сергѣй Семеновичъ извѣщаетъ о своемъ назначеніи на должность препод. русскаго языка въ 1-ую тифлисск. мужскую гимназію.

„Если бы спросили меня, пишетъ онъ, доволенъ ли я совершившимся, то одна часть моего существа сказала бы: „доволенъ“, а другая прибавила бы: „нѣтъ, здѣсь что-то не то“. Для Господа ли мой трудъ? Не подвергаюсь ли опасности отойти отъ него? Не веду ли я ту же самую жизнь, которая противна стала самимъ совершителямъ? Такъ много думъ

приходить и голова начинает кружиться, и плоским все кажется... Не скрою, что „восточное“ инстинктивно тянет меня. Вот эти горы заоблачныя, этот зной, эти люди съ огненнымъ сердцемъ.. Ихъ грустные напѣвы, какъ изъ-заповѣдныхъ глубинъ, несутся по землѣ. Я долго и часто вслушивался въ церквахъ въ грузинскіе и армянскіе напѣвы, и что-то знакомое, словно давно извѣстное, родное, но позабытое, вновь всплывало въ душѣ. Да вѣдь это—это грустное, заунывное, тоскующее, безотчетное—слышится и въ нашихъ причитаньяхъ, въ напѣвахъ нашихъ старобрядцевъ, въ нашихъ пѣсняхъ среди темнаго лѣса, среди однообразныхъ полей, среди равнинъ... Нѣсколько словъ о Тифлисѣ.. Жара страшная, дѣлаешься подчасъ словно „душеный картофель“. Вечеромъ хожу на Верійскій мостъ, на Куру. Мутная, бурливая несется она въ скалистыхъ берегахъ. А восточные люди рады и такой водѣ: купаются въ ея мутныхъ волнахъ. Каменные дома, словно крѣпости, помѣстились на прибрежныхъ скалахъ. А окрестъ горы, синія, мгlistыя отъ жары.. Освѣчаетъ молніею конка, несутся великолѣпные фаэтоны, вотъ скачутъ казаки, вотъ гонять ословъ и курдючныхъ овецъ, орутъ во всю Ивановскую на всѣхъ языкахъ продавцы винограда, грушъ, сливъ, яблокъ.. Все куда-то несется, бѣжить. А ты стоишь и вспоминаешь Толпыгино, Рыспаево, овины, окутанные бѣлымъ дымомъ“.

„Вечеръ 17 сент. 1907 г. Хочется мнѣ, ужасно какъ хочется жить и при томъ такъ, чтобы каждый шагъ, каждое движеніе было полно вѣчнаго смысла.. Мой личный идеаль жизни такой: это невозможно больше свободы, свободы духу.. Тянетъ меня къ себѣ тихая жизнь, богатая внутреннею силою, а не

внѣшнюю дѣятельностью. И любовь моя къ жизни есть скорѣе не желаніе жить, а желаніе созерцать жизнь. Философія, поэзія всѣхъ временъ и народовъ, искусство—вотъ моя сфера. Небольшой, но тѣсный кружокъ дорогихъ друзей—это удовольствіе. Бывало, съ Павле мы чуть не до галлюцинацій доходили въ взаимномъ расписываніи такой жизни.. Небольшой деревянный домикъ нашъ утонулъ въ чащѣ глубокаго сада въ одномъ изъ захолустныхъ селъ Костром. губ., вдали отъ всѣхъ городовъ и всѣхъ ярмарокъ жизни. Все болѣе чѣмъ скромно среди нашего убранства, если и много чего, такъ это книгъ на всѣхъ языкахъ вселенной и со всякимъ содержаніемъ. Немало и альбомовъ съ наилучшими художественными произведеніями. Никакого жалованья ни отъ кого не получается; хлѣбъ, вода, овощи и топливо добываются или покупаются на деньги, заработанныя въ потѣ лица... Во что бы то ни стало я постараюсь имѣть такую обстановку на лѣто.. Страшно мнѣ не нравится кочевая жизнь и кочевая мысль.. Я отдыхаю при моей завѣтной мысли..

Вспоминается милое дѣтство.. Помнишь, какъ бондыри ходятъ осенью, какъ рубятъ капусту.. По всему селу слышенъ стукъ тяпокъ.. Съ большими обручами и длиннымъ фуганкомъ ходить по селу „обручникъ“. За нимъ груда мальчугановъ: „Интересно, откуда онъ досталъ такую осоку“.. Прудъ замерзъ.. На льду камни, палки: Страшно хочется прокатиться.. Въ Русихѣ, видать, стадо на мерзлой озими пасутъ... Мужики въ полущубкахъ, рукавицахъ и шапкахъ пошли „дѣлать лѣсъ и обвѣхивать до рогу“.

„Мнѣ все хотѣлось написать тебѣ кое-что изъ своихъ крымскихъ, черноморскихъ и кавказскихъ

впечатлѣній, но не знаю, какъ это и сдѣлать. Милый мой, какъ я представлю тебѣ все величїе, тотъ восторгъ, который охватываетъ душу, когда съ пика Ай-Петри видишь предъ собою необъятное лазурное море, цѣлующее небо и парходъ, что поползъ изъ Ялты въ Евпаторію, а сама Ялта, Гурзуфъ, Алушка— съ пика горы—красивыя игрушки, разбросанныя на берегу моря. Какъ тебѣ описать рокоть моря? Никогда не забуду купанье въ Ялтѣ... Волны ливали камни, тащили ихъ съ собою и потомъ снова бросали на берегъ. Пав. долго не могъ сойти въ воду. Меня волна обхватила до самой шеи и чуть не сбила съ ногъ... А стройныя кипарисы, розы, магноліи— эти деревья — цвѣты съ ихъ виннымъ ароматомъ. Видаль-ли когда нибудь, чтобы ель цвѣла, а здѣсь я видѣлъ желтые цвѣты на ели... Кавказъ лучше по природѣ Крыма... Я хожу рано утромъ въ гимназію... Съ моста Куры видно часто ясное, алое чело пышно рдянаго Казбека, смотрящее прямо въ самую глубь неба... Какъ громадный хвостъ тянется Кавказскій хребетъ... Нѣтъ, ни за что не опишешь всего, нужно видѣть самому“...

„Вечеръ—22 ноября 1907 г. . . .

Поди-ка теперь у васъ „не бѣлы то снѣги разстилаются“, — здѣсь же только горы „въ брачныхъ вѣнцахъ“. Говорятъ нѣціи, что снѣгъ здѣсь будетъ только въ январѣ. Кура бѣжитъ еще быстро—быстро. Вчера и сегодня видѣлъ однако около береговъ небольшой ледокъ. Прости, что сейчасъ приходится кончать письмо: иду на засѣданіе по психологіи... Съ 4 до 5 ч. вечера прозанимался съ учениками по греческому языку... Пишу тебѣ утромъ... Недавно удалось прочесть громадный томъ о великомъ уче-

номъ и художникъ Леонардо да-Винчи... Непременно прочитай о немъ соч. Мережковского.

На Рождествѣ поѣду въ Эчмиадзинъ, главную армянскую лавру... Въ Тифлисѣ очень много старинныхъ армянскихъ Соборовъ 5—6 вѣковъ. Только недосугъ не позволяетъ туда ходить на богослуженіе, а то тамъ отдыхаетъ душой... Ты знаешь, конечно, что одно только недоразумѣніе было причиною отдѣленія этой древнѣйшей помѣстной церкви отъ вселенской. Здѣсь въ цѣлости сохранился древній обрядъ, начиная, напр., хотя-бы съ устройства алтаря, покроя св. облачений и цѣнія. Когда я былъ въ Ванкскомъ соборѣ, мнѣ вдругъ представилось, что я стою за литургіей восточныхъ христіанъ 5 вѣка. Вспомнилъ здѣсь, что св. Василій Великій былъ армянинъ.

Вотъ давай сейчасъ вмѣстѣ прочитаемъ (я здѣсь, а ты тамъ у себя) 2 посланіе къ Тимофею... Гдѣ еще можно сыскать большей мощи слова? Помолись за меня; мнѣ хочется хотя сколько нибудь освободиться отъ эгоизма, хочется, ясно видѣть волю Господню“.

„Утро Рождественскаго сочевника 1907 г... Я не утаю отъ тебя тѣхъ причинъ, которыя вотъ и сейчасъ еле-еле даютъ мнѣ возможность написать эти строчки... Не знаю я, что у меня болѣе—немошь духа или плоти.. Докторъ еще въ академіи говорилъ мнѣ, что у меня малокровіе мозга, а отсюда и головныя боли. Я же думаю, что послѣднія порождаются различными думами.. У меня иногда бываетъ такое состояніе, что я ничего такъ не хочу, какъ быть принесеннымъ въ жертву...

Сознавая всю мерзость окружающей тебя жизни, ты развѣ не носишь въ душѣ красоту, мудрость жизни?..... Вотъ есть у тебя семья, которая любитъ

тебя и къ которой ты не можешь относиться равнодушно. Уйди въ нее; возьми на себя ея жизнь..... Насильное прекращеніе жизни достойно только жизни „комедіи“. Я не знаю ничего безмысленнѣе самоубійства.. Прочитай статью Мережковскаго о воскресеніи въ „1 книжкѣ журнала“ Вопросы жизни... Сейчасъ праздники. Поздравляю тебя съ ними дружески-братски. Новый годъ—у воротъ.. Да будетъ онъ мирень.. „Облечемся въ новаго человѣка“. Среди времени пусть будетъ не временное, вѣчное, да свѣтитъ.. Пусть будетъ въ очахъ твоихъ утро, наше милое утро... Солнце ясное, чистое выходитъ изъ-за рощи... А она вся, какъ невѣста, въ сивой росистой вуали.. Ночью былъ дождь.. Вѣтеръ рвалъ ломкія ивы.. Дорога раскисла, непроходима... Но теперь солнце свѣтитъ („Свѣтъ разума“).. Ивы.. какъ онѣ блестятъ на солнцѣ. Стрижи хорами носятся около колокольни. Твой домъ смотритъ на церковь. Милый, радуйся!.. Цѣлую тебя крѣпко. Твой Сергѣй Телыгинскій.

P. S. Въ моемъ сознаніи сейчасъ: „последняя туча разсѣянной бури“.

„1908 г. XI, 13, 9 ч. 45 м. в. У меня сейчасъ былъ землякъ-рядовой.. Я слѣдилъ не столько за содержаніемъ его рѣчи, сколько за интонаціей; я слѣдилъ, забирая въ себя родные звуки..... Благодарю тебя за письмо съ вѣтками съ родныхъ палестинъ.. Сейчасъ увлекся одной статьей объ Аѳонѣ въ жур. М. Н. П... Мои голова, глаза и грудь много разъ заявляли мнѣ „расчетъ“, но кое-какъ приходится уговаривать ихъ работать“.

„5 сент. 1908 г. 5 ч. 40 м. в. Здѣсь какъ-то на дняхъ вѣтеръ рванулъ акацію, которая растеть у насъ на дворѣ, и роемъ полетѣли съ нея подсохшія листья—стало грустно: вспомнились дорогіе золотые

лѣса, захотѣлось уйти куда-нибудь на Козье болото или Красное.. Встаю я въ 6. ч. утра и до 3 дня все на урокахъ, говорю часовъ 5 подрядъ.. Очень устаетъ горло и болитъ грудь. Сижу больше въ своей комнатѣ и читаю... Захотѣлось вотъ чего: раннимъ рано утромъ, когда еще небо только-только начинаетъ алѣть, когда еще всѣ люди спать, если проснулся кто, такъ развѣ пугалка, захотѣлось въ это время выходить въ поле и смотрѣть на клубы тумановъ надъ рѣкой, захотѣлось бродить по высокой росистой травѣ или плыть среди хвощей и дроздинника, слушать, какъ они шумятъ; захотѣлось ходить по золотымъ и багрянымъ осеннимъ лѣсамъ. Вотъ ночнымъ сторожомъ хорошо было-бы быть — ходить по сонному селу и смотрѣть на звѣзды, звонить ночью въ колоколь, слушать, какъ звуки замираютъ среди общей тишины. Хорошо-бы такъ идти прохладными осенними вечерами по сжатымъ полосамъ, по межамъ, обросшимъ новою отавою. Такъ жить бы внѣ людской пошлости, такъ не знать бы ее совсѣмъ, не видѣть.

„Прощай! живи!“

„4 день мая 08 г. „Городъ теплыхъ ключей“.. Сегодня былъ въ Сіонскомъ соборѣ, слушалъ напѣвы грузинскіе.. Они—одно очарованіе, Чистые, легкіе, звонкіе, они неуловимо летаютъ, похожи на пасхальные перезвоны, вотъ только кончики всегда прозвучать тоскою и болью, умрутъ гдѣ то, плача, въ безпредѣльности... Посылаю тебѣ вѣточки певга“..

„Декабрь 27, 1908.... Я очень радъ тому, что изучаю родную литературу, что другихъ знакомясь роднымъ народомъ. Такъ я служу моей дорогой родинѣ“.

„Прости мнѣ, если скажу, мнѣ очень больно, что ты оставилъ церковь. Вотъ Д. С. Мережковский

(я начал переписку съ нимъ) не знаетъ уже теперь, какъ вернуться къ церкви отцовъ нашихъ, родныхъ нашихъ... У меня нѣтъ лучше отдыха, какъ чтеніе пасхальной службы“.

„Канунъ Покрова пресв. госпожи Богородицы“.

„Старинный мой другъ!

Что случилось съ тобою—я въ толкъ не возьму.

Время мчится рѣкою,—лѣто прошло ни за что, и ветеръ поетъ подь окномъ уже скучную осени пѣсню.

Не журавль же мнѣ вѣсть принесетъ о тебѣ?! Почему „кустодію“ приставилъ къ устамъ? Чѣмъ обидѣлъ тебя—разскажи. Заплачу, какъ Закхей. Или снова недугъ учинилъ тебѣ лечь въ Выездѣ,—и не можешь поднять опустившихся рукъ? Еслибъ могъ, возмутилъ бы „живую струю“ для тебя, на плечахъ бы своихъ и донесъ до нея, окропилъ бы водою живою. Но ты вѣдаешь самъ, что „я хромъ“: съ беспокойной душой все я жду возмущенія струй, все гляжу, не прорѣжетъ-ли пасмурность дней заревое крыло, не всколыхнетъ-ли оно омертвѣлую затишь души.

„Не имѣть человѣка“—нѣтъ скорби сильнѣй на землѣ. Неужели, любя, потерялъ я тебя? Или вся наша жизнь отдана на откупъ „хитрецу міроѣду“?—Получай только то, что сработали руки. Награды не жди, а живи въ кабалѣ. Пусть и стало бы такъ, но развѣ можетъ душа примириться съ такою неволей.

Вотъ уже дождикъ тогда милосерднѣй ея: онъ кропитъ на виновныхъ и правыхъ.. Такъ кричу—отзовись. Не „лежить на душѣ“,—не пиши. Испрошенный даръ ужъ не даръ, это звѣрь, притворившійся агнцемъ. Отъ меня же прими мой сердечный привѣтъ. Отнеси ты его и на берегъ родимой рѣки,

по теченью пусти—дovesутъ камыши чрезъ поля и луга до увядшихъ лѣсовъ.

1909 г. X, 19—около середника... Думаю заниматься теперь съ однимъ ученымъ армяниномъ переводомъ на русск. языкъ твореній св. отцовъ, сохранившихся только на армянскомъ языкѣ..

Благодарю тебя за Толныгинскіе снимки. Будь моимъ поставщикомъ снимковъ. Кого изъ мужиковъ ты снялъ? Дядя Евменій есть? Прокофій, Иванъ Ефремычъ? Базуля? Громовъ? Стариковъ нужно сберечь“.

23, x—пятница. „Я очень увлекаюсь теперь древне русской народной литературой“.. „Очень радъ, что вышла изъ печати „книга Горамъ“ —Борхарда.

31 окт. 1909 г.—„ко мнѣ ходятъ на квартиру для бесѣдъ ученики гимназій“.

„Завтра пойду на диспутъ прав. миссіонера съ баптистомъ“.

7, XI, 1909 г. „Мнѣ хочется заказать иконописцамъ-старообрядцамъ нѣсколько иконъ, но только самаго настоящаго письма. Живъ-ли твой старикъ—старообрядецъ, подарившій тебѣ Распятіе Господне и медальонъ“?

„Юля 15 дня 1909 г. Ты, навѣрно, слышалъ отъ моихъ родителей, что 6 с/м. было мое вѣнчаніе съ сестрой П. А. Ф.

Февр. 1909 г. „Составь ты для меня художественную лѣтопись нашего села. Вотъ тебѣ темы для снимковъ: 1) Кстить пошли (крестить). 2) Кстины. Сними и бабу „въ тягостяхъ“.. Далѣе—кормленіе соской. Такъ до похоронъ. Сними и то, какъ бабушка Офимья молится въ воскресенье на могилѣ. Вотъ другія темы: „Пасха, масленица, навозница, жнитво, молотба, „ледъ идетъ“, сѣнокосъ, „Ивановъ день“, „лень стелютъ“, „охотники“, „овчинники“, „катаютъ“

ся на ледянкахъ“. Я непременно открою въ селѣ музей съ таблицами урожаевъ, атмосфер. осадковъ, коллекціями рыбъ, растений, птицъ, камней и проч.

10 ч. веч. 24, XII, 09 г. „Вотъ романы Печерскаго интересны, какъ картины быта, но движенія мысли они не дадутъ.“

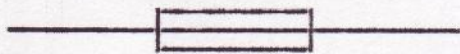
Гаршинъ тебѣ б. м. понравится. Про Писемскаго не могу этого сказать. Кнутъ Гамсунъ—это соврем. норвеж. писатель. Мнѣ, бывало, очень понравилось его сочин. „Панъ“.

„1910 г. февр.—Ты пишешь,—бабушка Офимья, которая омывала покойниковъ, умерла, Булычь душу Богу отдалъ, правды будто бы нѣтъ... Очень жаль. Не встрѣчу ихъ теперь въ Толшгынѣ. Придетъ время, и я самъ тоже умру.. Хочется мнѣ на все на-смотреться, все усмотрѣть, сохранить въ памяти, радость дать“.

Февр. 21, 1910 г. „Вотъ сейчасъ встала въ голову мысль: что-то будетъ съ Россіей? А ну, какъ она вся выродится: высшіе классы отъ бездѣльныхъ дѣлъ, а низшіе отъ чрезмѣрнаго труда, невѣжества и пьянства?.. Часто рисуется такая картина: „охлаждаютъ наши церкви, проржавѣтъ крыша, ограду разнесутъ на фундаменты палатокъ, на печи; запретять, какъ безпокоящій обывательскій сонъ, звонъ колокола; сѣдой—сѣдой батюшка будетъ ютиться въ притворѣ. Въ Святой праздникъ Пасхи только можетъ совершиться святая литургія. Изъ-за многоверстныхъ мѣстъ прилетутся вѣрующіе... Загорятъ самодѣльные свѣчи, закурится дорогой ладанъ въ приходѣ Богословскомъ (наше село сѣдятъ фабрики). Вотъ б. м. когда пойдутъ „встрѣчать Христа“, и встрѣтятъ... Прости меня: Скоро пойду исповѣдываться. Радуйся. Господь близко. Читаль-ли ученіе 12-ти апостоловъ?.“

„1910 г.—Пасхальная среда. Необычайно благодаренъ Арарату, кукушкѣ, зеленой травѣ, древней столицѣ—Арменіи Арзакидѣ, нынѣ раскапываемой. Они дали мнѣ новыя впечатлѣнія, и на душѣ стало хорошо“.

Послѣднее письмо Сер. Сем., отъ 30 сент. 1910 года — „Канунъ покрова“. „Про себя могу сказать здѣсь то что ясно вижу, что, если къ чему хорошему не идешь самъ, то жизнь приведетъ невольно. Не знаю, около какого времени (24—25 года) какъ-то ясно уразумѣлось, почувствовалось, что сознание рѣзко перемѣнилось! А вотъ теперь я вижу, что словно подходитъ второй этапъ. Какъ-то хочется и отдохнуть порою. Все бы такъ забыть. Такъ, въ ясный теплый день успокоиться душою гдѣ-нибудь въ родномъ мѣсту; придя домой, увидѣть людей здоровыми, радостными, благородными душою. Хочется иногда такъ въ укромномъ мѣстечкѣ обдумать, рѣшить все опредѣленно... Нынче у меня опять пропасть дѣла, и все оно дѣлается подѣ постоянной словно какой угрозой. Стараются здѣсь услужить Петербургу страшно. Къ счастью своему ты не знаешь, что такое государств. служба. Нарастаетъ страшно неправда, ложь... Напиши о себѣ и домѣ поскорѣе“. Этимъ и заканчивается эта грустно-радостная повѣсть о дорогомъ Сергѣѣ Семеновичѣ. Изъ послѣднихъ его писемъ видно, что онъ какъ будто предчувствовалъ свою смерть, которая и разразилась надъ нимъ въ стѣнахъ I Тифлис. гимназіи 2 ноября 1910 г.

С. С. Троицкий въ формѣ студента Духовной Академіи.

Христіанская кончина.

(Посвящается памяти моего друга и брата по духу С. С. Троицкаго, убитаго въ г. Тифлисъ 2 ноября 1910 года).

„Прощайте, и прощены будете“
(Лк. VI, 37).

„Иисусъ-же говорилъ: Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ“ (Лк. XXIII, 34).

3-го ноября, утромъ я узналъ страшную новость: наканунѣ этого дня, въ г. Тифлисъ, въ I-й мужской гимназій, во время большой перемены, учитель русскаго языка С. С. Троицкій, мой близкій знакомый и другъ, убитъ уволеннымъ изъ 5-го класса воспитанникомъ Тавдгеридзе.

Волосы становятся дыбомъ и кровь стынетъ въ жилахъ, когда мысленно представишь себѣ эту кровавую сцену. Весь исколотый кинжаломъ (убійца нанесъ ему раны въ щеку, въ нижнюю полость живота и въ лѣвую ногу), обливаясь кровью, вдали отъ родины, отъ друзей, съ тяжелымъ сознаниемъ, что пропала молодая жизнь, потеряны надежды, рушились широкіе планы—умеръ онъ. Кричалъ „помогите!“ и „не было помогающаго“. Хотѣлъ-бы увидѣть въ послѣдній разъ въ жизни жену, родныхъ, друзей, хотѣлъ-бы проститься съ ними навѣки, сказать имъ свое послѣднее слово, жадно искалъ ихъ глазами подлѣ себя и--не находилъ. Горѣлъ желаніемъ, хоть однимъ глазомъ взглянуть, предъ лицомъ приблизив-

шейся смерти, на „поля, холмы родные“, увидѣть родной Толпыгинскій храмъ, гдѣ онъ когда-то, еще ребенкомъ, лепеталъ слова молитвы—и не могъ, такъ какъ былъ вдали отъ всего этого. А кровь, горячая, молодая кровь, сочилась, между тѣмъ, изъ его ранъ, и, вмѣстѣ съ нею, уходила и молодая жизнь,—отлетала, какъ быстрокрылая бабочка, юная душа. А уста шептали слова прощенія убійцѣ: „я прошаю ему!.. я все ему прошаю! Богъ ему судья!“*) И, окруженный толпою учениковъ, онъ смежилъ свои очи, чтобы ужъ больше никогда не открывать ихъ въ этой жизни.

Горе родителей усиливалось въ особенности отъ сознанія, что жизнь ихъ милаго сына не покинула его естественно и своевременно, но, такъ сказать, вырвана изъ его груди дерзкою рукою. Къ тому-же до ихъ слуха донеслось, что онъ, уже будучи раненъ, въ силу присущаго всѣмъ смертнымъ инстинкта самосохраненія, выкрикнулъ: „помогите!“ И вотъ это слово и не даетъ имъ покоя. Сынъ, милый, дорогой сынъ, ихъ отрада и утѣшеніе, кричалъ „помогите!“ и они не были въ состояніи помочь ему!!! Даже, можетъ быть, въ самый этотъ моментъ они и не подозрѣвали о случившемся съ нимъ несчастіи и занимались своими обычными дѣлами. А онъ въ это самое время лежалъ безпомощный, весь въ крови, съ блѣднымъ, потухающимъ взоромъ—о, ужасъ! о, горе! Да если бы какимъ либо чудомъ, въ моментъ полученія ими извѣстія о его смерти, выросли у нихъ крылья, —то они, не медля ни минуты, вспорхнули-бы, какъ вспархиваетъ чайка, заслышавъ тревожный крикъ своихъ птенцовъ, — и полетѣли бы туда, къ нему,

*) См. газету „Утро Россіи“ за 10 ноября.

(„на жестокий и погубительный Кавказ“), чтобы увидеть хоть его бездыханный труп, чтобы последний раз взглянуть на его лицо и запечатлеть на века в своей памяти его милый образ, чтобы там, у его изголовья, выплакать свое избыточное, неутешное горе. Но путь: смертным не суждено летать по поднебесью вольной птицей. А в железнодорожном поезде приедешь в Тифлисъ только тогда, когда уж могильный холм возвысится над ним. Вот в каких трогательных словах описывает свое горе сам отец Симеонъ в своем письме ко мнѣ.

„Наша скорбь, наше горе неопишимо!.. Смерть Сережи оторвала у насъ руки и ноги, и мы теперь, какъ головешка, брошенная на дорогу, валяемся и совершенно ничего не понимаемъ; обливаемся горькими слезами и не знаемъ, что дальше будетъ. Подумаешь: Господи! за что же Ты такъ насъ наказываешь?! Страшно становится, когда подумаешь, что Сережа, нашъ милый сынъ, наша отрада, утешение, заколотъ кинжаломъ! Скорѣй и покидаешь эту думу. Получше становится, когда только будешь говорить: „упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего новопреставленнаго Сергія!“ Слезы текутъ, когда придетъ въ голову — „помогите“, и, вѣроятно, забудешь это, когда уже умрешь самъ“.

Братъ и сестры С. С-ча тоже безъ ума отъ этой тяжелой утраты. Въ „Сережѣ“ они потеряли не только любящаго и любимаго брата, но и лучшаго друга и совѣтника. Съ его стороны они всегда встрѣчали самое теплое и сочувственное отношеніе ко всемъ своимъ интересамъ; онъ радовался ихъ радостями, плакалъ ихъ слезами. Онъ любилъ часто и подолгу бесѣдовать съ ними. А когда служилъ въ Тифлисъ, — онъ писалъ имъ, и письма его были полны глубо-

каго чувства.—Особенно же тяжело было извѣстіе о его смерти для его брата—Петра Семеновича, съ которымъ онъ провелъ вмѣстѣ всѣ годы своего дѣтства и годы обученія въ школь: 11-лѣтъ — въ Костромѣ, въ духовномъ училищѣ и духовной семинаріи и 4 года — въ Московской Духовной Академіи. Они, еще мальчиками, были отданы отцомъ Симеономъ въ одинъ классъ Костр. дух. училища и съ тѣхъ поръ шли все время вмѣстѣ, неся совмѣстно труды ученической жизни. А трудились они, дѣйствительно, не зная усталости. Такихъ прилежныхъ и ревностныхъ учениковъ рѣдко можно встрѣтить. Нужно замѣтить, что своимъ трудолюбіемъ и прилежаніемъ они немало обязаны общему укладу жизни въ домѣ своихъ родителей. Здѣсь не знаютъ скуки и лѣни, такъ какъ всегда и всѣ непремѣнно чѣмъ-либо заняты. Родители, какъ и дѣти, не любятъ ѣздить „по гостямъ“ и вообще мало знаютъ какихъ-либо развлеченій и удовольствій. Всѣ приучены къ труду съ малыхъ лѣтъ. Дѣти видятъ примѣръ трудолюбія въ своихъ родителяхъ. О. Симеонъ, я знаю, до самаго послѣдняго времени самъ пахалъ и боронилъ, самъ сѣялъ и жаль, косилъ траву, сушилъ и убиралъ ее. Ревностною помощницею ему во всѣхъ его трудахъ является и матушка Надежда Васильевна. Немудрено, послѣ этого, что такими-же трудолюбивыми выросли и ихъ дѣти. И они съ малыхъ лѣтъ научились не гнушаться никакимъ физическимъ трудомъ. Покойный С. С-чъ, какъ мнѣ извѣстно, обладалъ большимъ умѣньемъ въ столярномъ искусствѣ. Немудрено, что свое трудолюбіе изъ дому онъ перенесъ и въ школу. И здѣсь онъ не зналъ скуки. Нерѣдко случалось, что, увлекшись писаніемъ срочнаго сочиненія, онъ отказывался отъ обѣда или ужина и про-

сживалъ цѣлыя ночи безъ сна. Обвяжетъ, бывало, голову мокрымъ полотенцемъ и сидитъ, работаетъ. Въ своихъ занятіяхъ онъ не берегъ даже здоровья. Онъ не разъ, помнится, страдалъ сильными головными болями и кровотеченіемъ изъ носу. Не смотря на это, онъ не ограничивался приготовленіемъ лишь своихъ уроковъ: онъ не отказывалъ въ помощи и намъ, своимъ младшимъ сотоварищамъ и сокамерникамъ. Не могу, безъ чувства глубокой сердечной благодарности, вспомнить, какъ онъ, иногда усталый и утомленный своими работами, спрашивалъ насъ о нашихъ урокахъ, провѣрялъ наши познанія, объяснялъ непонятное нами, исправлялъ наши сочиненія и т. д. Въ частности, по отношенію ко мнѣ онъ проявилъ столько вниманія и братской любви, что я не нахожу возможнымъ оцѣнить все это надлежащимъ образомъ. Скажу одно: если бы не онъ—едва-ли бы мнѣ удалось съ такимъ успѣхомъ пройти семинарскій курсъ и поступить въ Академію.

Окончивъ съ званіемъ студента Костр. семинарію, С. С-чъ рѣшилъ во что бы то ни стало поступить въ Моск. дух. Академію. И дорого-же досталось ему это лѣто, въ теченіе котораго готовился къ приемному экзамену при Академіи. Онъ почти совсѣмъ не спалъ ночей, просиживая надъ книгой. Когда ему говорили: „Сережа, смотри—ты вѣдь захвораешь!“,— онъ отвѣчалъ: „ничего, только бы добраться до Академіи, а тамъ, въ обители преп. Сергія (имя его онъ носилъ) я готовъ хоть умереть“.

Но вотъ его желаніе исполнилось: онъ—въ Академіи. И ему открылось широкое поле для серьезныхъ научныхъ занятій. Онъ почти не зналъ отдыха. Казалось, онъ боялся потерять даромъ хотя бы одну минуту. И въ своихъ письмахъ ко мнѣ часто

высказывать тогда сожалѣніе, что такъ непродолжительенъ срокъ пребыванія въ Академіи, что за это время не сдѣлаешь всего, что хотѣлось бы сдѣлать. Онъ исправно посѣщалъ и записывалъ лекціи и считалъ непростительнымъ грѣхомъ опустить какую-либо изъ нихъ, особенно изъ тѣхъ, которыя ему больше всего нравились. А таковы именно были лекціи Е. А. Воронцова, И. В. Попова, М. М. Тарѣева и С. С. Глаголева. Расположеніе и интересъ къ этимъ профессорамъ онъ не утратилъ и за стѣнами Академіи. И, окончивъ курсъ, онъ часто въ своихъ письмахъ ко мнѣ спрашивался о нихъ и просилъ присылать ему въ Тифлисъ ихъ сочиненія. И профессора видѣли его труды и усердіе и цѣнили ихъ.

Когда вѣсть о его кончинѣ долетѣла до Академіи, то нѣкоторые изъ нихъ пришли въ Академическій храмъ, чтобы воздать ему свой послѣдній христіанскій долгъ—помолиться о упокоеніи души его. А о. Евгеній Воронцовъ самъ служилъ панихиду по немъ и, по окончаніи ея, сказалъ даже нѣсколько теплыхъ, прочувствованныхъ словъ.

Кромѣ официальныхъ студенческихъ работъ (слушаніе лекцій, писаніе семестровыхъ сочиненій и сдачи устныхъ экзаменовъ), Сергій Семеновичъ, во время обученія въ Академіи, былъ занятъ и нѣкоторыми другими, такъ сказать, неофициальными, по преслѣдующими все ту-же образовательную цѣль, трудами: онъ состоялъ секретаремъ студенческаго философскаго кружка и старшимъ контролеромъ студенческой читальни. Уже по одному этому можно судить объ отношеніи къ нему товарищей-студентовъ: означенныя должности возлагаются на лицъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ студенчества и извѣстныхъ послѣднему своєю любо-

вію и интересомъ къ научнымъ занятіямъ. И С. С-чъ, какъ нельзя болѣе, серьезно отнесся къ этимъ, возложеннымъ на него товарищами и добровольно принятымъ имъ на себя обязанностямъ.

Во времени студенческой жизни С. С-ча относится его поѣздка въ Палестину вмѣстѣ съ группой товарищей, при участіи нѣкоторыхъ профессоровъ и подъ руководствомъ Преосвященнаго Ректора Академіи—Епископа Евдокима. Отъ этой поѣздки у С. С-ча остались самыя свѣтлыя воспоминанія.

Но вотъ академическій курсъ оконченъ, и Сергей Семеновичъ, волею судебъ, попалъ въ Тифлисъ. Предметомъ, который ему пришлось преподавать здѣсь, были русскій языкъ и исторія русской литературы. С. С-чъ отнесся къ своему предмету, какъ нельзя болѣе серьезно. На свои собственные средства онъ выписывалъ книги по русской фонетикѣ, исторіи языка и словесности, по сравнительной филологіи и т. д. Онъ читалъ и изучалъ труды Потебни, Веселовскаго, Срезневскаго, Юнгера, Куликовскаго и другихъ. Тщательно готовился къ урокамъ и былъ крайне недоволенъ, если по какому либо интересовавшему его вопросу не былъ въ состояніи сообщить своимъ ученикамъ чего-либо новаго и вмѣстѣ цѣннаго. Даже когда, нынѣшнимъ дѣломъ, онъ пріѣхалъ въ свое родное Толпыгино отдохнуть, то и сюда привезъ съ собою цѣлый ящикъ книгъ. Да, онъ серьезно смотрѣлъ на трудъ учителя и больше всего боялся,—чтобы не стать дармоѣдомъ, „человѣкомъ 20-го числа“.

И будучи преподавателемъ, С. С-чъ, однако, не слѣдался узкимъ специалистомъ, интересующимся только своимъ предметомъ,—какъ этого слѣдовало бы ожидать и какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ.

Кромѣ книгъ, относящихся къ преподаваемому имъ въ гимназiи предмету, онъ на свои средства покупалъ и изучалъ книги и изъ другихъ областей научнаго знанiя. И вообще онъ былъ заклятымъ врагомъ „научнаго атомизма“. Его духовному взору постоянно предносился идеаль цѣльнаго и всесторонняго научнаго знанiя. Поэтому и цѣль своихъ личныхъ занятiй наукою онъ полагалъ въ построенiи извѣстнаго миро-и-жизнепониманiя и въ опредѣленiи, на основанiи всего этого, смысла и цѣли собственной жизни. Такъ называемой „чистой науки“, „науки ради науки“, какъ и „искусство ради искусства“, онъ не хотѣлъ признавать. Онъ смотрѣлъ на науку, какъ на опытнаго и мудраго наставника и учителя жизни.

А какъ были радужны, какъ юношески-идеалистичны его взгляды на жизнь!.. Какъ онъ любилъ, какую дорогою цѣною цѣнилъ ее!.. „Какъ хороша жизнь!—Говаривалъ онъ мнѣ не разъ. Какой это безцѣнный, дорогой даръ! Нужно беречь и хранить его, нужно владѣть имъ умѣло, съ пользою для себя и для другихъ. Какъ жаль, что многіе совершенно не понимаютъ всей цѣнности жизни и прожигаютъ ее въ безплодныхъ, въ бесполезныхъ удовольствiяхъ и забавахъ“. Часто онъ любилъ повторять слова поэта:

„Жизнь, я жить хочу не въ жалкомъ опьяненiи,
Боясь себя „зачѣмъ?“ пытливо спросить.

Но такъ, чтобъ въ каждомъ днѣ, и въ часѣ, и
въ мгновеньи

Таился-бы вѣчный смыслъ, дающій право жить“.

(Надсонъ).

Почившій безумно любилъ русскую сѣверную и въ частности—Костромскую природу. Съ какимъ дѣтскимъ восторгомъ и упоенiемъ онъ любовался скромными, но не лишенными своеобразной прелести Тол-

лыгинскими видами! Какъ сейчасъ, помню одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, проведенныхъ мною вмѣстѣ съ нимъ. Солнышко, готовое уже отойти на покой, какъ-то особенно привѣтливо и ласково смотрѣло на землю. Въ воздухѣ вѣяло прохладою. Я предложилъ Сережѣ прокатиться въ лодкѣ до мельницы. Онъ согласился, и мы поѣхали. Картина была неописуемо прекрасна. Какой-то блаженный покой и отрада проникали въ душу. Хотѣлось молиться и плакать, плакать тихими, счастливыми слезами. Сережа былъ въ невыразимомъ восторгѣ и только твердилъ: „Господи, какъ хорошо-то здѣсь!“ Въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ рѣка дѣлала крутой поворотъ къ мельницѣ, онъ сорвалъ цвѣтокъ бѣлой рѣчной лиліи и, прильнувъ къ ней губами, казалось, хотѣлъ вдохнуть въ себя весь сокъ, весь аромать ея бѣлосвѣжныхъ лепестковъ.

Не менѣе онъ любилъ и простой деревенскій людъ. Не чуждался дыму и копоти деревенской избы и съ удовольствіемъ заходилъ въ нее. У него было много друзей среди крестьянъ с. Толпыгина. Въ бесѣдахъ съ ними онъ любилъ проводить свободное отъ своихъ занятій время. Бывало, отстоявъ праздничную обѣдню въ Толпыгинскомъ храмѣ и отправляется въ чью либо избу. Онъ покупалъ для своихъ друзей книжки и самъ читалъ ихъ вмѣстѣ съ ними, комментируя и дополняя прочитанное. Ему именно многіе изъ крестьянъ с. Толпыгина обязаны своимъ духовнымъ развитіемъ, своею далеко не обыкновенною для нашего русскаго „мужика“ — начитанностью. Мужички эти теперь уже сами, руководясь только личнымъ усердіемъ и любознательностію, много читаютъ и занимаются. Одинъ изъ нихъ, напр., интересуется святоотеческою литературою и недавно обратился ко мнѣ съ просьбою прислать ему русскій переводъ тво-

реній св. Григорія Богослова. А другой много читаетъ изъ русской литературы, знакомъ съ Пушкинымъ и Гоголемъ и другими русскими писателями.

Дитя природы и другъ крестьянина, Сергѣй Семеновичъ любилъ простоту и естественность во всемъ. Онъ былъ заклятымъ врагомъ всякой роскоши и фравтовства. Одѣвался всегда просто, хотя и прилично. Столъ его тоже былъ самый скромный. Покойный не ѣлъ мяса, не пилъ чаю и вина и не курилъ. Спалъ очень мало. Особенно любилъ заниматься по утрамъ. Бывало лѣтомъ, въ Толпыгинѣ, встанетъ рано-рано, умоется, выйдетъ на улицу, полюбуется восходомъ солнышка и засаживается за книгу. Также были просты и его вкусы. Онъ, напр., очень любилъ слушать церковное пѣніе, исполняемое крестьянами, и предпочиталъ его партесному городскому пѣнію. Нужно замѣтить, что покойный былъ большой цѣнитель исконной русской церковности, вплоть до „жолтенькой свѣчки“ и красной ленточки, повѣшенной рукою вѣрующей деревенской женщины на икону Богоматери. И самъ всегда усердно посѣщалъ Толпыгинскій храмъ и его богослуженія *). А вѣдь это для многихъ, не знакомыхъ съ сельскими церковными порядками, было-бы очень и очень тяжело. Дѣло въ томъ, что тамъ, въ Толпыгинѣ, какъ и въ другихъ селахъ, воскресная и праздничная утренняя начинается очень рано, часовъ въ 5 утра, а если предполагается крестный ходъ или „молебствованіе“ по домамъ, то и еще раньше, такъ что къ 9, а иногда и къ 8

*) О его любви къ Толпыгпнскому храму можно, между прочимъ судить по тому, что пребывая неизвѣстнымъ лѣтомъ, въ Толпыгинѣ, онъ съ искреннимъ вниманіемъ слѣдилъ за исполнвшесся въ храмѣ живописью и, при случаѣ, дѣлалъ полезные указанія. Онъ самъ подобралъ евангельскія и иные библейскія изреченія для написанія ихъ на свободныхъ мѣстахъ внутри храма.

часамъ все уже кончается. Городскимъ обывателямъ, привыкшимъ вставать поздно и ходить за „позднюю“ обѣдню, начинающуюся въ 9 часовъ, попивши чайку и позавтракавши, — хожденіе къ Толпыгинской утрянѣ и дажѣ обѣднѣ было-бы непосильнымъ трудомъ. Но Сергѣй Семеновичъ съ особеннымъ, нескрываемымъ удовольствіемъ посѣщалъ эти раннія службы въ деревенскомъ храмѣ. Его прельщала та, въ простотѣ души, вѣрующая мужицкая среда, которую онъ встрѣчалъ здѣсь, и онъ не разъ говаривалъ: „вотъ гдѣ надо бы учиться-то!“ Именно здѣсь, среди овчинныхъ полушубковъ и ситцевыхъ платковъ, онъ научился такъ просто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и искренно вѣровать и молиться. Здѣсь именно, отъ этихъ мужицкихъ дупь, онъ позаимствовалъ себѣ и то незамѣнимое, драгоценное свойство души, какимъ всегда отличался: внутреннюю цѣлостность, нераздвоенность, самособранность и цѣлокупность духа.

Его интересовали и восхищали все лучшія и наиболѣе здоровыя проявленія мужицкой души. Такъ, когда ему приходилось говорить среди своихъ товарищей — студентовъ о любви, о женщинахъ, — онъ всегда съ восторгомъ отзывался о деревенской дѣвушкѣ съ ея простыми, незатѣйливыми, но вполне искренними и неподдѣльными чувствами. Помню — однажды лѣтомъ, когда онъ былъ еще студентомъ, мы пошли съ нимъ прогуляться въ сосѣднюю рощу. День былъ теплый, солнечный. Лѣсъ какъ-то особенно былъ очарователевъ и полонъ жизни. И вотъ, какъ бы въ довершеніе всей прелести обстановки, гдѣ-то невдалекѣ раздалась пѣсня дѣвушки. Она, очевидно не подозрѣвала о нашемъ присутствіи и пѣла со всею глубиною и искренностію чувства. Пѣсня была простая, незатѣйливая, но въ ней было много свое-

образной прелести, много поэзии. Дѣвушка пѣла объ измѣнѣ суженаго, и, очевидно, пѣсня такъ близко подходила къ ея собственному настроенію, что въ звукахъ и словахъ ея она хотѣла излить всю свою душу. С. С-чъ съ затаеннымъ дыханіемъ слушалъ ее и, когда она кончила, онъ долго не могъ сказать ни одного слова, очевидно, зачарованный пѣніемъ. Эта пѣсня, слытанная имъ въ Толпыгинской роцѣ, крѣпко запала ему въ душу, и онъ послѣ не разъ съ восхищеніемъ отзывался о ней.

Общій тонъ отношеній Сергѣя Семеновича къ человѣческой средѣ былъ самый любовный, добродушный. Девизомъ его цѣлой жизни было: „прошай, и тебя простятъ“. Его волновало до глубины души, что люди какъ-то обособились, отдѣлились другъ отъ друга, замкнулись въ сферу личныхъ интересовъ симпатій и ничего другого знать не хотятъ. Всякаго, кто вздумаетъ помѣшать осуществленію ихъ самолюбивыхъ и своекорыстныхъ плановъ, они караютъ ненавистью и презрѣніемъ и вѣчески вредятъ ему. Но не такъ, по мнѣнію С. С-ча должно быть на самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ видѣть въ человѣчествѣ не случайный, механическій сбродъ жалкихъ эгоистовъ, но одну великую, скрѣпленную узами братской любви и участія—семью. Все зло жизни, всѣ невгоды, по его мнѣнію, происходятъ именно отъ того, что люди любятъ только себя; что они забыли „заповѣдь новую“ (Іоан. XIII, 34), заповѣданную Христомъ.—Свои взгляды на этотъ счетъ С. С-чъ старался воплотить и въ жизни. И своею смертію доказалъ ихъ твердость и основательность. Онъ доказалъ, что его слова о любви и всепрощеніи были не пустое фразерство, но плодъ серьезныхъ и глубокихъ размышленій, а главное—живая, насущная

потребность доброй, христіански-настроенной души. Какъ трогательны его предсмертныя слова: „я все ему прощаю! Богъ ему судья!“

Честь и слава родителямъ, что они сумѣли воспитать и возрастить такъ любящаго, такъ по-христіански чувствующаго сына! Честь и слава и духовной школѣ, что изъ подъ ея сѣни выходятъ такіе питомцы! И доколѣ не выведутся на свѣтъ такіе братолюбцы, готовые все прощать и молиться за своихъ враговъ,—до тѣхъ поръ жизнь будетъ имѣть свою цѣну, до тѣхъ поръ жива будетъ и вѣра въ силу и жизненное значеніе идеаловъ христіанской любви и всепрощенія.

Несмотря на сравнительную кратковременность и непродолжительность своего служенія въ Тифлисѣ, С. С-чъ сумѣлъ снискать себѣ расположеніе и любовь среди Тифлискаго общества. По словамъ „Русскаго Слова“, похороны его произошли при многочисленномъ стеченіи публики и на гробъ было возложено свыше 40 вѣнковъ. Тифлисскія газеты посвятили ему немало статей и очерковъ, въ которыхъ высказывается искреннее соболѣваніе по поводу его смерти и самая личность покойнаго чуть ли не возводится на пьедесталь святости. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что друзья и почитатели рѣшили учредить въ память о немъ особую стипендію для содержанія и обученія бѣдныхъ воспитанниковъ-гимназистовъ.

Есть основанія полагать, что покойный пользовался и любовью своихъ учениковъ. „Утро Россіи“, отъ 10 ноября, сообщаетъ, что когда С. С-чъ, обливаясь кровью, лежалъ на полу корридора, а его убійца былъ уже схваченъ и обезоруженъ,—въ это время раздался крикъ одного изъ учениковъ: „Товарищи! нашъ любимый Сергѣй Семеновичъ убитъ этимъ

мерзашцемъ... Раздавимъ гадину, растерзаемъ него-
дяя!" „Эти слова,—продолжаетъ „Утро Россіи“,—
наэлектризовали учениковъ, возмущенныхъ убійствомъ
любимаго преподавателя-товарища, и только приходъ
директора гимназіи остановилъ разбушевавшуюся тол-
пу гимназистовъ“.

О многихъ-ли умершихъ преподавателяхъ ихъ
ученики могутъ сказать то-же, что сказали о С. С-чѣ
его ученики: „умеръ нашъ любимый?“

Пишущій эти строки, во время своей поѣздки
на Кавказъ лѣтомъ 1909 года, имѣлъ случай лично
познакомиться съ однимъ изъ Тифлисскихъ гимна-
зистовъ-учениковъ С. С-ча. Теперь этотъ гимназистъ
—уже студентъ Моск. Университета. И вотъ отъ
него то мнѣ пришлось выслушать самый лестный от-
зывъ о С. С-чѣ, именно какъ о „преподаватель—
другѣ“.—Кромѣ этого, зная лично его характеръ,
его взгляды, трудно допустить, чтобы онъ чѣмъ-ли-
бо могъ заслужить вражду и ненависть къ себѣ со
стороны учениковъ. Вѣдь онъ такъ вообще всегда
любилъ юношество и всегда съ восторгомъ отзывал-
ся о его свѣтлыхъ порывахъ къ знанію, къ добру,
къ красотѣ. Онъ тѣмъ легче могъ понять духовныя
нужды и запросы своихъ питомцевъ, что самъ былъ
немного старше ихъ по лѣтамъ (ему было всего 30
лѣтъ). Онъ самъ не разъ возмущался схоластициз-
момъ и сухостію школьнаго преподаванія—съ одной
стороны, и суровостію и излишнимъ педантизмомъ
самыхъ преподавателей—съ другой. Онъ не разъ
говаривалъ по этому поводу:

„Удивляюсь, какъ это не могутъ понять той
простой вещи, что двойками и единицами, голодными
столами и увольненіями изъ заведенія,—никогда
не вселишь любви и уваженія къ наукѣ въ сердца

учащихся. Нѣтъ.—Надо полюбить ученика, войти въ его положеніе, понять его психологію и степень его воспріимчивости. А самое главное: пужво самому полюбить и изучить свой предметъ. Только тогда можно съ интересомъ, съ увлеченіемъ, и съ пользою для дѣла преподавать“.

Можно-ли, послѣ всего этого, допустить, чтобы человѣкъ, державшійся такихъ взглядовъ на дѣло преподаванія,—могъ, дѣйствительно, заслужить свою смерть? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Несомнѣнно, онъ явился только первою, понавшеюся подъ руку ожесточенному общими условіями своей жизни гимназисту, жертвою. Стало быть, дѣло адьсь вовсе не въ личности С. С-ча. Попадись, вмѣсто него, инспекторъ Сацаровъ,—Гавдгеридзе убилъ бы и инспектора. Попадись Гапъ,—плохо приплось бы и Гацу. Очевидно, жизнь этого „несчастливаго“ (такъ, по словамъ „Утра Россіи“, С. С-чъ называетъ своего убійцу) была ужь слишкомъ сумрачна и несчастна, если душа его преисполнилась такою неукротимою и ненасытною злобою. Недаромъ-же вѣдь, по сообщенію газетъ, онъ твердилъ въ оправданіе своего поступка только одно: „меня рѣзали, и я зарѣзаль“. Нѣтъ основаній допускать, что субъектомъ предложенія „меня рѣзали“ являются одни только преподаватели 1-й гимназіи. Несомнѣнно, тутъ виноваты общія условія его жизни, а, можетъ быть, и личныя свойства его темперамента.

Не признаваль за собою вины, могущей хотя бы отчасти осмыслить поступокъ убійцы, и самъ убитый. По словамъ „Утра Россіи“, онъ, свадившись на полъ отъ нанесенныхъ ему смертельныхъ ударовъ, жалобно произнесъ: „За что это? Что я ему сдѣлаль? Несчастный безумецъ!.. За что онъ такъ жестоко меня

наказаль?« Но и не признавая себя достойнымъ своей участи, не понимая „за что?“ онъ убитъ, С. С-чъ нашелъ въ глубинѣ своей души достаточно любви къ этому „несчастному безумцу“, чтобы, умирая, сказать ему „прощаю все“.

Такой кончинѣ, съ словами прощенія на готовыхъ навсегда сомнѣться и замолчать устахъ,—можно только позавидовать. Многимъ-ли изъ нашихъ современниковъ приходится умирать такою славною, соединенною съ такими святыми чувствами, смертію? Не гораздо-ли чаще приходится слышать въ наши дни о такихъ случаяхъ, когда, умирая, твердятъ не слова прощенія и любви, но злобы и проклятія? Но если смерть послѣдняго типа, съ христіанской точки зрѣнія, не можетъ встрѣтить иного отношенія къ себѣ, кромѣ порицанія и отвращенія, то смерть С. С-ча не можетъ быть названа иначе, какъ актомъ великой любви и самоотрѣченія. Вѣдь зло никогда не побѣдишь зломъ. Только въ добрѣ, совершаемомъ въ отплату и въ противовѣсъ злу, и можно нанести смертельный ударъ послѣднему. Христіанинъ долженъ помнить, что его единственное оружіе для борьбы съ „квяземъ тьмы“, исконнымъ олицетвореніемъ зла,—крестъ, символъ любви безконечной, до готовности „положить душу свою“ не только за друзей, но и за враговъ (Мѣ. V, 44).

Хочется вѣрить, что онъ, рабъ Божій Сергій, простившій своему убійцѣ, и самъ будетъ прощенъ за свои прегрѣшенія, вольныя и невольныя,—за неумышломъ судъ правды Божіей. Ибо не напрасно сказано въ Писаніи: „если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѣ. VI, 14).

В. Ильинскій.

In Memoriam.

Мягкій свѣтъ лампы освѣщаетъ продолговатую уютную комнату. Диванъ, нѣсколько стульевъ, маленькій столикъ и книги, книги и книги: книги на полкахъ, на подоконникѣ, на комодѣ, на столѣ. Сколько интимныхъ дружескихъ бесѣдъ велось здѣсь на этомъ диванѣ въ тиши сгустившихся сумерокъ! Какъ знакома была намъ эта комната съ уединившимся въ нее обитателемъ, радостно встрѣчавшимъ гостя, который зашелъ изъ суетнаго міра въ тихую обитель дорогого друга.

Есть люди, передъ которыми одни, на минуту остановившись, отойдутъ въ сторону, сказавъ про себя: „Вѣдь бываютъ-же такіе чудаки!“ Другіе, не давъ себѣ труда разобраться въ нихъ, спѣшатъ высказаться въ отечески-покровительственномъ тонѣ. Но тѣ, которые ближе знакомы съ этими представителями рода человѣческаго, будутъ постоянно открывать въ нихъ новыя сокровища души, скрытыя отъ поверхностнаго наблюдателя.

Здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ тѣми неизвѣстными героями на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, подвиги которыхъ, хотя и не дѣлаются достояніемъ свѣта, воодушевляютъ и поднимаютъ другихъ борцовъ, не позволяя имъ падать духомъ и отчаиваться.

Однимъ изъ такихъ неизвѣстныхъ героевъ и былъ Сергѣй Семеновичъ Троицкій. Было бы смѣшно писать ему дивирамбы или восхвалять его добродѣтели. Такихъ людей нужно только понимать и умѣть

цѣнить. Они являются рычагами въ общей системѣ колесъ, приводящихъ въ движеніе машину человѣческаго прогресса. Безъ нихъ, всё истины такъ и остались бы отвлеченными, ничего не говорящими, теоріями, недосыгаемыми идеалами. Они претворяютъ эти истины въ себѣ и, подкрѣпляя ихъ облагораживающимъ вліяніемъ личнаго авторитета, дѣлаютъ ихъ доступными для пониманія окружающихъ. Ближе стоявшіе къ Сергѣю Семеновичу Троицкому знали, что дѣятельность его лишена была диканства. Онъ старался сохранить индивидуальность ученика, не навязывать ему своихъ мнѣній, а наоборотъ, добиться отъ него самостоятельнаго взгляда на вещи. Этимъ принципомъ самоцѣнности человѣческой личности была проникнута вся его педагогическая дѣятельность. „Не читайте критикъ и пособій,“ часто говорилъ онъ намъ, ученикамъ старшихъ классовъ: „этимъ вы только засорите свой умъ и отучитесь самостоятельно мыслить. Напишите на тему, а потомъ читайте критики“.

У него на дому мы всё были только друзьями и хорошими знакомыми, съ которыми онъ дѣлился своими впечатлѣніями и велъ разговоры на самыя разнообразныя темы. Классный духъ совершенно исчезалъ, и его замѣняла непринужденность, какая господствуетъ въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ друзей. Изъ его разговоровъ можно было вывести заключеніе, что онъ задавался планами оживить нашу казенную гимназическую программу, внесеніемъ въ нее новаго философскаго элемента. Уходя отъ него послѣ продолжительной бесѣды, мы чувствовали общій подъемъ жизненной энергіи, у насъ являлось стремленіе двигаться впередъ, къ тому идеалу, который былъ пробужденъ въ нашемъ сознаніи.

Средняя школа сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ обрывковъ знаній по самымъ разнообразнымъ предметамъ, и ощущалась потребность, хотя бы въ старшихъ классахъ, объединить разрозненный матеріалъ и привести его въ систему. Этой цѣлью и задался С. С. Троицкій въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Онъ не разъ говорилъ намъ, что послѣдній классъ гимназій долженъ быть философскимъ классомъ т. е. онъ является переходной ступенью въ университетъ.

Сергій Семеновичъ Троицкій внесъ новую, свѣжую струю въ нашу академическую жизнь, внимательнымъ отношеніемъ къ ученикамъ поселить въ нихъ довѣріе къ себѣ и пробудилъ сознательное отношеніе къ лежащимъ на насъ обязанностямъ. Всѣ мы, въ большей или меньшей степени, чувствовали его нравственный авторитетъ.

Но такіе люди, какимъ былъ покойный Троицкій, всегда сталкиваются съ непреодолимыми препятствіями на пути осуществленія своихъ замысловъ. Внимательный наблюдатель тотчасъ предугадаетъ, какая судьба ждетъ этихъ людей въ чуждой имъ обстановкѣ казеннаго формализма. Они похожи на цвѣты, которые быстро вянутъ и чахнутъ, будучи политы мертвой водой нашихъ канцелярій.

„Я начинаю уставать и духовно и физически“, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Да это и не мудрено. Бывало придешь къ нему, а онъ, съ грустью показывая на огромныя кипы непровѣренныхъ тетрадей учениковъ младшихъ классовъ, говорить: „Вотъ вѣдь, хотѣлось бы на завтра лекцію приготовить у васъ, въ старшихъ классахъ, а все время занято механической работой провѣрки.“ Развѣ удивительно, что если Троицкихъ и не выживаютъ, они, подчасъ, сами не выживаютъ у насъ.

Годы, проведенные въ Духовной Академіи дали съ одной стороны обильную пищу его пытливому уму, а съ другой — поселили тотъ душевный разладъ, который заставилъ его рано уйти въ себя, замкнуться отъ другихъ. Въ его грустныхъ, усталыхъ глазахъ всегда сквозила та душевная борьба, которую ему приходилось преодолевать. Однако ошибочно было бы предполагать, что онъ былъ только мечтателемъ. Напротивъ, энергія, потребность въ дѣятельности такъ и кипѣли въ немъ, и нужно было только найти восходъ этой благотворной силѣ, предоставить ей свободно развиваться. Но увы! Выхода этой энергіи не было; создавались препятствія, рамки, въ которыя старались втиснуть его дѣятельность. Въ чемъ заключается вѣчная проблема Троицкихъ на Руси, какъ не въ постоянномъ стремленіи все облечь въ приличную и подобающую форму, налѣпить ярлыкъ и поставить номеръ. Развѣ удивительно, что о Троицкихъ не слышно, ихъ не видно, что они рождаются и умираютъ, не будучи въ состояніи широко развернуть свой талантъ и свои силы? Такія натуры отличаются большой требовательностью къ себѣ, высокимъ понятіемъ о долгѣ передъ окружающими. Вотъ почему, не имѣя возможности осуществить свои планы, они сжимаются какъ листки мимозы при грубомъ прикосновеніи пальцевъ. Имъ не даютъ развиваться экстенсивно, а потому они начинаютъ расти вглубь, интенсивно. Нѣкоторые сравнительно легко входятъ въ рамки и принимаютъ „установленную форму“. Другимъ это стоитъ мучительной борьбы съ самимъ собой, борьбы, гдѣ расходуются непроизводительно ихъ юношеская энергія и погасаетъ та вѣра въ свои силы и въ будущее, которая при лучшихъ условіяхъ способна была бы двигать горами.

Троицкимъ приходится всему, что они ни дѣлають, придавать „установленную форму“, отмѣрять опредѣленныя границы. Иначе ихъ не поймутъ. Когда однажды послѣ урока, одинъ изъ учениковъ спросилъ С. С. Троицкаго, что задано, тотъ съ улыбкой отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „Вамъ непременно нужно, чтобы я отмѣтилъ отселева доселева“. Этотъ случай ярко характеризуетъ его натуру. Ему не хотѣлось вѣрить, чтобы вездѣ и всюду необходима была форма, рамки, номеръ, ярлыкъ.

Можетъ быть это то обстоятельство пренебреженія формой и явилось причиной тому, что кромѣ друзей и близкихъ, мало кто былъ въ состояніи его оцѣнить и выдѣлить изъ общей сѣрой массы. Даже во время нашихъ бесѣдъ, мы, скорѣе, ловили его мысли, чѣмъ слова. Такихъ людей нужно понимать на полусловъ, т. к. они слишкомъ углубляются въ мысли, чтобы придавать закругленность ихъ внѣшнему выраженію въ словѣ. Его рѣчь на Гоголевскомъ юбилѣе, по обыкновенію, носила характеръ кропотливаго философскаго изслѣдованія, а потому, къ сожалѣнію, мало для кого была понятна.

Таковъ былъ Сергѣй Семеновичъ Троицкій. Развѣ его судьба такъ ужъ необычна для насъ? Не будь трагическаго конца этой свѣтлой жизни, она была бы похожа на жизнь многихъ богато-одаренныхъ недюжинныхъ натуръ, которыя, будучи втиснуты въ положенныя рамки, имѣютъ неосторожность поступать иногда и не по „установленной формѣ“. Въ наше время, когда все подвергается беспощадной и, подчасъ, безразсудной критикѣ, когда происходитъ общая переоцѣнка моральныхъ цѣнностей, когда, кажется, самыя устои нравственности поколебались,—

отрадно видѣть въ такое время цѣльныя натуры, твердо слѣдующія своимъ идеаламъ и убѣжденіямъ. Такой цѣльной, кристаллически-чистой натурой, и былъ Сергѣй Семеновичъ Троицкій. Тѣ сѣмена, которыя онъ успѣлъ посѣять въ нашихъ сердцахъ, не пропадутъ даромъ и дадутъ, можетъ быть, плоды, которые будутъ самымъ прочнымъ памятникомъ на свѣжей могилѣ.

Онъ былъ похожъ на одинъ изъ тѣхъ глубоко-сидящихъ въ водѣ океанскихъ пароходовъ дальняго плаванія, которые не могутъ подходить къ мелкому мѣсту. Неглубоко сидящіе баркасы, лодки, шлюпки видны съ берега и близорукими; но только острое зрѣніе можетъ открыть на горизонтѣ струйку дыма, показывающую мѣстонахожденіе парохода. Какъ глубоко-сидящіе океанскіе пароходы нуждаются въ хорошо оборудованныхъ, глубокихъ гаваняхъ, гдѣ они могли-бы выгрузить свой цѣнный грузъ, такъ и Троицкимъ необходимы условія для производительнаго труда на благо общества. Одни изъ нихъ уходятъ отъ насъ въ дальнія моря, чтобы никогда больше не появляться у нашихъ береговъ и обогащаютъ чужія страны. Другіе ржавѣютъ, будучи сланы на сломъ въ наши канцеляріи, или трагически гибнутъ на мели сѣрой обыденщины и повседневной обывательской пошлости.

Евг. Спендиаровъ.

30 декабря 1910 г.

С.-Петербургъ.

Воспоминанія о С. С. Троицкомъ крестьянина Хрѣнова.

Съ глубокою скорбію беруся я за перо писать эту памятку по дорогомъ и добромъ учителю и наставнику нашему Сергѣю Семеновичу.

Сергѣй Семеновичъ съ самаго дѣтства жилъ въ Толыгинѣ. Онъ съ нами былъ неразлученъ. А насъ тогда была дружеская компанія, числомъ трое, какъ родныхъ. Я, ушедшій и достойный доброй памяти собратъ и товарищъ нашъ Сергѣй Семеновичъ и благополучно здравствующій его братъ Петръ Семеновичъ. Вотъ припоминается мнѣ, какъ я занимался съ Сергѣемъ Семеновичемъ: показывалъ ему рѣшать задачи. Я тогда учился третій годъ, а Серг. Сем. только еще первый въ с. Купиетинѣ въ 5 верстахъ отъ нашего села.

Вотъ я иногда въ шутку припоминалъ ему это: „Помнишь-ли, моль, я тебя училъ?“ а онъ отвѣчалъ: „Да, Саня, помню; вотъ и я обязалъ тебѣ воздать сторицею за твое безпокойство“. Бывало проводили мы съ нимъ цѣлые дни за какимъ-нибудь занятіемъ, строили маленькія лодочки—пароходами звали—и пускали ихъ во время вѣтра по пруду. Въ плотничьей работѣ изъ всѣхъ насъ товарищей выделялся Сер. Сем.; бывало сдѣлаетъ пароходъ лучше нашего. Впослѣдствіи онъ учился у Большакова переписывать книги и за этимъ ремесломъ просиживалъ у него цѣлые дни. Припоминается мнѣ собственноручно сдѣланная С. С. маленькая избушка: съ окошками, крышей, полатами, печкой, лавками, дверью и вообще со всѣми къ ней принадлежностями. Собирались мы туда на совѣты въ лѣтніе жаркіе дни, или отъ дождя. Сдѣлана она была очень мастеровато. Всѣ узнали и

стали приходить и любоваться этой работой. Однажды у батюшки был знакомый священник и залюбовался этим домиком; посидеть в нем и все хвалил Сережу. „Ты, Сережа, у нас дѣлага, какъ видно, будешь“, говорилъ онъ. Этотъ домикъ былъ пристроенъ къ стѣнѣ двора. Къ великому нашему горю, о. Симеонъ вздумалъ дворъ перестраивать и тронулъ насъ, какъ осеннее гнѣздо. Что тутъ было у насъ хлопотъ, куда дѣться со своимъ убѣжищемъ. Все-таки пришлось разломать и ждать, когда окончится постройка двора.

Впоследствии опять выросъ нашъ домикъ. Беззаботно предавались мы дѣтскимъ играмъ. Радовались, когда нанесетъ перваго снѣгу, и давай катать изъ него шары, устраивали колокольни, дѣлали пабушки и многое другое. Мы особенно любили зимой дѣлать Христа: наващичъ падали на снѣгу; отъ этого паденья отпечатывался на снѣгу человекъ съ раскинутыми руками; это вотъ, молъ, Исусъ Христосъ, распятый на крестѣ, по сторонамъ падали еще по одному; а это вотъ, молъ, два разбойника, распятые съ нимъ. Дѣтомъ часто ходили мы съ С. С. за первыми созрѣвшими ягодами: земляникой, малиной и бобулями (родъ дикой клубники). Малина какъ то манила насъ больше всего. Хочется, хочется сбѣгать въ лѣсокъ, да дѣло въ томъ, что уже насъ въ это время стали посылать въ поле жать рожь. Съ нетерпѣнiемъ, бывало, ждешь ближайшаго праздника, чтобы идти за ягодами. Въ праздникъ въ 5 час. будятъ къ утренѣ. Встаешь, отстоявши утреню, утакаемся (уговариваемся) какъ идти въ лѣсъ. Возьмемъ корзиночки и тайкомъ убѣгаемъ, скорѣй какъ нибудь, чтобы не быть замѣченными своими домашними, особенно батюшкой,

который насъ часто бранилъ, что мы прогуливаемъ обѣдню. Пробравшись задворками, бѣжимъ прямо въ лѣсъ, гдѣ уже и гуляемъ вдоволь. И тутъ, какъ-то С. С. отличался отъ насъ. Посмотришь, у него корзиночка уже полная, а мы и половины не набрали. С. С. увидитъ, что у насъ еще неполныя корзины, и постарается подсобить. Пойдемъ домой, С. С. всегда, всегда какъ-то все пооставался позади и все чѣмъ то интересовался. Остановится, заглядится на цвѣтокъ какой-нибудь или бабочку, такъ что всегда придетъ домой послѣ всѣхъ. И вотъ товарищъ нашъ поступилъ изъ сельской народной школы въ г. Кострому. Какъ сейчасъ помню, повезъ ихъ вмѣстѣ съ Петромъ Семеновичемъ, ихъ родитель, а нашъ уважаемый батюшка о. Симеонъ. Матушка тогда плакала, точно предчувствуя, что выучивши, не владѣть Сережей. Вотъ они поступили въ духовное училище, а потомъ и въ Духовную Семинарію. Бывало прѣдутъ оба брата на Святки домой. Не можемъ мы съ Сер. С. наговориться. Очень ясно мнѣ припоминается, какъ читалъ онъ намъ, прѣхавши на святки, рассказъ Л. Толстого „Хозяинъ и работникъ“. И думается мнѣ, что съ этого рассказа и сталъ онъ насъ приучать къ книгѣ. Окончивъ семинарію, онъ опять же вмѣстѣ съ братомъ поступилъ въ Московскую духовную Академію. Во время лѣтняго отдыха, и какъ то заинтересовался его наукой и спросить; вотъ вы, моль, окончили теперь на священника; чему теперь хотите учиться? Сер. Сем. мнѣ отвѣтилъ такъ: „Вотъ, что, Саня, я могу тебѣ сказать: проучился я Костромѣ 11 лѣтъ, а въ Академіи только одинъ и я, какъ мнѣ кажется, помялъ здѣсь больше, чѣмъ тамъ во все время. И въ то время онъ былъ, какъ то очень доволенъ своимъ положеніемъ, что все это такъ хо-

рошо для него устроилось. С. С. и студентомъ не только насъ не покидаютъ, а напротивъ все больше и больше приближаютъ насъ къ себѣ. Проведя два года въ академіи С. С. и Петръ Сем. писали намъ:

„Любезнѣйшіе наши товарищи Алекс. Кондр. и Иванъ Федор.!

Сердечно благодаримъ васъ за письмо и выраженные въ немъ пожеланія. Спаси васъ Господи и помощи въ вашихъ нелегкихъ трудахъ. Если это наше письмо застанетъ еще въ Толныгинѣ Ивана Дмитр., то передайте ему нашъ большой поклонъ. Очень жалею, что въ такое время затеялась у нихъ такая неурядица, стыдно бы, кажется Макеиму начинать эту дѣлежку. Кромѣ того врядъ-ли дѣлежка будетъ выгодна для той и другой стороны. Жалко его жену и дѣтей; ей придется всего больше перенести горя за время отсутствія мужа. Какъ это заболѣлъ Иванъ Андр. (кр-нъ нашего села). На масляницѣ онъ былъ такой здоровый. Не простудился-ли онъ когда шилиль дрова! Вотъ вѣдь наша неосторожность... Помогите ему Господи встрѣтить Христово воскресенье здоровымъ и крѣпкимъ. Ужъ очень горько, что родные наши изъ-за пустяковъ уходятъ въ землю. Вотъ опять родительница „Михаила“. Что ее бѣдную побудило на такое дѣло. (Захворавъ она перешла въ другую секту, скрывавшуюся подъ названіемъ „Странства“). Сама-ли по своей темнотѣ захотѣла такъ умереть, или другіе оболестили? Но то и другое тяжело: второе прямо грязно, если вѣрить тѣмъ слухамъ, по которымъ „скверный прибытокъ“ въ такихъ дѣлахъ значить больше всего. Я вотъ все думаю не составить-ли намъ съ вами общество съ небольшою пока библіотекой. Общество, въ которомъ-бы всѣмъ желающимъ, по возможности, сообщать все нужное въ

жизненныхъ вопросахъ. Зимой вы-бы завѣдовали дѣломъ т. е. раздавали книги, или сами читали, а лѣтомъ я бы сталъ помогать. Въ члены бы эти стали вступать всѣ трезвенники а также внесшіе установленное сообща количество копеекъ на выписываніе общей газеты и недорогихъ книжекъ. Впрочемъ обо всемъ этомъ мы когда-нибудь поговоримъ лично. Теперь снѣшимъ приготовить къ великой пятницѣ свои письменныя работы. Изъ-за нихъ то, по всей вѣроятности, и не придется, къ глубокому сожалѣнію, встрѣтить намъ нынче Свѣтлый день въ родномъ Толыгинѣ. Вотъ хорошій случай посѣтить вамъ Лавру и пасъ. Подумайте объ этомъ, и если рѣшите, то пришлите открытку, и мы будемъ васъ ждать. На Пасхѣ у насъ будетъ свободное время и свободное мѣсто въ академіи. Любящіе васъ и все Толыгино до глубины души Сергій и Петръ Троицкіе.

Просимъ и будемъ ждать какъ родныхъ; денегъ у насъ есть хотя и немного и съ вами сѣздимъ въ Москву“.

Вотъ, какъ ласкалъ насъ С. С. и тѣмъ все болѣе и болѣе приближалъ къ себѣ.

Мой товарищъ И. О. Раковъ имѣлъ удовольствіе посѣтить тогда св. Лавру и своихъ друзей. Впослѣдствіи рассказывалъ оцѣ мнѣ, и такъ былъ доволенъ пріѣтомъ С. С., что и оцѣнить доброту, мягкость и отзывчивость души его не могъ, и сказалъ, что будетъ жить и вѣкъ этого никогда не забудеть. Въ то время я не ѣздилъ. Я собрался послѣ Пасхи 7 мая съ моимъ другимъ товарищемъ. Мы отъ Хотькова монастыря до Лавры шли пѣшкомъ. Придя въ святую Лавру и направляясь отъ большого собора черезъ садикъ къ академіи, не знаю вдругъ откуда появился Серг. Сем. и винулся ко мнѣ на шею и

давай цѣловать меня благодарить за то, что пріѣхали къ нему. При входѣ въ академію насъ встрѣтилъ его другъ П. А. Флоренскій, съ которымъ С. С. познакомилъ меня въ этомъ же году, на святкахъ въ Толпыгинѣ. Ввелъ меня въ свою комнату, сталъ спрашивать меня о дорогомъ ему Толпыгинѣ, о друзьяхъ, о своихъ и моихъ домашнихъ. Потомъ засуетился, какъ бы насъ скорѣй угостить чаемъ. Повели насъ куда то вверхъ, гдѣ они пьютъ чай и обѣдаютъ. Тутъ С. С. позаботился о конфетахъ и послалъ Павла Алек. въ лавочку принести конфетъ. Стали угощать насъ чаемъ. Въ день нашего пріѣзда осматривать достопримѣчательности не попли, т. к. С. С. озаботился о нашемъ отдыхѣ. Сходили только поклониться мошамъ преподобнаго Сергія. Остальное время провели въ бесѣдѣ и простояли всюнощную въ академическомъ храмѣ. Ужиномъ насъ накормили очень хорошимъ и по сіе время не забываю. Утромъ повели насъ въ большой Соборъ за литурію, гдѣ служило очень много священства во главѣ съ намѣстникомъ Лавры. Послѣ чаю повелъ насъ Сер. Сем. осматривать въ Лаврѣ все святыни и показаль намъ все, все. Завелъ въ лавочку, гдѣ торгуютъ разными св. вещами. Тутъ купилъ мнѣ и моему товарищу по кипарисовому кресту и по поясу съ молитвой препод. Сергія, который я и по сіе время храню, какъ дорогую святыню; завелъ насъ въ другую лавочку, гдѣ купилъ намъ по большой просфорѣ, попросилъ насъ сказать кого помянуть. Мы написали записки, которыя и сопровождаютъ онъ нашъ добрый, въ одну церковь, гдѣ при насъ и вынули изъ нихъ части. Потомъ попли обѣдать и такого обѣда въ жизни не приходилось видѣть, не только что ѣсть. Послѣ обѣда осматривали зданіе Академіи,

потомъ С. С. вмѣстѣ съ П. А. повели насъ въ Визанію, гдѣ тоже все показали и осмотрѣли, провели въ Скитъ, къ Черниговской Божьей матери, однимъ словомъ показали все что тутъ есть хорошаго. Вечеромъ С. С. попросилъ своего брата свозить насъ въ Москву, куда мы были очень рады съѣздить. Самому С. С. ѣхать было нельзя, чего онъ покойный страшно сожалѣлъ. И замѣчалъ я тогда его муку душевную.

Приводилъ онъ насъ до вокзала и усадилъ въ поѣздъ. Тутъ мы съ нимъ и простились и, болѣе не заѣзжая въ Академію, проѣхали домой. Потомъ и еще я слыхалъ отъ многихъ, знавшихъ С. С., какъ пріятливо относился онъ ко всемъ посѣщавшимъ Лавру. Также все вездѣ показывали, даже и денегъ дать на билетъ, если бѣдный какой случится и билетомъ придетъ за нѣсколько верстъ. А деньги отдаетъ, можетъ быть, послѣднія. Да вѣдь и деньги-то у него скапливались самыя трудовыя. Зарабатывалъ ихъ С. С. на переписи какихъ нибудь бумагъ, урывками отъ своихъ занятій. Да вотъ еще, онъ не пить чаю и свой пай продавалъ. Вотъ на этомъ то и сколачивалъ денежку на черный день.

Въ нашей Костром. губ. въ этомъ же году была мобилизація запасныхъ и у насъ изъ села взяли двоихъ крестьянъ очень бѣдныхъ и семейныхъ. Вотъ и тутъ скорбѣлъ С. С. объ ихъ безысходномъ положеніи и писалъ сюда намъ письмо, въ которомъ просилъ: „Добрый Саня! Сегодня утромъ въ Москвѣ я получилъ вѣвѣстіе о мобилизаціи и въ нашей губерніи. Спѣшу исполнить свое обѣщаніе. И братъ мой посылаемъ черезъ тебя Ивану Дмит. Раг., какъ болѣе беспомощному изъ другихъ, три рубля. Странно хотѣлось бы послать побольше и всемъ, но къ не-

выразимой скорби, не набралось пужнаго количества. Потрудись поскорѣе передать ему ихъ, если онъ уже и уѣхалъ, то передай ихъ женѣ его. Хотѣлось переслать еще и образки, преп. Сер., но знаю, что уже они не застанутъ нашихъ воиновъ. Передай Саня вѣзмъ имъ нашъ глубокій поклонъ и искреннее пожеланіе скораго и счастливаго возвращенія. У мощей пр. Сергія мы будемъ молиться за ихъ здоровье. Напиши какъ пройдетъ въ нашей мѣстности мобилизація, какъ будутъ уходить наши. Если они пойдутъ черезъ Москву, я со всѣми усиліями постараюсь ихъ увидать. Еще разъ прошу тебя передай какъ деньги, такъ и поклоны. Извѣстный тебѣ С. Троицкій^а.

Вотъ какъ сожалѣлъ С. С. о своихъ землякахъ. Вотъ я мнѣ онъ тоже помогалъ, да и не только мнѣ, но и всѣмъ толѣе безпомощнымъ. Узнаеть, бывало, если кто боленъ, то непременно посѣтитъ, утѣшитъ и насколько можетъ поможетъ. Вотъ мнѣ привелось принять должность сельскаго старосты, и тутъ С. С. пришелъ мнѣ на помощь; о выборѣ моемъ я ему писалъ, и вотъ его отвѣтъ:

„Дорогой Саня, спасибо самое большое. Тебя поздравляю съ новой должностью сельскаго старосты. Очень радъ за тебя, но и боюсь въ тоже время не утомила бы она тебя очень. Да, Саня, ты много кажется можешь здѣсь сдѣлать. Впрочемъ, я совершенно не представляю правъ сельскаго старосты. Можетъ ли онъ, нацримѣръ, не давать пропивать мірскія деньги, а употреблять ихъ на другія дѣла: ремонтъ моста, пожарныхъ орудій или на помощь школъ (выписывать картины для ихъ дѣтей и т. д.). Если бы это ты могъ сдѣлать, то что и можетъ лучше. Школа называется у насъ церковно-приходской, а приходъ обернулся къ ней спиной. Ты читалъ, ко-

нечно, какое обнаруживается хищение въ различныхъ учрежденіяхъ государства. Милый Савя, вотъ твой долгъ, какъ наилучшійшаго человѣка, сберечь, эту мірскую копейку въ полной цѣлости и неприкосновенности. Будь здоровъ. Помогай Богъ тебѣ въ твоихъ дѣлахъ. С. Тр.“.

С. С. любилъ церковную службу и насъ приучалъ къ тому. Въ Академіи онъ приобрѣлъ для насъ книжку Гоголя: „Разъясненіе Божественной литургіи“, и по поводу этой книги писалъ слѣдующее письмо: „Любезные земляки! Посылаю вамъ по книжкѣ. Примите ихъ отъ меня на память. Прочитайте ихъ внимательно. Хорошо бы было если бы вы ихъ прочитали и другимъ, а особенно раскольникамъ дядѣ Аристарху Гаврилычу и дядѣ Ивану Никитину. (Эти крестьяне, въ церковь не ходили, а придерживались другой секты). Простите меня ради Бога, что я такъ долго не высылалъ. Дѣлшки все мѣшали. Любящій васъ землякъ вашъ С. Троицкій“.

Вспоминается мнѣ, какъ бывало С. С. облачился въ стихарь и, появившись на амвонѣ Толпыгинскаго храма, скажетъ прочувствованную рѣчь. Вотъ вспоминается мнѣ одна изъ такихъ его прочувствованныхъ проповѣдей. Это было въ 1905—1906 г., когда русскія тюрьмы были переполнены. Вотъ нашъ добрый другъ и мучился этой мукой каждаго обездоленного и лишеннаго свободы человѣка. Вотъ на эту тему и направлено было его чуткое сердце. Слезы умиленія текутъ по щекамъ, слушая его вдохновенную и исполненную вдохновенія и прошенія рѣчь. Хотѣлъ всѣхъ и все простить, любить всѣмъ сердцамъ, всей пламенной душой. С. С. говорилъ пламенно и въ насъ распалаялъ сердца. Онъ обращался къ намъ, пробуждая въ насъ все хорошее, направ-

ляя наши мысли и нашъ умъ на все доброе, честное возвышенное и въ заключеніе привести слова, сказанныя въ Евангеліи (Лука 4 ч. 18—19 ст.).

„Духъ Господень па мнѣ; ибо онъ помазаль меня благовѣствовать нищимъ, послать мяя исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдовать илѣннымъ освобожденіе, слѣннымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдовать лѣто Господне благоприятное и т. и д. Съ дѣтскихъ лѣтъ С. С. научился и страдать. Онъ жаль среди насъ. водилъ съ нами дружбу, заходилъ въ наши грязныя пзушки, видѣль горе и страданіе крестьянской семьи. Можно считать, что все это много вліяло на его дѣтски-юношескую душу, развивалось, дѣлало мягкой и отзывчивой на все окружающее.

С. С. былъ красивъ, добръ, кротокъ и пользовался общей любовью всеъ окружающихъ его, въ особенности прихожанъ села Толпыгина, его друзей. Бывало въ праздничный день, выйдешь изъ церкви, окружать и начнутъ спрашивать мужики, не слыхаль ли что о Сер. Сем. какъ онъ живетъ, что намъ писать? Онъ, покойный, бывало приплеть письмо и спросить мяя: кто какъ живетъ, чѣмъ занимается? и непременно всемъ напишетъ по самому низкому поклоду и добрыя пожеланія. И мое извѣстіе о хорошихъ занятіяхъ крестьянъ для него самое лучшее успокоеніе, онъ также не забываль и мяя. И мнѣ по нѣскольку разъ приходилось прочитывать его письма мужичкамъ.

А сколько было хорошихъ бесѣдъ его съ мужичками. Бывало покойный какъ заведеть кучку мужичковъ, то ему ужъ не утерпѣть, что бы не придти и не сказать имъ что нибудь поучительнаго и примѣнительнаго къ ихъ жизни, приводи въ примѣръ

друг. народовъ. Бывало, выйдетъ онъ изъ церкви, окружать его тѣснымъ кольцомъ, и вотъ тутъ находить каждый спросить его о чемънибудь жизненномъ, какъ поступить съ тѣмъ то и тѣмъ то. Особенно здѣсь какъ-то обостренно и жгуче затрагивался вопросъ о манифестѣ 17 окт. Вотъ на рѣшеніе его у насъ всегда и затягивались споры. Здѣсь у насъ было также распространено ученіе социализма. Народъ нашъ кое-чего понаслышался, но рѣшать различные вопросы намъ было очень трудно, и вотъ тутъ-то и приходилось прибѣгать къ помощи С. Сем. „Можемъ ли мы, вѣрующіе, участвовать въ освободительномъ движеніи и принимать его?“ спрашивали мы. „Да, можете, даже обязаны, но только въ немъ нужно разобратся. Конечно, рабочему необходимо матеріальное обезпеченіе, а тѣмъ болѣе необходимы политическія права и раскрѣпощеніе личности, быть свободнымъ во всемъ и т. д. Но только матеріальное положеніе нужно ставить на второмъ планѣ. Въ первую очередь нужно не забывать вопросъ религіозный. Безъ правильного духовнаго развитія людей не можетъ быть и правильной политической государственной и общественной жизни. А вѣдь нѣкоторые социалисты о религіи-то не хотятъ даже и говорить. Говорить, говорить онъ, посмотришь, уже ктонибудь изъ семейныхъ идетъ и зоветъ его пить чай и закусывать, а онъ ихъ начнетъ просить, что бы его оставили въ покоѣ съ кучкой Толпыгинскихъ крестьянъ. Онъ никогда не сравнивалъ чай съ такими бесѣдами.

С. С. твердо вѣрилъ въ лучшее будущее. Этой вѣрой онъ жилъ и съ нею сошелъ въ могилу. Главнымъ онъ считалъ познаніе самого себя. „Познай самого себя и другихъ будешь понимать“, очень

часто онъ мнѣ говорилъ. С. С. и всю надежду въ дѣлѣ общественнаго улучшенія возлагалъ на перерожденіе отдѣльныхъ лицъ. По его убѣжденію общество, состоящее изъ отдѣльныхъ лицъ, можетъ быть улучшено только улучшеніемъ лицъ. Сдѣлавшись сами лучше, мы и другихъ можемъ исправить и тѣмъ во всемъ примѣръ подать. „Ищите прежде всего Царствія Божія и правды Его, и сія вся приложится вамъ (Матѣ. VI,33)“, вотъ этотъ текстъ Евангелія онъ часто приводилъ въ примѣръ.

Окончивъ Духов. Академію С. С. уѣхалъ вмѣстѣ со своимъ другомъ къ нему на родину въ гости. А мы, его друзья, все ждали его домой, провести бы съ Сер. Сем. лѣтнее время и поучиться бы чемунибудь. Но къ великому нашему горю, судьба С. С. привела остаться въ Тифлисѣ учителемъ гимназіи. Услышало знать его чуткое сердце, что вдругъ мы, не ожидая всего случившагося, разомъ заговорили что, молъ, теперь для насъ не существуетъ С. С. Онъ сейчасъ же и шлетъ письмо.

1907 г. августа 14 дня. „Саня, спѣшу исполнить свое обѣщаніе, о которомъ ты уже знаешь изъ письма къ тебѣ. П. А., если только ты его получилъ. Да, я давно хотѣлъ, мнѣ страшно хотѣлось не столько уже писать, сколько видѣть васъ. Какъ я все надѣялся, ничуть не подозрѣвая, что судьба прикажетъ мнѣ сидѣть въ далекомъ Тифлисѣ. Но значить ли, что вы стали, далекими мнѣ, разъ я живу такъ далеко отъ васъ? Спаси Господи такъ подумать только. Нѣтъ, милый Саня, мнѣ какъ то еще больше стали дороги ты и всѣ мои дорогіе знакомые, родное Толпыгино, Шача, роща, поля, все родное и т. д. Вотъ завтра праздникъ. Чтобы я далъ чтобы поцѣть вмѣстѣ съ вами на кли-

росѣ, почитать!.. Милый Саня, помолись за меня, чтобы мнѣ далъ Богъ хорошо дѣлать здѣсь свое дѣло и радостно возвратиться въ Толпыгино и видѣть васъ всѣхъ. Милый Саня, ниши мнѣ Бога ради обо всемъ, что происходитъ въ селѣ, равно и о себѣ. Вотъ, когда я прочиталъ твое письмо, (я писалъ С. С. что тогда привелось мнѣ испытать преслѣдованія за политическія убѣжденія со стороны полиціи и фабричной администраціи) то мнѣ стало страшно тяжело, что ты теперь живешь въ Яковлевскомъ словно среди волковъ. Но не горюй, вѣдь все минется, а правда останется. Знаешь что поють въ церкви: „Блаженіи плачущіи нынѣ, яко тии утѣшатся. Почитай въ Евангеліи отъ Луки 6 гл. ст. 22—26“. И въ другомъ письмѣ 1908 года 27 дек. онъ опять писалъ, что всегда вспоминаетъ родину и друзей и давалъ совѣты, гдѣ и какъ построить мнѣ свой домъ на какомъ мѣстѣ и гдѣ лучше.

Вотъ еще одно письмо: „Незабвенный, дорогой мой Саня“. Вчера получилъ твое страшно дорогое для меня письмо.

Знаешь, что теперь поють въ церкви:

„Если я забуду тебя, Іерусалиме, пусть забудся правая рука моя: прильпнетъ языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима выше веселія моего. „Вотъ такъ пѣли нѣкогда плѣнные іудеи, пѣли съ плачемъ отъ тоски по родинѣ, сидя при рѣкахъ Вавилонскихъ, какъ и я пою, бродя по берегу мутной Куры, вспоминая свѣтлую Шачу. Тамъ далеко за ледянымъ горнымъ хребтомъ, словно громадный воппскій станъ раскинулъ свои бѣловерхія палатки—эти горы, уходящія вершинами въ небо, сторожатъ онѣ выходъ въ далекую родину. Итакъ, милый Саня, я пи на минуту

не забываю ни родного Толпыгина, ни моих дорогих друзей. Я не забуду и не могу забыть тебя. Самое большое, большое спасибо тебѣ за память за пожеланіе. Прими отъ меня, Саня, глубокой поклонъ и искреннія молитвенныя благопожеланія. Поклонись отъ меня всѣмъ, кто хотя не мною помнитъ меня въ Толпыгинѣ и Яковлевскомъ“.

Вотъ какія, исполненныя любви письма писалъ онъ мнѣ. Сергѣю Семеновичу очень не нравилась торопливая служба въ Тифлисскихъ церквахъ. И о такихъ скороспѣшныхъ отправленияхъ ихъ онъ часто жаловался сюда намъ въ своихъ утѣшительныхъ письмахъ. Вотъ нѣкоторыя замѣтки изъ нихъ.

Пасха 1909 года.

„Вотъ, дорогой Саня, въ страстную и Пасху страшно хотѣлось поѣхать на клиросъ въ Толпыгинѣ. Здѣсь обѣдно и утреню въ первый день Пасхи служили только 1½ часа. Не нравится мнѣ. Да я и стоялъ здѣсь въ церкви только тѣломъ, а духомъ былъ въ Толпыгинѣ на лѣвомъ клиросѣ. Я здѣсь отдыхаю только въ церкви, иногда дома, когда устану пою „Пасху“ и все хорошее приходитъ тогда и дѣлается легко на душѣ. „Еще много онъ писалъ и говорилъ о церковной службѣ“. Какъ все изложено здѣсь обдуманно, правильно и хорошо, какъ искусно изложены стихиры, кондаки и каноны“. Последніе С. С. страстно любилъ читать, и читалъ безъ всякихъ пропусковъ, все что полагается по уставу церкви. А читалъ такъ внятно, что все у него можно было понимать и слушать съ глубокимъ чувствомъ. „Вотъ, Саня, если ты не успеваешь читать св. писаніе, то ходи почаще въ храмъ Божій, тутъ ты можешь научиться всему. Только вслушивайся во все съ чувствомъ.“

Пробывъ годъ учителемъ Серг. Сем. пріѣхалъ изъ Тифлиса. Гдѣ то онъ не ходилъ и чего то мы съ нимъ не переговорили. Припоминается мнѣ одна прогулка по роцѣ. „Подумай, милый“, говорилъ онъ мнѣ: „Какъ дорога должна быть наша здѣшняя земная жизнь, какая красота, какая роскошная жизнь! Сколько чудныхъ даровъ хранится въ недрахъ земли и на ея поверхности, и всё они манятъ, манятъ насъ къ себѣ, занимаютъ нашъ умъ, всё они сулятъ намъ неизякасныя источники высшихъ наслажденій. Вотъ тутъ животныя, тамъ птицы, всевозможныя растенія. Подойдетъ бывало къ дереву и начнетъ С. С. объяснять, какъ оно растетъ, чѣмъ питается и чѣмъ дышитъ. Вѣдь и оно живое; вѣдь и деревцо дышитъ. „Ты возьми, вотъ хотя, листочекъ и посмотри снизу на него и почувствуешь тутъ шероховатость, это ротки деревца, въ которые оно при помощи солнечной теплоты всасываетъ въ себя тотъ воздухъ, который выдыхаютъ изъ себя животныя и люди, а выдыхаетъ тотъ воздухъ, которымъ питаемся и мы. Вотъ отчего я и люблю гулять по лѣсу и восхищаться всей богосозданной природой и вижу тутъ, что вѣдь и она живетъ и хвалитъ своего Создателя“. По нѣмъ такимъ вопросамъ и доставлялъ онъ намъ сюда соотвѣтствующія книжки.

Нынче лѣтомъ онъ мнѣ не разъ говорилъ, что онъ съ удовольствіемъ повидался бы со всѣми своими друзьями. „Но только, вотъ видишь, Сана, я что-то страшно усталъ и мнѣ нынче хочется отдохнуть, понакопить свѣжихъ силъ на будущія занятія въ гимназін.

Мнѣ, что то зачастую становится тяжело на душѣ и страшно преслѣдуетъ меня какая-то мука, тоска, отъ которой я и избавляюсь только молитвой, въ

силу которой я вѣрю искренне, и тоска по временамъ куда-то проходить.

Вотъ и ты объ этомъ мнѣ часто писалъ, что и ты грустишь. Саня, будь ты мнѣ другъ навсегда, если можешь то помолись за меня когда тебѣ будетъ это можно, а я за васъ всѣхъ молюсь всегда, когда встаю на молитву; у меня и списочекъ есть всѣхъ умершихъ въ Толпыгинѣ, за ихъ всѣхъ молюсь“. А самъ заплакалъ горько, горько. Давъ слезамъ пройти, сказалъ: „хорошо бы было съ каждаго умершаго снять фотографію. Я объ этомъ часто думаю сидя въ Тифлисской комнатѣ“.

Прогостивъ лѣто въ Толпыгинѣ С. С. опять со слезами на глазахъ уѣхалъ на далекую чужбину. И вотъ опять не замедлилъ со своимъ письмомъ: „Здравствуй дорогой Саня! Вотъ завтра 13 сентября „Нашъ праздникъ“, поздравляю тебя съ нимъ и поздравь отъ меня ты моихъ дорогихъ знакомыхъ и твою семью. Впрочемъ, письмо мое придетъ къ тебѣ тогда, когда у тебя останется о немъ только одно пріятное воспоминаніе; а у меня же—грустное, что я не былъ на немъ. Мнѣ страшно хотѣлось бы, хоть одну осень прожить дома. Я такъ люблю бродить по золотымъ лѣсамъ, по сжатымъ полямъ. А здѣсь кромѣ узкой полосы неба изъ окна моей квартиры я не видалъ ничего. Ужасно какъ замаяли дѣла. Почти все время я работаю. Завтра утромъ я пойду въ гимназію, а ты будешь въ это время собираться въ церковь“.

Вотъ дорогіе читатели, какъ былъ для насъ добръ дорогой Сергѣй Семеновичъ.

Въ послѣднее время по приѣздѣ домой нынѣшнимъ лѣтомъ какъ пекся С. С. о моей постройкѣ двора къ дому. „Саня, ты милый, не тужи, не от-

чаивайся въ живни, надейся на Господа нашего Иисуса Христа.

При помощи Его великой силы выстроимъ и дворъ твой*. И далъ мнѣ на зачатокъ постройки 25 руб. „А еще пришло тебѣ изъ Тифлиса, когда работаю“.

3 ноября, придя въ фабрику я получилъ отъ своего товарища страшно скорбную вѣсть о страшной кончинѣ Сер. Сем., о которой онъ услыхалъ отъ о. Симеона. Я въ то время и не зналъ, что сдѣлать, даже сразу не повѣрилъ, растерялся, побѣжалъ съ фабрики въ Яковлевское чтобы скорѣй повидаться съ о. Симеономъ и повѣрнѣй узнать, какъ все это случилось. Бѣгу и встрѣчаю плачущимъ о. Симеономъ, который тоже точно, какъ не вѣрившій спрашиваетъ цѣтъ ли какихъ писемъ отъ С. С. И вотъ мы еще цѣлую недѣлю все ждали со дня на день не будетъ ли отъ него какой-нибудь писульки. Я ждалъ отъѣта на два письма. Самое послѣднее получилъ за недѣлю.

Надежды наши не увѣнчались успѣхомъ, съ тѣхъ поръ не стало больше для насъ существовать тихого и добраго учителя нашего С. С. и вотъ съ этого дня полетѣли вѣсти за вѣстью съ далекаго Кавказа. Что вѣсть то слезы и слезы безъ конца. Дождались мы ближайшаго воскресенья и отслужили всѣ въ Толпыгинѣ обѣдню за упокой убиеннаго, новопреставленнаго раба Божія Сергія.

Крестьянинъ с. Толпыгино

Александръ Хриновъ.

2 февраля 1911 г.

Письмо из Петербурга

(Къ смерти дорогаго учителя).

„Не могъ понять въ сей мигъ кровавый, на что онъ руку подымалъ....“

Мнѣ хочется въ этомъ краткомъ письмѣ подѣлиться воспоминаніями съ читателемъ. Хочется охарактеризовать кратковременную, но изумительную по своей плодотворности, дѣятельность Сергѣя Семеновича Троицкаго.

Преодо мной, одна за другой, встаютъ картины нашей гимназической, а въ частности классной жизни послѣднихъ двухъ лѣтъ.

И доминирующимъ всюду является чистый образъ этого чуткаго до тонкости, чистаго любвеобильнаго, всепрощающаго христіанина, въ истинномъ смыслѣ этого слова.

С. С. Троицкій, самъ, своей духовной физиономіей отличался удивительной способностью даже въ наше мрачное время находить гармонію во всемъ, находить свѣтъ жизни; онъ какъ бы защищалъ жизнь, оправдывалъ свое и наше существованіе. И онъ умѣлъ передать свой внутренній огонь другимъ. Ни для кого не жалѣлъ онъ тѣхъ золотыхъ лучей жизни, которыми согрѣвалась его чистая, невинная душа. Полный любви къ намъ, полный энергіи и силъ, полный вѣры въ юношество, пришелъ онъ къ намъ и принесъ съ собой всѣ свои радости и всѣ огорченія. Всю свою кристаллически-чистую душу вложилъ онъ въ преподаваніе любимаго предмета. Старался какъ можно больше передать намъ изъ своего феноменальнаго запаса знаній. И каждымъ урокомъ, каждой частной бесѣдой въ его маленькой

заполненной книгами, но уютной комнатѣ, онъ открывалъ намъ все новые и новые широкіе горизонты.

И столько было въ его желаніи заполнить наши пробѣлы истинно христіанскаго, чисто-евангельскаго, что когда я все это вспоминаю, мнѣ даже страшно подумать, что мы часто, и даже очень часто, бывали къ нему несправедливы.

Одна часть класса не сразу оцѣнила его и заставляла тяжело страдать С. С. И онъ страдалъ, переносилъ все безъ упрековъ, безъ жалобъ и за насъ получалъ выговоры отъ вышшаго, окружного начальства. Но никогда онъ не поворачивался спиной къ намъ, и не обращалъ угодливо лица къ „сильнымъ міра сего“.

Онъ все-таки вѣрилъ намъ. Онъ вѣрилъ мальчикамъ, доставлявшимъ ему столько огорченій, онъ вѣрилъ, что въ насъ не все еще умерло, что можно что-то еще встряхнуть, что-то расшевелить. Онъ не допускалъ совершеннаго оскудѣнія внутренняго міра человѣка.

„А гдѣ есть искра, тамъ можно при умѣломъ обращеніи получить изъ нея огонь и даже пламя“, любилъ говорить С. С. А онъ умѣлъ обращаться съ нею, разжигать ее въ пламя. И умѣнье его опиралось на вѣру въ человѣка, на вѣру въ юношество. Вѣра его была настолько сильна, что побѣдила и вырвала съ корнемъ тотъ скептицизмъ, который всасывался уже въ наши молодые сердца.

Онъ вѣрилъ въ юность и ея силы. И водушевленная этой вѣрой лилась живая рѣчь съ каеэдръ. Чьи-то нѣжныя руки осторожно ударили по отмерзающимъ струнамъ нашихъ юныхъ сердець. Онъ надѣялся изъ насъ хмурыхъ, замкнутыхъ человѣчковъ, сдѣлать людей. Онъ надѣялся побѣдить

нашъ индиферентизмъ и продолжалъ согрѣвать наши сердца, продолжалъ возвращать насъ къ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ показывать ея величiе, своимъ яркимъ, необычайнымъ примѣромъ. Онъ все прощалъ намъ. И онъ достигъ своего. Добился того, что въ каждомъ изъ насъ, его учениковъ, теплится теперь чудный огонекъ, переданный имъ прекрасный кладъ.

Георгій Тарханъ-Моурави.

Петербургъ,
16 Ноября 1910 года.

Отрывокъ изъ статьи П. А. Флоренскаго „О типахъ возрастанія“.

.....ты спрашиваешь объ ** — ничего не смогу написать толкомъ: вьется около меня „нечаянная радость“ моя, а

какъ бы ее поймать? — Поймай!

это веселый, веселый май...

(П. Форъ).

Я видѣлъ его въ слезахъ, когда носилось дыханіе смерти, — видѣлъ радостнымъ и игривымъ, какъ распалившійся котенокъ; слышалъ его голосокъ тоненькій въ церкви, — слышалъ въ лѣсу, среди стволовъ, обтянутыхъ бѣлымъ атласомъ. Присматривался къ жизни самой обыденной; — разговаривалъ о самомъ важномъ для меня. Я присутствовалъ, наконецъ, при моментахъ сильнѣйшаго раздраженія и вспышкахъ неудержимаго гнѣва на несправедливость, такъ что разсмотрѣлъ ** съ разныхъ сторонъ и вынесъ впечатлѣніе не расплывчатое. И всегда, серьезный или брызжущій *divina levitate* — божественнымъ легкомысліемъ, онъ оставался вѣренъ себѣ: всегда доверчивъ и чистъ, какъ голубь; всегда мудръ, какъ змѣя... Именно, чистъ и ясенъ, безъ малѣйшаго туска и безъ малѣйшаго пятнышка. Можетъ быть, самое подходящее тутъ слово — дѣвственность, дѣвственность не въ смыслѣ *παρθενία* или *ἀγαμία* (безбрачіе), а въ смыслѣ *ἀγνεία* (безпорочность). Это — внутренняя свѣжесть всего существа, безхитростная простота, душистость лѣсного ландыша, окрошеннаго утреннею росой; это — прохладная кристальность горнаго ключа, журчащаго по гранитному ложу.

У ** почти не сходить съ устъ ясная улыбка, но за нею (хорошо узналъ это изъ разговоровъ)— неизмѣнная тоска по небу. Будто про эту душу сказано:

..... на свѣтѣ томилась она,
желаніемъ чуждымъ полна...

Однако не подумай, что тутъ что-нибудь блѣдное и фарфоровое. Нѣтъ,—ничего подобнаго: здоровѣе тебя со мною и уравновѣщеннѣе. Нѣтъ въ немъ нашихъ издерганности и надломовъ,—растеть подѣ благодатнымъ воздѣйствіемъ, какъ снѣжно-убѣленная лилія распускается подѣ омытымъ солнцемъ, и сама не знаетъ о своей благоуханности... ** представляется мнѣ не иначе, какъ въ широкой бѣлой одеждѣ, изъ грубой льняной ткани, мерцающей матово-жемчужно. Вспоминается (пишу тутъ же: все равно, порядку въ письмѣ не болѣе, чѣмъ въ Коранѣ) одна изъ нашихъ прогулокъ зимою. За деревней была полная тишина, и только похрустывалъ подѣ ногою настъ. Солнце было недалеко отъ заката; на неровной настовой коркѣ трепетали свѣтотыя пятна. Казалось мнѣ, что бесконечно-милое солнце засыпаетъ путь, навстрѣчу ** лепестками чайныхъ розъ. Снѣжная чистота, а надѣ нею—свѣтъ, тепло и ароматъ,—подумалось тогда,—да это характеристика моего сосѣда.

Припоминается: въ катакомбной стѣнописи голубь былъ символомъ Духа святаго, невинной души и мира. Теперь мнѣ понятно, какую связь имѣютъ въ переживаніи эти три аспекта единого символа: Освящающая Сила, освященная душа и состояніе умирности, какъ результатъ освященія. Въ переживаніи эти три момента нераздѣльны, хотя и не сливаются между собою; только для разсудочнаго раз-

смотрѣнія, какъ и всегда, единый символъ голубя раскалывается на три несомѣстные аспекта.

Миръ души—вотъ что нужно отгнать въ **, реализовавшимъ слова „нашаго“ Святого, апокалиптического Серафима: „Радость моя, радость моя, стяжи мирный духъ, и тогда тысячи душъ спасутся около тебя!“—Миръ духа—не нирвана, наоборотъ, это—повышеніе жизненнаго пульса, такъ что и радость съ горемъ становятся интенсивнѣе, и всѣ впечатлѣнія конкретнѣе и сочнѣе.

Вижу отсюда, что улыбаешься: „Зафилософствовался, и опять начинается всегдашняя „вода во облацѣхъ“. Возвращаюсь къ удовлетворенію твоей просьбы. Еще одно воспріятіе,—думаю, самое характерное. Когда смотришь на **, то видишь (нарочно подчеркиваю это слово, чтобы ты не принялъ его за метафору)—видишь какое-то сіяніе. Мнѣ хотѣлось провѣрить свое впечатлѣніе, и какъ-то недавно я нарочно смотрѣлъ на ** пѣлый день, не сводя глазъ. Какая лучистость, какая благодатность, даже, когда онъ говоритъ несуразное (случается и это). Отъ лица и въ особенности отъ глазъ, исходитъ что-то,—тихое, ясное и лучезарное что-то,—то разгораясь сильнѣе, то почти угасая. Не знаю, какъ опредѣлить эту благодатную силу, но ближе всего она сродна со спокойнымъ свѣтомъ. Понимай, какъ знаешь: лучше не могу выразить. Но помни только, что я говорю о дѣйствительномъ воспріятіи, простомъ, какъ звукъ, а вовсе не такъ называемыми въ нашей публикѣ, „поэтическими сравненіями“.

Однимъ утромъ, когда я лежалъ еще въ полу-снѣ, мой другъ разговаривалъ въ сосѣдней комнатѣ съ проворовавшимся мужикомъ и убѣждалъ его покаяться, говорилъ о мученіяхъ совѣсти. Ты знаешь, какъ

нестерпимы для меня всякія наставленія и какъ выводитъ изъ себя морализированіе. Навязчивость ихъ, ихъ педеликатность и обычное неуваженіе къ живой личности во имя „принципа“ и схемы заставляютъ изъ одного только протеста поступить наоборотъ. Но тутъ... тутъ впервые, можетъ быть, я услыхалъ голосъ „власть имѣющаго“. Такая убѣжденность въ силѣ добра звенѣла съ каждой нотой его голоса, столько жгучей любви, столько безконечной бережности и уваженія къ личности было въ его рѣчахъ, простыхъ и безвычурныхъ, что я былъ потрясенъ и уничтоженъ. Тутъ я окончательно убѣдился, что между нами и нимъ — пропасть, которой не перескочить безъ особой благодатной помощи, — не перескочить никакими стараніями, никакими совершенствами. Но, въ неудержномъ благоговѣніи, стирался всякій слѣдъ гордости предъ этимъ существомъ высшей породы, умолкали послѣдніе отголоски протестовъ: „почему онъ, а не...“, „но, можетъ, всякій могъ бы достигнуть, если бы...“ и т. п. Только овѣивала чистая, безкорыстная радость, — радость, что есть предо мною живое существо, качественно иначе воплощающее идеаль, что добро перестаетъ быть объектомъ одного только внутреннего созерцанія, и становится реальной силой, проникаетъ тѣлесность, вспыхиваетъ во всемъ организмѣ * * * изступленно сияющей красотой. Я могу органами чувствъ воспринимать красоту-добро, осязать, видѣть, слышать ее, — впивать то, что неизмѣримо, качественно, существенно выше меня!

Мнѣ приходилось наблюдать дѣйствіе * * * на другихъ. Видѣлъ я, какъ рыдалъ испачкавшійся и изгадившійся фабричный, при видѣ этой красоты духа оглянувшись на себя въ глубокой тоскѣ; ви-

дѣль еще многое другое. Но я знаю больше.—Однажды * * * и я были вынуждены прождать со сторожемъ при вокзалѣ всю холодную ночь въ сторожевой будкѣ. Обезсиленный двумя бессонными ночами и иззябшій, я невольно опустилъ голову на колѣни своего друга и заснулъ. Во снѣ онъ явился мнѣ, сіяющимъ, какъ Архангелъ, и я зналъ, что онъ отгоняетъ отъ меня всѣ злыя силы. Можетъ быть, въ эту холодную ночь, голодный и измученный, я впервые за всю свою жизнь былъ безусловно спокоенъ. Мнѣ казалось, что я плаваю въ нѣжно-сіяющемъ морѣ благодати; будто неземная сила льется въ помощь мнѣ широкими потоками свѣта, баюкаетъ и оживляетъ меня, наполняя свѣтоносною водою живую все существо... Послѣ того вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, но до сихъ поръ звучать въ ушахъ у меня отголоски какой-то все-умиряющей музыки, до сихъ поръ еще разрывается грудь отъ радости, и восторгъ душитъ меня. До сихъ поръ еще чувствую струю благодатной силы.

О счастье, счастье! Я видѣлъ Ангела-хранителя,—и ничего болѣе осязательнаго я никогда, ни во снѣ, ни на яру не видалъ. Этотъ сонъ поднялся надъ явью и сновидѣніемъ, далъ такую реальность, которой не отнимутъ у меня всѣ разрѣшители дѣйствительности во мнимость... Никогда съ такою силою не волновало меня прошеніе: „Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ, какъ теперь,—никогда не звучаль съ такою побѣдною надеждой отвѣтный возгласъ лика:

„Пода-ай, Госпо-оди!“

Павель Флоренскій.

У гроба бѣдной Евлампіи,

скокчавшейся 28 авг. 1905 года.

„О, Сизифъ, уступи мнѣ терпѣнье,
чтобы ношу донесъ я свою

Слышу маршъ похоронный греметь.
Далеко отъ гробницъ знаменитыхъ
мое сердце больное летить,
чтобъ заснуть межъ гробовъ позабытыхъ!
Много тамъ самоцвѣтныхъ камней
спять во тьмѣ безпросвѣтныхъ ночей,
позабытые жадной киркою!..
Много тамъ благовоныхъ цвѣтовъ
разливаютъ средь мертвыхъ песковъ
ароматъ, полный тайной мечтою!“

III. Бодлеръ.

„Иисусъ сказалъ:

Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ“. (Мѣ, XI, 25, 28).

Вотъ и успокоилась ты, наша бѣдная сестра...
Еще ясное солнышко такъ нѣжно ласкало вчера убогую, малую хату твою, а ты уже поспѣшила къ тихому закату. Да, ты устала, ты слишкомъ устала...
Вѣдь всѣ почти 24 года твои шли подъ „проливнымъ дождемъ“ страданій и—на ползкомъ и трудномъ пути. Нужно было отдохнуть поскорѣе. Приди ко Христу Иисусу, ты усталая, ты всю жизнь трудившаяся и трудомъ обремененная,—Онъ успокоитъ тебя. Онъ знаетъ скорби измлада твою, видѣлъ и думы сиротскія твои. Отдохни. Разогни слишкомъ рано склонившійся станъ, разложи непокладныя руки.

Тяжела твоя доля... Что росы утреннія испарились, улетѣли незамѣтно твои юные дѣвичьи годы. Не весеннимъ цвѣточкомъ возросла ты, сирота горе-

мычная. Не весеннимъ цвѣточкомъ, что проводить радостно лѣто красное вплоть до тихой осени. На скошенномъ лугу осеннею порою пробился нѣжный стебель твой. Зацвѣла,... а пошли морозы... И чахнуть сталъ и къ лицу матери своей-земли склоняться стебель твой. И холодъ и тощая почва... Какъ на нераспаханной межѣ, вдали отъ тучной середины полосы широкой... Не съ подругами спѣлыми и не серпъ срѣзалъ тебя, а нашла коса острая, смертная въ безвременьи.

Какъ ждало, быть можетъ, свободы и счастья, тепла и свѣта твое утреннее юное сердце. Яркимъ полднемъ жизни утѣшала тогда ты себя. Мечта рисовала тебѣ нѣжный покой тихаго семейнаго счастья. Вотъ какъ бы подходило оно... Усталая, чуть не закрывъ глаза, бросилась ты къ нему навстрѣчу, упала въ его объятія. Думы заглохли... Такъ какъ что уже болѣе оставалось думать?.. Думы старыя затихли, а сердце заняло отъ новаго, какъ осенній дождь, безъ конца полившагося горя, отъ бѣдности, отъ...

Вотъ какъ сейчасъ вижу тебя въ тотъ ненастный вечеръ, когда съ малюткой на груди, со слезами въ очахъ и съ тугой въ любящемъ сердцѣ ты несмѣло, но заботливо, пытливо спросила меня о замѣшкавшемся гдѣ-то супругѣ. Какъ тѣнь ты двигалась по пути, ве столько спѣшили усталыя ноги твои, сколько повукалаъ тебя долгъ—пить общую чашу жизни съ обрученнымъ у престола Христа... Что же, усни ея доля тяжелая!...

И матеръ Божія, чье сердце при напастяхъ, и скорбяхъ, и болѣзняхъ людскихъ, видѣла эту долю твою... Время ждалось, пока наполнилась радость твоего грядущаго покоя. Ты подлинно теперь „Евлам-

пія“, имя не напрасно дано тебѣ, „добрая, свѣтлая“.

„И весь народъ искалъ прикаться къ нему, потому что отъ него исходила сила и исцѣляла всѣхъ“, говоритъ Св. Евангелистъ о Христѣ Спасителѣ нашемъ (Лк., VI, 19). „И Онъ, возведъ очи Свои на учениковъ Своихъ, говорилъ: блаженны (вы) нищіе, ибо ваше есть Царство Божіе. Блаженны (вы) алчущіе нынѣ, ибо насытитесь. Блаженны (вы) плачущіе нынѣ, ибо возсѣдете. ...Горе вамъ, богатые! ибо вы получили свое утѣшеніе. Горе Вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете“. Богъ труждающихся и обремененныхъ сталъ ближе отнынѣ къ тебѣ, ваша бѣдная сестра, перешедшая въ новый свѣтъ. Мы вѣримъ, что и тамъ ты не забудешь въ молитвахъ твою малую, осиротѣлую семью.

Не забудутъ и тебя родные твои: какъ супругу вѣрную, любящую, будетъ помнить тебя твой супругъ; какъ невѣстку кроткую будетъ вспоминать ветхая бабушка; какъ маму милую—дочка малая, и какъ сестру юную, горемычную, но до гроба вѣрную, безотвѣтную мы, окружающіе гробъ твой.

Почивай же въ мирѣ, въ селеньяхъ праведныхъ, гдѣ вовсе нѣтъ скорбей!

„Покой, Спасе нашъ, съ праведными рабу Твою и сію всели во двory Твоя, якоже есть писано, презирая, яко благо, прегрѣшенія ея, вольная и невольная, и вся яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, Человѣколюбче!“

„Единая чистая и непорочная Дѣво, Бога безъ сѣмени рождающая, моли спастися души ея!“

Прости меня, уходящая отъ міра безпечально наша сестра. Не для краснаго слова, не нарушить покоя твой я говорю здѣсь на краю могилы твоей.

Сердце мое какъ бы безъ меня привело меня сюда.

„Далеко отъ гробницъ знаменитыхъ
мое сердце больное летить,
чтобъ заснуть межъ гробовъ позабытыхъ“.

Твои годы равны моимъ, но ты уже кончаешь
лѣтвицу лѣтъ. Какъ скоро смерть!.. А мы къ ней
готовы ли, какъ ты?!

Сергей Троицкій.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ С. ТРОИЦКАГО.

Осень 1907 года.

„Я долженъ бороться, всю жизнь бороться... Всю жизнь бороться и не имѣть возможности приклонить усталую голову? Да сама то борьба, сама жизнь, что должна представлять изъ себя?—Выявленіе красоты въ мірѣ, обожествленіе людей... ..Не знаю, какъ все это лучше сказать, знаю только, что я нашель, кажется, смыслъ словъ: „не любящій брата не любить Бога. Нѣтъ большей любви, да кто душу положить за друзей своихъ“. Ужасъ проходитъ по всему мнѣ, когда я подумаю, что бродитъ еще по міру пошлость и сѣрость. Я не видѣлъ ее съ глазу на глазъ, но я слышу о ней чуть ли не каждый день. Я прямо теряюсь отъ этихъ слуховъ. Буквально у меня валится голова, и ноги совершенно не хотятъ идти. Часто я не знаю, какъ скорѣе добѣжать до воротъ... Точно самъ адъ гонится за мной. Только захлопнувъ дверь и наложивъ крючокъ, я чувствую себя спокойнымъ. Отсюда я не хочу ни за что идти на „улицу“. Да, вотъ еще что: трудное въ жизни не самый подвигъ, а то, что иной разъ совершенно не

знаешь, что и какъ дѣлать, не хватаетъ силъ, становится тяжело отъ сѣрости, вотъ такъ же тяжело, какъ тяжело бываетъ иной разъ въ пасмурную погоду, не выдавъ долго солнца. Я могу работать только тогда, когда чувствую, что я не одинокъ... Я привыкъ всѣ неудачи свои относить на свой счетъ, и вотъ мнѣ часто совершенно не хватаетъ силъ не только побѣдить ихъ, но даже и понять. Обычная мораль, язычество хочетъ видѣть отъ людей только ихъ блестящіе выводы, итоги, но совершенно оставляетъ въ сторонѣ самую работу. Я давно себѣ записать: выходи къ людямъ только съ веселымъ лицомъ,... но вотъ какъ побѣдить въ себѣ печаль? Въ работѣ то, въ самомъ то главномъ вотъ и остаешься одинъ. Вотъ и вспоминаются здѣсь слова Христа: „Милости хочу, а не жертвы“.

27, II, 1908.

Земля, она крѣпко держится на своихъ устояхъ. Здѣсь все прочно и отъ всякаго дѣла на землѣ требуется прочность. Искусство, наука—онѣ тѣмъ болѣе нуждаются въ прочности. „Мы здѣсь гости“, „странники“, „наше жилище на небѣ“, „смерть“... Можетъ ли здѣсь прочно итти работа? Такъ доводятъ до крайностей такъ называемое язычество и такъ наз. христіанство. а потомъ ихъ ссорять. И не язычество и не христіанство... Когда Христосъ училъ о непрочности? Онъ хотѣлъ именно подвести прочный фундаментъ, не песокъ, а „камень“.

Книга ветхаго міра—Бытіе, книга новаго—βιβλος γενεσως—„книга родства“... „возрожденія“, рожденія постоянного, родственности... Развѣ намъ больно, что цвѣты расцвѣтаютъ каждую весну, вянутъ и вновь расцвѣтаютъ? Вѣчные цвѣты... ни бутоновъ, ни увяданій—ну что скучища... Да въ душѣ то возрож-

денной даже этого не будет, здѣсь не смерть, а раскатъ волны, съ маленькаго до большого. Мнѣ хочется поперечить твоимъ словамъ объ „умирающемъ взорѣ на жизнь“. Есть прочность,.. но не эта земляная, а на землѣ, есть та прочность, что женихъ увидитъ и „тамъ“ это прекрасное лицо. Больше всего нужно думать о „ренессансѣ“. Отъ затаилъ въ себѣ твое слово о вѣчности; вѣчный—отрицаніе всякаго времени, кольцо, безконечность. ;О влетѣть думаетъ душа. Какъ трепещетъ душа за этотъ взлетъ. Ну, какъ она прекрасна...

30, VI, 1908,

Какой роскошный вечеръ... и какая грусть. Сейчасъ только пришелъ съ прогулки съ П. Были въ полѣ, во ржи надъ рѣкой. Тихо волнуется рожь, словно вдыхаетъ земля. Такой чистой глубокой лазури неба и такихъ облаковъ я еще нигдѣ не видалъ. Вотъ тамъ они залегли словно огненная земля, огненный островъ въ лазурномъ морѣ, здѣсь словно пожары пылаютъ на горизонтѣ—внизу мечется пламя, а сверху—стелется дымъ. П. непрестанно вторить стихи Бѣлаго—такъ подходятъ они сейчасъ. Прямо изумрудно зеленое, вымытое дождями и росами небо и поле... это прямо „небесное“, просвѣтленная тихая лазурь; поднялась завѣса, и открылся видъ на вѣчность. Какъ прекрасно, какъ грустно...

22, VIII, 1908.

Вотъ ты ѣдешь сейчасъ, навѣрно, по берегу моря. Оно манитъ тебя. Но я не знаю, что болѣе—люблю ли его или боюсь его, также бури, грозы, страхъ природы... Кажется мнѣ, что въ Эросѣ есть непремѣнный признакъ—страхъ, сильна любовь съ острою болью... Да, тянетъ къ себѣ природа, она наводитъ сны, какъ опиумъ, въ сладкихъ мукахъ (!)

...Вчера передъ сномъ прочиталъ снова нѣсколь-

31, VIII

знакомые шали...

да то сидѣли... въ шалахъ дрылого ч-ка слѣшать
ли... сидѣть на тѣхъ молильнѣхъ камняхъ, дѣтѣ кол-
то остаются только холить тѣмъ, дѣтѣ кола то холн-
загаки, наждаки, обояшени... Отъ всего прекрасна-
нѣ ея удершемъ. Да, но все это только галанія,
те не утѣшить у доброй матери скорбь по сы-
... Кто-то мѣ-то сказалъ вѣрно, что чтеніе Дан-

прекраснѣйши образъ Елены...

который не удовлетворяетъ въ душѣ Фауста этого
морская вода, есть Христосъ... Есть вопросъ души,
разочаровывающаго, утѣляющаго въчужую жажду, какъ
краснаго Антикриста, манашаго, увлекающаго,
печалью трагичу... Да, есть, есть это лучшее пре-
мирно бы все, что давало бы, не мѣшило бы и ма-
не давало бы живей, поблжающей сердце, боги, что
сорило бы ч-ка съ природой, съ самнѣ собою, что не
само въ себѣ, должно быть нѣчто дрылое, что не
же это гениальное эллинское прекрасное, природное
должно быть нѣчто дрылое, болѣе лучшее, чѣмъ да-
уста, ошощетъ навсегдѣ... Мнѣ все кажется, что
божскя, что не поимуть, что не повѣрять, и сомнѣвать
люди—который хотѣлъ сказать свое, но не мотъ—
пикалѣ, когда говорятъ, что все "также" живуть
ихъ... Развѣ легко навсегдѣ хоронитъ ч-ка, который
тѣлесъ въ глаза и въ прекрасные глаза, стѣпашіе
ствяхъ, видѣть эти вихри вметенной пыли, бросаю-
ли, безсѣдно исчезающія въ бездѣрныхъ простран-
по себѣ" музыку, видѣть эти далекія, холодныя звѣз-
мое крое счастье, слышать эту прекрасную "саму
вдѣл все таки скорбь. Развѣ счастье—мое желанное,
умираетъ опьяненный ею. Но вотъ вопросъ, здѣсь

ко страницъ изъ „De profundis“ О. Уайльда. Да, онъ хорошо понимаетъ страданіе—оно условіе выпасаго... Вспомнилась жизнь Божіей Матери: она тоже была сирота и какъ поди маялась.

19, IX.

Ты знаешь, что суть почти всѣхъ религій состоитъ въ томъ, что Богъ, чтобы познать себя самого, открыть себя людямъ, воплощается, по нашему сказать—вступаетъ въ супружество. Желанія Божества... Вѣчно женственное... Женщина является какъ бы откровеніемъ Бога, искупительницей міра. Но что она сама получаетъ отъ этого? Вотъ почему я не могу не религиозно относиться къ женщинѣ...

10, X, 1908.

Такъ хорошъ былъ вечеръ вчера. За Зеваденскимъ хребтомъ высился огромный огненный хребетъ облаковъ. Ясно, тихо такъ было. Я ходилъ въ гимназію и долго сидѣлъ въ Александровскомъ саду. Здѣсь такъ зелено. Цвѣтутъ еще какіе то алые цвѣты. Здѣсь есть и березы, и небольшой бассейнъ съ плавунами листьями, такъ напоминающими нашу домашнюю рѣку. Какъ теперь хорошо бы было походить дома по лѣсамъ, по шуршащимъ листьямъ, послушать шумъ ихъ, какъ приятно-знакомо встрѣтиться въ полѣ съ холодноватымъ вѣтромъ. Вѣдь вѣрно, какъ странно идетъ жизнь. Кажется вчера же было это—шелъ изъ школы, ясный былъ день, нѣтъ, это было ранѣе, утромъ, было такъ свѣжо, ясно, думалось: вотъ если бы теперь походить, побыть гдѣнибудь въ лѣсу или полѣ, то сразу бы воскресла душа, но вотъ нужно идти въ школу, морить учениковъ въ духотѣ, расписывать имъ прелесть какого-нибудь стихотворенія, описывающаго осень...

Вчера вечеромъ сидѣли у насъ N. Было какъ

то интересно и въ тоже время больно слышать современные разговоры. „Нынче нѣтъ знакомыхъ, съ которыми можно было бы побесѣдовать, есть раскланивающіеся люди“... У насъ стулъ сломался, но приставили къ стѣнѣ: ничего, стоять,—не стоять почивать,—для чего? ... и. т. п. Такъ все какъ то непрочно. Это вѣдь однако не отреченіе отъ земли и вещей ради какихъ либо высшихъ дѣлъ, нѣтъ это просто жизнь минутами, въ разбродъ, ни то, ни се... Вотъ и литература такъ же: что то написалъ, что то хотѣлъ сказать, усмѣхнулся, а то и напугалъ немного, а въ общемъ пусто—пусто: ни глубоко, ни серьезно, ни глупо—такъ себѣ... Своего ничего нѣтъ, вотъ и подражаніе то библейскимъ мотивамъ, то средневѣковому, то индійскому, китайскому и т. д. Вотъ ты пишешь тоже о стиляхъ.

11, X.

Я хотѣлъ тебѣ написать про одинъ случай въ школѣ Левандовскаго, но сейчасъ какъ то не пишется ничего... Я хотѣлъ написать, какъ обрадовали меня дѣти. Самое лучшее для меня теперь общество это ихъ общество.

...Довольно намъ мыкаться по свѣту, искать счастья помимо себя...

15, X.

...Хоть бы разъ вздохнуть свободно, стряхнуть это современное сознаніе. Какъ жду времени, когда мы будемъ у себя, дома. Я все представляю, какъ около нашего дома ночью будутъ шумѣть кипарисы, не слышно будетъ грохота города, онъ такъ будетъ гдѣ то далеко... Пусть говорятъ намъ объ увядшихъ надеждахъ, у насъ тихо будутъ расти орхидеи, анаешь ихъ пышныя шапки... Не будетъ тутъ зависти, гнѣва не будетъ. Въ свѣтъ лавурномъ лампы ясно ви-

дѣться будетъ радость скорбящихъ—Дѣва съ младенцемъ пречистымъ. Въ минуты покоя придетъ къ намъ и Дантъ съ Беатриче, св. Тереза, не минетъ и пышный Шекспиръ, сойдетъ съ чердака утомленный Спиноза, расскажетъ объ *Amor Dei intellectualis*, заманитъ въ музыку сферу Бетховенъ. Какъ ты печалишься?

18, X.

...Основнымъ положеніемъ стало положеніе Эмпедокла, или Платона, или ап. Павла, Данта и др., что любовь только побѣждаетъ смерть, что только она есть жизнь (если смотрѣть даже на растенія, вообще природу). Но то, что мирно проходитъ тамъ, то порою становится совершенно непонятнымъ среди людей. Вѣдь все таки ч-ская душа требуетъ взаимности, всецѣлаго удовлетворенія. Какъ ни прекрасна любовь матери къ дѣтямъ, но вѣдь это любовь все таки болѣе бессознательная, и слѣдовательно неполная.

Совершенная любовь отрицаетъ всѣ страсти, милая привязанности, интимность, и сама становится послѣ побѣды своей наивысшею страстью. И вотъ ч-къ становится снова одинъ. Артисты, поэты, художники ищутъ Великой Любви, вотъ почему они не говорятъ ни „да“, ни „нѣтъ“. Христось женихъ церковный (общественный), и среди дочерей ч-скихъ нѣтъ Ему невѣсть, умирая, скончавшись, онъ становится „невѣстами Христовыми“. Данте любилъ Беатриче, мелькнувшую передъ его взоромъ. Что дала ему настоящая его жена? Господь посылаетъ любовь на землѣ видно для того только, чтобы звалъ человѣкъ, что есть она, но чтобы обладать ею, нужно что-то имѣть за собою. Да, старость, смерть—какія это враги любви. И такъ ходить ч-къ одинокій, си-

рота по міру. И лучшая любовь его къ людям — равна любви его къ цвѣтамъ, къ природѣ. Но и первые завянуть отъ этихъ поплѣдуювъ.

Въ природѣ нѣтъ ни жалости, ни печалованія, ни ревности, ни обиды. Такъ бываетъ и въ душѣ въ ея лучшія минуты, когда кажется обнять бы всѣхъ и все благословить, такъ что здѣсь природа и ч-къ одинаковы становятся.

...Въ легкой улыбкѣ N мнѣ всегда казалось, что онъ что то другое видитъ, когда смотритъ на эти вещи. Вотъ кажется и нужно бы отънѣить эту его надваорность. Какъ ты посмотришь на этотъ проэктъ:

Онъ по крутой тропинкѣ поднялся на скалу съ „долины слезъ“ и, приставивъ руку къ челу, радостно всматривается въ даль. Тропинка выходитъ изъ пещеры, уголь которой — уголь нашего дома съ оголеннымъ деревомъ у стѣны, на подъѣздѣ столпились мы плачущіе. Нужно только эту группу поставить такъ, что мы какъ бы не видимъ его на горѣ и плачемъ. Онъ въ обычной одеждѣ, только у ногъ валяется истлѣвшій Савель, какъ подтаявшій снѣгъ на вершинѣ горы.

16, XI, 1908.

...Ты представь себѣ психологию Св. Дѣвы — рабы Господней, — когда она была въ Вивелемской пещерѣ. Какое у Нея было состояніе души, когда она клала Его только въ ясли... Какая радость и какая скорбь была въ это время у Нея на душѣ... А тутъ еще подходили пастухи, потомъ царственные мудрецы... какую нужно имѣть силу, чтобы вынести все это.

17, XI.

Какія бываютъ ужасныя минуты въ жизни! Вспоминаются слова Христа: „Если можно, пронеси мимо

меня эту чашу, но впрочемъ не моя, но Твоя воля да будетъ!— Да, пусть будетъ все, что угодно Ему!

„Тяжела работа Господня“, сказала на смертномъ одрѣ, бывало, Вл. Сергѣевичъ Соловьевъ. Съ какимъ соблазномъ подсказывается съ лѣвой стороны вопросъ: „Ну для чего такъ? Я не хочу пить этой чаши...“ Страшно этихъ думъ. Но видишь, что все дорогое, все милое уходитъ изъ подъ ногъ. Но все таки пусть будетъ Воля Твоя! *Credo quia absurdum!*

Тяжело особенно то, что и не молится въ эти минуты, Господь словно всталъ въ сторонѣ, предалъ въ руки дьявола. Какъ нужна въ эти минуты молитва близкихъ.

18, XI.

То еще черное, я написалъ вчера вечеромъ, когда сдѣлалось на душѣ такъ темно. Что то самое хорошее души противится одиночеству. Если оно признается, то только какъ средство, но не цѣль, средство для достиженія, для предоставленія свободы тому хорошему.

Ты не сердись на меня за эти слова. Они написались въ время страшной утомленности. Ничего! Господь не оставитъ насъ.

21, XI, 1908.

Я какъ то отдохнулъ, послушавъ немного музыки. Мнѣ кажется, что каждый музыкальный инструментъ приспособленъ къ определенному роду мелодій. Насколько струнные отражаютъ, подходятъ для выраженія ч-скаго, настолько ударные — пианино, рояль—для выраженія природнаго—природы. Колокола это что то особенное. Меня всегда какъ то останавливаетъ на себѣ даже звонъ трамваевъ, вокзальныхъ колоколовъ и т. д. Словно они говорятъ откуда извнѣ, или лучше сказать, словно какъ то о

чемъ то предупреждаютъ. Впрочемъ я еще хорошенько не опредѣлилъ психологii звука колокола. Насколько пластика была существенно, если можно сказать, даже субстанціонально связана съ классицизмомъ, настолько музыка — съ романтизмомъ, понимая его, начиная эпоху его съ рождества Христа и б. м. далѣе настоящаго времени.

Музыка даетъ просторъ духу, открываетъ его бездны, его желанiя, но не воплощаетъ ихъ. Порождаются тысячи привидѣнiй, но не видѣнiй и вѣдѣнiй, они носятся, манятъ миражами и исчезаютъ. Нога все время чувствуетъ, что идетъ по пустынѣ.

Что то нудить съ необходимостью признать, что долженъ быть синтезъ музыки и пластика. „Есть тѣло душевное, есть тѣло и духовное“, „есть тѣла небесныя и тѣла земныя“, говорилъ еще ап. Павелъ. Должно быть третье.

23, XI.

Звонять къ обѣднѣ. Утро туманное, небо сѣрое. Думается, что оно разцвѣтетъ къ полудню голубыми цвѣтами. Такъ какъ сегодня воскресенье, то говорю тебѣ: „Христось воскресъ!“ ...Вообще, для меня кажется самое величайшее горе это видѣть хотя какое-нибудь недоразумѣнiе между людьми. Вотъ здѣсь въ одномъ изъ моихъ классовъ умерло двое мальчиковъ. Они не особенно хорошо учились, и я строжилъ надъ ними. И теперь мнѣ необычайно тяжело.

27, XI.

Я хотѣлъ бы быть дѣвственникомъ. Это не то, что быть безбрачнымъ, а то что быть чистымъ сердцемъ. Зачѣмъ, какъ ап. Петръ, говоришь, указывая на другихъ: „а онъ что?“

Господь отвѣтилъ ему: „что тебѣ до того? ты иди за Мною“. Да Богъ съ ними, со всеми этими

невѣрующими ученостями. Я не говорю „наукой“. Нѣтъ здѣсь ея. Здѣсь есть только пропасть, которую копаютъ для себя. Вотъ только сегодня я читалъ это. Я знаю жизнь Ньютона, Канта, Спинозы, Шеллинга, Гете... Тамъ нѣтъ этой „учености“, тамъ есть наука, ибо тамъ есть религія—связь съ Универсальнымъ.

Чтобы успокоиться тебѣ хорошо бы было прочитать прощальную бесѣду Христа.

...Да неужели ты не видишь, что всѣ эти мысли твои есть не твои, а постороннія, отъ „иного“? Повѣрить имъ—это повѣрить ему.

Мнѣ кажется, что настоящее время совершенно похоже на время предъ пришествіемъ Новаго Завѣта. Быть можетъ при дверяхъ и новѣйшій.

Будемъ молиться вмѣстѣ много, горячо, чтобы Божія Матерь провела насъ чистою тропою среди міра.

Изъ папки съ черновыми замѣтками С. Шроуцкаго.

7, IX, 1908.

Прилагаю здѣсь этотъ листочекъ бумаги и прошу усердно тебя записывать въ немъ, если можно, тѣ статьи и книги, въ которыхъ ты узнаешь, что что-нб. говорится о слѣдующихъ предметахъ:

1. О предопредѣленіи, „предустановленности“,
2. О кенозисѣ,
3. О „метафизикѣ женщины“ и полѣ,
4. О смыслѣ страданій и о Уайльдѣ,
5. Объ антиноміяхъ и антиномичности,
6. Объ апокатастасисѣ.

7. О микрокосмѣ и макрокосмѣ въ ихъ отноше-
ніяхъ,
8. О тайнѣ красоты,
9. О метампсихозѣ,
10. О „дарвинизмѣ“ въ нравственности,
11. О „необходимости“ зла,
12. О страданіи твари,
13. О судьбѣ.

Богъ любить и злыхъ, т. к. позволяетъ имъ по-
ступать по своей волѣ.

Записи въ книжкѣ „Педагогическаго календаря“.

Устремленность. Трудъ. Молчаніе. Спокойствіе.

Язычество требуетъ прочности. Всякое земное
дѣло только тогда хорошо, когда оно прочно. Если
жизнь есть переходъ и мы — странники, то стоитъ
ли трудиться?... не потому ли христіанство равно-
душно къ искусству?.. Ему не до искусства, когда
„міръ во злѣ лежитъ“, какъ не до концертовъ мате-
ри у постели больного любимаго сына.

Да, если жизнь есть „странствованіе“, мы „го-
сти“ здѣсь, то и любовь твоя носить печать вре-
менности.

Не могу ли я чѣмъ-нб. помочь?

Все ли вамъ понятно?

Не нужно ли (не лучше ли) мнѣ повторить еще
разъ?

Не отпускать ученика безъ объясненія.

Спрашиваютъ съ учителя и 1) знаній, и 2) умѣ-
нія преподавать эти знанія, и 3) сильной любви къ

знанію, къ труду своему, къ школѣ, и 4) выдержки характера, нравственной высоты его. Но гдѣ онъ могъ все получить сразу? какой это университетъ, гдѣ онъ окончилъ, могъ дать ему все это? Гдѣ онъ могъ и какимъ образомъ могъ „образовать“ себя, какъ личность? Онъ вѣдь изъ той же среды, что и ученики его. Но въ современной школѣ нѣтъ возможности рассчитывать на личныя занятія.

Идеальная личность не всегда еще дѣлаетъ окружающихъ ее идеальными (Христосъ).

Нельзя задавать вопросъ: „есть Богъ или нѣтъ (не есть)?“ Категорія бытія (есть) приложима только къ вещамъ, къ міру. „Есть“ еще чистое „бытіе“.

Изъ неотосланнаго письма:

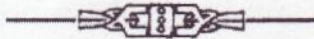
Вечеръ 26, XI, 09.

18 дней прошло послѣ того письма, здѣсь приложеннаго, и все я не могъ его послать и не послать бы, если бы вотъ опять что-то радостное не повѣяло отъ тебя и что-то еще болѣе грустное, какое-то предсмертное не окучало меня теперь гуще, чѣмъ когда либо прежде. Не знаю б. м. все это грустное „просто такъ“, пройдетъ потомъ, не знаю,—но, не зная, не имѣю твердаго будущаго. Все какъ-то кажется, что вотъ придешь домой, такъ немного заболѣешь, не чувствуя боли нигдѣ опредѣленно, поболѣешь, сляжешь, и конецъ. Думаю, что будетъ очень грустно, не захочется умирать, но думаю, что и достаточно буду „равнодушень“, даже б. м. радостень. Ничего не знаю хорошенько, только вотъ рѣзко тяжело становится, что съ тобою такъ словно вражда какая осталась. И сейчасъ вотъ хочется уничтожить ее, извиниться, если вина на мнѣ лежитъ.

А я, кажется, виновать. Вот не послалъ то письмо потому главнымъ образомъ, что чувствовалось, что, хотя тутъ и все вѣрно внѣшне, а жизненно невѣрно...

Прости, что безлокою тебя, но очень ужъ отъ всего трудно, вотъ и пишешь. Прости!..

...Но здѣсь ужъ ничѣмъ не поможешь. Еще въ первые годы, помню я, мнѣ вдругъ однажды ясно все настоящее представилось. Боюсь, не стать бы суевѣромъ. А впрочемъ, вѣдь есть и предопредѣленіе.

„Великій Выходъ“.

Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ—
вотъ сейчасъ!.. въ стремительномъ бѣгѣ застынутъ
мчашіяся въ невозвратную вѣчность секунды.

—Идутъ!..

Очи горятъ какъ лампы,
какъ солнца отблескъ лучистый на зыби лазурной
безастраснаго моря.

Чуть трепещутъ ихъ снѣжно-бѣлыя, острыя крылья,
въ волнахъ куреній сверкая,
какъ пѣна морская,
какъ клинки стальные.

Ихъ всплески, какъ рокотъ безчисленныхъ волнъ не-
успшно-шумящаго моря,

что ринулись грозною ратью,
со стономъ разбились о скалы прибрежныя,
и снова вдаль побѣжали, гонимыя страхомъ ве-
ликимъ, въ корчахъ отъ болей.

И славой побѣдною мощная пѣсня ихъ звучитъ не-
престанно,

какъ раскаты громовъ небесныхъ,
какъ ропотъ схваченныхъ бурей безмѣрныхъ про-
странствомъ дубравъ заповѣдныхъ,
какъ взрывы рыданій вѣтра-скитальца по горнымъ
дикимъ ущельямъ,
какъ ревы пожаровъ поросшихъ сухимъ ковылемъ
безбрежныхъ степей,

— стонъ умирающихъ въ схваткѣ нечаянной горъ
ледяныхъ полярнаго моря въ ночи беззвѣздныя,

— гуль неисчислимыхъ звонницъ,
какъ шумъ весення серебряно-звонкихъ потоковъ
въ руслахъ каменистыхъ,
какъ шелестъ кедровъ ливанскихъ,
какъ шопоть цвѣтистыхъ долинъ,
какъ ласка ночная рѣчныхъ тростниковъ къ глуби
бездонной,
какъ...

Гремитъ!.. „Наклонилъ небеса и сошелъ“...
Небо пылаетъ всполохами, улыбками алыми.
Мягкій, ласковый вѣтеръ говить съ востока свѣтлое,
легкое облачко.
Въ звѣздномъ вѣнцѣ идетъ впереди воевода ратей
лучистыхъ, ангель-предтеча,
съ солнца срѣзая, какъ вѣтви съ деревьевъ, пур-
пурныя зори, лучи огневые
и путь устидая, что ризами пестрыми.
Катится въ блескѣ земля подъ ногами... Его...

Се бо входитъ Царь славы—

Очи ждуть...
Какъ шумъ проливного дождя вдали загремѣла
„осанна!“...
Тихо вѣетъ слава Его...
Долу очи!..

Идетъ...

Среди насъ... превѣчный Царь славы..., Неизслѣди-
мый..., Крѣпкій Святой,
Бѣлыя, длинныя ризы львяныя Его наполнили храмъ,
препоясаны чресла Его златомъ беацѣннымъ уфаз-
скимъ.

Льется каскадами свѣтъ неприступный...

Радостно сердце: бьется въ груди, какъ горлица
юная — въ края гнѣзда безперыми крыльями,
устремляясь взлетѣть въ синеву необъятную.

Ароматы курятся, что росы вечернія въ лугахъ не-
порочныхъ:
розлито миро изъ безцѣннаго чистаго нарда ала-
вастровъ безчисленныхъ.

— Вдругъ... запахъ пахнулъ погребальный: какъ бы
составы несли изъ алоэ и смирны...

Легкая тѣнь пробѣжала: нѣктозмахнулъ мрачнымъ
траурнымъ крепомъ...

Въ ужасѣ... долу, къ землѣ устремились зоркія очи
соборовъ архангельскихъ,
въ мигъ единомъ застыли, скрестившись, ихъ лег-
кія крылья,

какъ рати лабары склоняютъ къ могилаѣ вождя...

Какъ брызги въ точилѣ,

какъ отблескъ багрянаго солнца закатнаго упали кро-
вавыя блики на снѣгъ ихъ опущенныхъ крыльевъ.

Се жертва тайная совершена доносится —

Вѣтеръ доносить до слуха и голось рыданій, и плачь
неутѣшный, и вопли дочерей Сіона...

Желѣзная слышится поступь когорты, сотника гроз-
ные оклики, лягъ копіи стальныхъ.

„Съ мечами и кольями, какъ на разбойника“...

Глухо гудятъ толпы народа, носятся въ воздухѣ на-
смѣшка и скрежетъ зубовный...

Вихри кружатся пыли кровавой.

Онъ идетъ...

Вотъ, изнемогшій упалъ на подброшенный камень
алодѣемъ...

Вѣтеръ катить терновый вѣнецъ,
въ прахъ земли багряница...
Долбять яму рабы для креста въ лобовидной скалѣ.

„Чу!.. ржавые гвозди колотятъ...“

Глухо:.. по тѣлу случайно...

И снова—звонко, и часто падаетъ молотъ“...

Гдѣ-то вблизи вскрикнулъ трижды пѣтухъ,..

и нѣкто, съдой, зарыдалъ о своемъ отреченьи...

„Вонь! вонь!.. подняли крестъ,.. опустили...“

Повиснулъ на деревѣ“...

Сочится, капаетъ кровь на землю иссохшую...

„Отецъ мой! прости имъ: не знаютъ, что дѣлаютъ“,
шепчутъ уста, омоченныя отцомъ и желчью...

Что же средь полдня меркнетъ огнистое солнце,

и тѣма поползла по землѣ, какъ чудовище?..

Съ трескомъ колется въ мукъ земли,

разадируются горы,

рушатся скалы.

Открываются гробы смертной долины.

и мертвый идетъ ко кресту, шелестя пеленами
истлѣвшими.

„Свершилось!“ вскрикнулъ Онъ громко съ выси
креста...

Опустилась глава, и терновникъ упалъ...

Замерло все... И отъ дерева жизни херувимъ отсту-
паешь,

гаснетъ пламенный мечъ,

отворяется входъ...

**Вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни
вѣчныя будемъ...**

Свѣтаеть... Воскресенья утро глубокое...

Идутъ...

И Петръ, обрѣтшій отраду спасенья въ слезахъ
покаянныхъ въ безсонныя ночи...

Иоаннь, Имъ любимый...

„Побѣжали они оба вмѣстѣ, но другой ученикъ бѣ-
жалъ скорѣе Петра и первымъ пришелъ“...

Они бѣгутъ, а вѣтеръ вѣетъ въ ихъ очи печальныя
радость неожиданную...

Улетаютъ, какъ черныя хищныя птицы, — уплывають
ночныя туманы.

Небо не внемлетъ ужъ болѣе жертвъ кровавой во
храмѣ:

стелется дымъ по землѣ... уходитъ обнявшись съ
холоднымъ туманомъ по ложу долины Кедронской
къ Содомскому мертвому морю...

Зардѣлись персты зари, провозвѣстники востока.

Вотъ, поднимается новое солнце,

какъ женихъ изъ чертога выходитъ на встрѣчу не-
вѣстѣ съ кольцомъ обручальнымъ...

Брачный готовится пирь...

По распутіямъ ходятъ, зовутъ на дорогахъ рабы:

„Придите, вкусите отъ вечери брачной Царскаго
Сына...:

благъ Господишь...

Познается Женихъ въ преломленіи хлѣба...

Въ радостномъ трепетѣ головы выкинуть сѣдыя „дру-
зей“ и гостей... шепчуть уста:

„Преподаждь намъ, Владыко, Тѣло Твое, разломлен-
ное по числу беззаконій нашихъ, пищу Эдема...

— Жизнь Твою по каплямъ истекшую вооставленіе
грѣховъ многихъ“...

Вѣчности жизнь причастилась...

Дочерью Бога-Отца нареклася душа...

Все изъ земного ей чуждо отселъ, и родственно
снова...

Ничто отъ любви разлучить ужъ не можетъ...

Счастья земного не надо...

Несчастья—терновникъ для мудрыхъ, какъ змѣи:
проползая, они оставляютъ здѣсь „ветхое платье“,
какъ старую кожу...

Благословенны страданья, ведущія по тайнымъ
тропинкамъ на свѣтлую „гору Господню“,..
гдѣ взоръ окрыленный зреть откровенно кольцо
міровое дали лазурной, цѣлующей Небо..
гдѣ ясно видны разгадки сплетеній въ стеаяхъ
невсечетныхъ въ „долинѣ скорбей“...

Зѣницы ока раскрылись...

тайное зрится:

вѣдомы стали и пѣль, и причина всего мірового...

Жизнью встрѣчается смерть, какъ вечеръ желанный
отъ знойнаго дня трудового — усталымъ работ-
никомъ...

какъ отдыхъ для членовъ согбенныхъ кроткою
ночью въ палаткѣ...

Ждется она, какъ тихая пристань у берега родимой
страны—скитальцемъ-изгнанникомъ...

Смерть--это Божье лобзанье въ свиданіи миломъ по
долгой разлукѣ...

Идемъ и мы съ вами на брѣкъ Сына Царева, неся
предъ собою лампы зажженныя, полныя
масла,..

да будемъ причастники вѣчныхъ жизни...

То тихо, то громко поють на клиросѣ дѣти:

Аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа...

Любимаго искренне Друга— Павла Флоренскаго авторъ проситъ принять эти строки на память о совмѣстномъ Причащеніи...

Серг. Троицкій.

1906 г.

Нѣкоторыя мысли С. С., которыя онъ особенно любилъ высказывать въ классѣ.

(запись учениковъ).

1. Чтобы постичь генія, нужно самому быть гениемъ.

2. Тихо говорить голосъ красоты. (Ницше).

3. Кто стѣсняетъ другую національность, тотъ не любитъ своей націи.

4. Глухота производитъ тупоуміе.

5. Пчела, когда нашла медъ, не жужжитъ.

6. Если вы хотите говорить, молчите больше.

7. Если дуракъ знаетъ, что онъ дуракъ, то онъ уже не дуракъ.

8. Если вы будете сознавать что вы въ гнѣвѣ, то вы уже не будете гнѣваться.

9. Нѣтъ человѣческой души, которая не могла бы возродиться.

10. Пушкинъ—натура божественная.

11. Важны не сами произведенія писателя, а его внутренняя жизнь, его біографія.

12. Невинность не есть добродѣтель.

13. Чистые сердцемъ—увидать Бога.

14. Если что-либо не полно, то оно не вѣрно.

15. Геній—міровая загадка.

16. Философія не сходится съ политикой.

17. Не такъ человѣкъ управляетъ природой, какъ природа человѣкомъ.

18. Нѣтъ ничего случайнаго.

19. Жизнь есть динамика, проявленіе силы; если вы ни къ чему не стремитесь—вы умерли.

20. Въ человѣческой жизни лежатъ внутреннія противорѣчія. Жизнь колеблется между положительнымъ и отрицательнымъ. Жизнь процессъ побѣды свѣтлаго надъ темнымъ.

21. Трагедія Демона состоитъ въ томъ, что онъ стремится быть Богомъ; Ему это разрѣшено. Но чѣмъ больше онъ стремится, тѣмъ болѣе онъ разрушаетъ себя. — Чѣмъ больше отрицательная величина, тѣмъ она сравнительно меньше.

22. Своей логикой вы разобьете всякую страсть.
Спиноза.

23. Если вы станете размышлять о любви, любовь въ васъ исчезнетъ.

24. Логика разрушаетъ зло, но разрушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добро.

25. Вы можете глядѣть, но не созерцать.

26. Злой стремится къ небытію, тогда какъ добрый стремится къ безсмертію.

27. Добродѣтель—превозмоганіе самого себя.

28. Часть не можетъ обнять цѣлаго.

29. Вы не можете прогрессировать, если для васъ нѣтъ препятствій.

Убійство учителя.

„Кавказъ“ № 249, 3-го Ноября 1910 года.

Обстоятельства убійства.

Вчера, 2-го ноября, весь городъ былъ взволнованъ возмутительно дерзкимъ и безпричиннымъ убійствомъ скромнаго молодого труженника — учителя русскаго языка и словесности въ 6—8 классахъ 1-й тифлисской мужской гимназiи Сергѣя Семеновича Троицкаго.

Послѣ большой перемѣны во вторникъ, 2-го ноября, въ 12 час. 5 мин. дня, С. С. Троицкiй направлялся по корридору въ первое отдѣленiе 5 го класса гимназiи, находящееся въ третьемъ этажѣ главнаго корпуса, рядомъ со вторымъ отдѣленiемъ того же класса. Въ это время къ Троицкому подбѣжалъ ученикъ втораго отдѣленiя того же класса Шалва Тавдгеридзе и, не говоря ни слова, выхватилъ, повидимому, изъ подъ пальто, кинжалъ, которымъ нанесъ ему рубленую рану въ лѣвую сторону головы, прорубивъ черепъ.

Когда Троицкiй схватился обѣими руками за рану, изъ которой обильно струилась кровь, обозлеченный ученикъ Тавдгеридзе, обернувшись, повидимому, хотѣлъ броситься на стоявшаго въ отдаленiи инспектора гимназiи А. Д. Сапарова, но оставилъ эту мысль и началъ наносить кинжаломъ удары Троицкому, которому успѣлъ причинить двѣ колотыхъ раны — глубокую въ нижнюю лѣвую часть живота, около паха, и въ верхнюю часть лѣвой ноги сквозную. Троицкiй упалъ, истекая кровью, а растерявшiеся ученики младшихъ классовъ (въ этомъ корри-

дорѣ младшіе классы) боялись подойти къ убійцѣ и только учитель нѣмецкаго языка К. Ө. Ганъ успѣлъ схватить Тавдгеридзе, у котораго тогда выпалъ изъ рукъ кинжалъ. Все это произошло въ одно мгновеніе. Моментально на мѣсто происшествія прибѣжали ученики старшихъ классовъ, которые, видя, истекающаго кровью любимаго учителя, пришли въ неописуемое возмущеніе и хотѣли учинить самосудъ надъ убійцей. По выраженію нѣкоторыхъ учениковъ, они готовы были растерзать Тавдгеридзе, и одинъ изъ нихъ успѣлъ ударить его по лицу, но подоспѣвшіе преподаватели успѣли удалить преступника и едва успокоили учениковъ.

Троицкій тотчасъ же былъ перенесенъ въ гимназическую больницу; по дорогѣ онъ успѣлъ трижды сказать „прощаю“, послѣ чего впалъ въ безпамятство и черезъ нѣсколько минутъ скончался. Прибывшимъ вскорѣ врачамъ г. Павелко и др. пришлось лишь констатировать смерть Троицкаго, при чемъ всѣ три раны врачами признаны безусловно смертельными. Кровоизліяніе наружу отъ причиненныхъ Тавдгеридзе Троицкому ранъ было настолько обильно, что весь длинный путь отъ мѣста преступленія черезъ дворъ и до больничной койки закананъ кровью.

Взволнованные преступленіемъ учителя и ученики не могли продолжать занятій, и уроки въ этотъ день въ гимназій были прекращены.

Обезоруженный Тавдгеридзе, дико блуждая глазами, сказалъ:

„Пока достаточно одной жертвы!“

Когда его допрашивали, онъ, потрясая кулаками, крикнулъ:

„Этого мало, всѣхъ перерѣжу... Фамилія Тавдгеридзе этого не прощаетъ!“...

Слухъ объ убійствѣ Троицкаго моментально разнесся, и на мѣсто происшествія тотчасъ же прибыли слѣдственные и административныя власти, во главѣ съ губернаторомъ д. с. с. М. А. Лозина-Лозинскимъ и и. о. прокурора гифлисскаго окружнаго суда с. с. Ткачевымъ, а также попечитель учебнаго округа д. с. с. Н. Ф. Рудольфъ.

Преступникъ переданъ въ распоряженіе властей.

Свѣдѣнія объ убійцѣ.

Тавдгеридзе — дворяне Горійскаго уѣзда. Отецъ Шалва Тавдгеридзе живетъ въ Тифлисѣ; онъ бывшій желѣзнодорожный служащій, одно время страдалъ психическимъ разстройствомъ и въ настоящее время лежитъ, разбитый параличемъ. Шалва Тавдгеридзе которому шелъ семнадцатый годъ, въ 5-мъ классѣ остался на второй годъ, сръзавшись на экзаменѣ по русскому языку, почему-то считалъ виновникомъ своего оставленія на второй годъ учителя Троицкаго, хотя тотъ въ настоящемъ учебномъ году даже и не преподавалъ во второмъ отдѣленіи 5-го класса. Тавдгеридзе пропускалъ массу уроковъ и вообще манкировалъ ими; все это онъ объяснялъ семейными неурядицами. По постановленію педагогическаго совѣта гимназій, состоявшемуся 30-го октября, онъ въ числѣ другихъ неуспѣвающихъ учениковъ подлежалъ увольненію изъ гимназій, но все таки продолжалъ ходить на уроки.

Похороны С. С. Троицкого.

„Голосъ Кавказа“ № 1297, 5-го Ноября 1910-го года.

4-го ноября въ 9^{1/2} ч. утра состоялся выносъ тѣла трагически погибшаго преподавателя тифлис. 1 мужской гимназіи С. С. Троицкаго съ квартиры покойнаго, находящейся на Николаевской улицѣ, въ церковь гимназіи. Ко времени выноса тѣла на квартиру прибыло много почитателей покойнаго и посторонней публики. Печальная процессія послѣ заупокойной литіи направилась черезъ Михайловскій и Николаевскій мосты по Барятинскому спуску въ гимназію. Заупокойную литургію служилъ преподаватель Закона Божьяго въ той же гимназіи о. Джіоевъ. Пѣли попеременно два хора—Намѣстника и гимназическій. По окончаніи литургіи и панихиды гробъ былъ вынесенъ на рукахъ и печальная процессія съ гробомъ на рукахъ двинулась по Головин. пр. Въ процессіи принимали участіе полностью вся гимназія, въ которой покойный преподавалъ; также полностью вся частная гимназія Левандовскаго, депутаціи отъ всѣхъ гимназій и др. учебныхъ заведеній съ вѣнками.

Печальная, но великолѣпная по арфілишу картина шествія съ роскошной оранжереей вѣнковъ и цвѣтовъ, дополняла то настроеніе, которое чувствовалось въ сочувствіи вдовѣ покойнаго и глубокомъ уваженіи къ тому, кто сейчасъ навѣки скрылся въ сырой землѣ и чье имя запишется въ скрижали гимназіи печальной страницей. Вторая гимназія съ оркестромъ встрѣтила за Верійскимъ мостомъ, того, кто позавчера жилъ, а сегодня въ послѣдній разъ проходитъ зданіе 2 гим., мимо храма науки, гдѣ же только свѣтъ и свѣтъ и гдѣ нѣтъ мѣста авѣрскимъ инстинктамъ и преступленіямъ.

Процессія направилась къ Кукійскому Кладбищу, гдѣ тѣло послѣ „вѣчной памяти“ опущено въ землю.

На похоронахъ присутствовали почетитель кавказскаго учебнаго округа, г. Рудольфъ, и его помощники, начальствующія лица другихъ учебныхъ заведеній и море головъ посторонней публики.

Миръ праху, искавший и вносящий свѣтъ! Миръ праху твоему нашедшій такъ рано тьму и упокоеніе въ сырой землѣ!

Были рѣчи, которыя будутъ помѣнены въ слѣдующемъ номерѣ.

Надписи на лентахъ съ вѣнковъ возложенныхъ на гробъ С. С. Троицкаго.

„Новая Рѣчь“ № 251, 6 Ноября.

1. Свѣтлому учителю истинной любви С. С. Троицкому отъ педагогическаго совѣта и родительскаго кружка прогимназии Левандовскаго.

2. Злодѣйски умерщвленному труженнику добраго воспитанія С. С. Троицкому.

Русское патріотическое общество въ Тифлисѣ.

3. Не говорите мнѣ: онъ умеръ—онъ живетъ; пусть жертвенникъ разбитъ — огонь еще пылаетъ, пусть роза сорвана — она еще цвѣтетъ. Пусть арфа сломана, аккордъ еще рыдаетъ. Любимѣйшему учителю отъ учениковъ 6 класса 1 отд. т. 1-й гимн.

4. Отъ благодарной ученицы Марики Баратовой, дорогому учителю.

5. Отъ учащихся школы Левандовскихъ. Дорогому Сергѣю Семеновичу.

6. Дорогому незабвенному учителю С. С. Троицкому. Отъ любившихъ учениковъ тифлисской 1-й м. г. (3 кл. 2 отд.).

7. Сергѣю Семеновичу Троицкому. Отъ 1-й женской гимназіи.

8. Безвременно погибшему Сергѣю Семеновичу Троицкому. Тифлисское коммерческое училище.

9. Отъ товарищей-сослуживцевъ чистому душой и кроткому сердцемъ, незабвенному Сергѣю Семеновичу Троицкому.

10. Отъ учениковъ 5-го класса 2-го отдѣленія дорогому и незабвенному преподавателю С. С. Троицкому.

11. Тифлисская 5-я мужская гимназія. Безвременно погибшему товарищу С. С.

12. Сергѣю Семеновичу Троицкому. Отъ учениковъ тифлиской 2-й мужской гимназіи.

13. Отъ признательныхъ родителей 1-й мужской гимназіи, учителю-другу дѣтей С. С. Троицкому.

14. Отъ учениковъ 2-го класса тифлиской прогимназіи. Дорогому учителю С. С. Троицкому.

15. Мученику долга С. С. Троицкому, 2-я женская гимназія.

16. Кружокъ Икаръ. Дорогому другу.

17. Отъ служащихъ закавказскаго института безвременно погибшему Сергѣю Семеновичу Троицкому.

18. С. С. Троицкому отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ свѣтлой памяти безвременно погибшаго.

19. Учителю-мученику С. С. Троицкому воспитанники александровскаго учительскаго института.

20. Трагически погибшему отъ скорбящихъ душою сотоварищей 2-й мужской гимназіи.

21. Дорогому учителю С. С. Троицкому малыши 1 класса тифлиской 1-й м. г.

22. С. С. Троицкому. Отъ служащихъ въ 3-ей женской гимназіи.

23. Дорогому незабвенному С. С. Троицкому.
Отъ учениковъ IV-го класса 2-го отдѣленія.

24. Духовно-прекрасному Сергѣю Семеновичу.
Отъ учениковъ 8-го класса 1 отдѣленія.

25. Безвременно погибшему свѣтлому труженнику Сергѣю Семеновичу Троицкому. Отъ корпорации 5-й женской гимназiи.

26. Отъ искренно любившихъ и глубоко опечаленныхъ сослуживцевъ Верійской прогимназiи. Дорогому сослуживцу идеальному человѣку Сергѣю Семеновичу Троицкому.

27. Отъ попечителя учебнаго округа и окружающихъ инспекторовъ Сергѣю Семеновичу Троицкому.

28. Отъ учениковъ 8-го класса 2 отдѣленія незабвенному другу—наставнику Сергѣю Семеновичу Троицкому.

29. Доброму симпатичному другу учащихся С. С. Троицкому. Отъ учениковъ VII класса 2 отдѣленія тифлисской 3-й женской гимназiи.

30. Мученически погибшему преподавателю Сергѣю Семеновичу Троицкому. Отъ чиновъ тифлискаго Великаго Князя Михаила Николаевича кадетскаго корпуса.

31. Отъ педагогической семьи александровскаго учительскаго института, невинной жертвѣ. С. С. Троицкому.

32. Дорогому учителю-другу отъ учениковъ 6-го класса 2 отд.

33. Мученически погибшему на своемъ посту товарищу С. С. Троицкому. Отъ преподавателей тифлискаго реальнаго училища.

34. Отъ тифлисской 4-й мужской гимназiи. Безвременно погибшему хорошему человѣку и честному труженнику С. С. Троицкому.

35. Дорогому и незабвенному С. С. Троицкому.
Отъ учениковъ 2-го класса 2 отдѣленія.

36 Чистому сердцемъ, невинно погибшему С. С. Троицкому. Отъ учениковъ IV' класса верійской прогимназій.

37. Отъ учениковъ 5-го класса 3 отдѣленія.
Миръ праху твоему. Дорогому и незабвенному учителю С. С. Троицкому.

38. „Послѣднее прощаніе“. Отъ учениковъ VП класса II отд. т. 1-й м. г. Сергѣю Семеновичу Троицкому.

39. Учителю-идеалисту, павшему жертвой долга отъ руки убійцы, Сергѣю Семеновичу Троицкому отъ корпораціи 3-й мужск. гимназ.

40. Миръ праху твоему честный труженникъ. Безвременно погибшему дорогому нашему учителю Сергѣю Семеновичу. Отъ скорбящихъ учениковъ 7 кл. 1-го отд.

41. Безцѣнному учителю. Оплакивающіе ученики 3-го кл. 1 отд.

42. Память твоя въ сердцахъ нашихъ, незабвенный наставникъ. Отъ 5-го класса 1-го отд. Блаженны чистые сердцемъ яко тѣи Бога узрять.

43. Отъ дворянской гимназій.

44. Удѣльнаго вѣдомства.

45. Флоренскихъ.

„Закавказское Обозрѣніе“ № 31, 5-го ноября.

Пролилась алая кровь, и закатилась молодая, полная силъ и знаній жизнь молодого педагога Троицкаго. Убить онъ кѣмъ? Своимъ же питомцемъ-воспитанникомъ, Шалвой Тавдгеридзе. Погибъ и самъ юноша во цвѣтъ лѣтъ, на порогѣ начинающейся жизни; въ

17 лѣтъ кончилась и его такъ рано опвѣтшая жизнь. Фактъ совершился. Оба погибли, погибли ихъ юныя жизни, погибли ихъ мечты, надежды, померкло ихъ солнце, черная смерть ихъ унесла. Я не знала ни жертвы, ни преступника, но сердце истекаетъ кровью, темный вихрь мыслей кружится въ моемъ мозгу, и я стараюсь, какъ бы доискаться причинъ, доводящихъ людей до ужасающаго звѣрства... Но съ другой стороны, какія должны быть причины, могущія оправдать насильственное отнятіе жизни у человѣка... Нѣтъ! Я отказываюсь понимать... Я не могу и не хочу... Кто дать это высшее право на жизнь, на природу, которая одна является источникомъ жизни. Даже термину убійства не должно быть мѣсто въ лексиконѣ человѣка. А у насъ, что ни день льется и льется кровь, то и дѣло читаемъ въ газетахъ и слышимъ объ убійствахъ и казняхъ...

Порой какъ будто мы каменѣемъ, тупѣемъ и ничего не чувствуемъ больше, порой бѣдну отчаянія, терзаній и упрековъ испытываемъ. Но неужели нѣтъ конца этимъ убійствамъ?! Каждый изъ насъ невольно проклиная эту жизнь, жизнь полную слезъ, мукъ и страданій. Двѣ молодыя жизни жертвы кого и чего? Вотъ роковой вопросъ, который долженъ занимать всѣхъ насъ. Мы прекрасно знаемъ, что люди не рождаются преступниками, но зато знаемъ, что они становятся таковыми въ жестокихъ условіяхъ разлагающейся семьи, полного одичанія общественныхъ нравовъ, въ царствѣ безпросвѣтной тьмы. Нѣтъ сомнѣнія, не искоренить этого зла и не воспитать уваженія къ жизни человѣка ни какими карательными мѣрами; необходимо дружная и энергичная работа всѣхъ факторовъ нашей общественной жизни, семьи, школы, прессы и т. д., чтобы предупредить дикія

проявленія некультурной разнузданности. Пора остановиться, мы катимся безудержно по наклонной плоскости. Во имя высшихъ благъ культуры, пора приняться за великую работу культивированія людямъ уваженія къ человѣку. Какъ человѣкъ всѣми фибрами своей души, каждымъ атомомъ своего тѣла, я проклиная эту жизнь, которая кромѣ слезъ ничего не даетъ. Когда, наконецъ, перестанетъ литься невинная кровь, когда же наконецъ, возродиться наша жизнь? Пожелаемъ всѣмъ намъ, чтобы настала новая благословенная жизнь, воскрешающая огонь любви въ темныхъ нѣдрахъ нашей нищенски скудной холодной души и пусть всеильный ураганъ уноситъ отъ насъ этотъ красный туманъ и создастъ на землѣ могучій гимнъ всеобщей любви и мира. Чтобы, наконецъ, каждый изъ насъ, глядя на Распятіе съ окровавленнымъ челомъ, могъ-бы сказать: „Я достоинъ носить имя человѣка“.

Марія Заварянъ.

Рѣчь, произнесенная въ день похоронъ покойнаго
С. С. Троицкаго однимъ изъ учениковъ тифл. 1-й
мужской гимназіи.

„Закавказское Обзоріе“ № 32, 6-го ноября.

Съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ я рѣшился говорить здѣсь. Здѣсь, гдѣ этотъ гробъ съ похолодѣвшимъ группомъ нашего учителя Сергѣя Семеновича и такъ уже многое говоритъ намъ. Убить Троицкій, и страшно сказать, убить рукою своего же бывшаго ученика; рукою одного изъ тѣхъ, которымъ онъ стремился дать все, что у него было свѣтлаго и хорошаго въ душѣ. И такого человѣка, который всѣхъ поражалъ мощью своей „духовности“, хресті-

анскимъ отношеніемъ къ людямъ и главное—своей дѣвственной чистотой души, сквозившей во всякомъ его движеніи, во всякомъ его словѣ, такого человѣка не стало. Онъ умеръ, онъ ушелъ отъ насъ. Но обликъ христіанина навсегда останется въ нашей памяти, въ нашемъ сознаніи. Сергѣй Семеновичъ былъ христіаниномъ не на словахъ; но имъ былъ въ жизни, на дѣлѣ. „Христіанство“, говорилъ онъ, „не унижаетъ человѣка, христіанство приподнимаетъ къ себѣ средѣ“. И онъ со свойственной ему деликатностью, мягкостью, не навязывая, а лишь самъ дѣйствуя, старался поднять всѣхъ изъ „тины“ и изъ „нивовъ“ окружающей жизни, куда попадали его ближніе. „Со зломъ нужно не бороться, а побѣждать его добромъ“. „Злой стремится къ небытію, а добрый къ бессмертію“.—Это опять слова нашего незабвеннаго учителя. Слова, которыя онъ ярко доказалъ примѣромъ своей собственной жизни, своими послѣдними минутами, когда онъ, прося простить своему „бессознательному“ убійцѣ, остался вѣренъ своему исповѣданію, ибо, говорилъ онъ: „Нѣтъ человѣческой души, которая не могла бы возродиться. Пощадить душу человѣка“. Онъ простилъ и пощадилъ своего „алодѣя“. Можетъ быть, старая истина — „кто покаянъ, тотъ простить“, — оправдывается еще разъ на живомъ примѣрѣ такого отношенія нашего дорогаго учителя къ своему убійцѣ. Такъ думалъ и вѣровалъ онъ и хочется вѣрить вмѣстѣ съ нимъ, что рано или поздно восторжествуетъ свѣтлое надъ темнымъ и доброе надъ злымъ въ нашей жизни. Хочется вѣрить тому, что только любовь и добро могутъ спасти насъ. Любовь и добро отнимутъ у алобы ея ядовитую слюну, у жестокихъ и дикихъ— ихъ кровавыя расправы, утрутъ у близкихъ жертвъ

слезы отчаянія и горя и создадутъ такимъ людямъ, какъ Сергѣй Семеновичъ, довлѣющую имъ славу героев-мучениковъ, героев-страдальцевъ.

Памяти С. С. Троицкаго.

„Закавказское Обзоріе“ № 35, 10-го ноября.

Другу по «Икарѣ» Сергѣю Троицкому.

Печальную традицію установило послѣднее полугодіе въ нашемъ молодомъ кружкѣ „Икаръ“. Второй скорбный вѣнокъ—изъ темнаго лавра, повитаго ромашками—скромными эмблемами солнца; второе звено въ той роковой цѣпи, которая сомкнется рано или поздно.

Ранней весной убитъ кн. А. А. Бебутовъ; поздней осенью — С. С. Троицкій. Уже двое отошли отъ насъ яснымъ пламенемъ въ свѣтлый міръ вѣчной доброй памяти. Руками безумцевъ, не вѣдавшихъ, что творять, погашены два свѣтильника, которыми еще такъ скупа для насъ рука судьбы.

А. Бебутовъ былъ изъ тѣхъ, кто съ бодрымъ смѣхомъ рубить просѣки въ дѣвственномъ лѣсу жизни, а потомъ съ веселой пѣснью отдыхаетъ за чашей круговой, С. Троицкій—свѣтлой лампадой, зажженной святой вѣрой, тихой, животворящей молитвой, для которой вѣра безъ дѣлъ мертва есть. А. Бебутовъ—молодой жизнерадостный смѣхъ, С. Троицкій—улыбка „мудраго ребенка“, тихая, ясная, кроткая, спокойная, свѣтившаяся внутреннимъ свѣтомъ. Если бы русымъ прядямъ дорогаго Сергѣя Семеновича суждено было посѣдѣть, то и ихъ бѣлизну озарялъ бы ясный свѣтъ той же улыбки: она была олицетворе-

ніемъ его вѣчно чистой душой, вѣровавшей свято и глубоко въ миръ и любовь. Одинъ видъ ея умиротворялъ и успокаивалъ. И она никогда не угасала...

Помню, какъ онъ первый разъ явился въ нашу кружокъ уже избраннымъ единогласно въ „друзья“. Помню съ какимъ восторгомъ отозвался онъ на положеніе, къ-то высказанное въ преніяхъ по реферату—„Искусство—свободнѣйшее выраженіе свободнѣйшаго проявленія человѣческой дѣятельности—его духа,—въ всякихъ зависимостяхъ отъ причинъ историческихъ, соціальныхъ, экономическихъ и т. д.“. Въ этомъ восторгѣ чувствовалась въра идеалиста въ несокрушимую самодовлѣющую силу искусства—силу святую!

Какъ часто въ разгарѣ споровъ по поводу рефератовъ раздавался спокойный голосъ:

„Позвольте мнѣ сказать?“

Другъ Троицкій!

Изъ темнаго уголка подходила къ освѣщенному столу его фигура, отъ которой вѣяло неизмѣннымъ милымъ извѣстиемъ: все превращалось въ слухъ. Начиналась рѣчь, тихая какъ журчанье но быстрая, живая, трепещущая скрытымъ біеніемъ существа мыслящаго, переживающаго, совершенствующагося, работой духа живого выковывающаго свои цѣнности. Пла-ли рѣчь о Роденбахѣ или Оск. Уайльдѣ, о Тютчевѣ или Фетѣ, объ Ивановѣ или Врубельѣ—у друга Троицкаго всегда была своя мысль, свой откликъ, свое переживанье, тонкое и глубокое. Его начитанность казалась неисчерпаемой. Бывало, докладчикъ выложитъ цѣлый списокъ источниковъ.

„А вотъ вы забыли — раздается мягкій голосъ: есть книжка... а еще въ майской книжкѣ „Русской Мысли“ за прошлый годъ“... И это было не коллек-

ція знаній—(много такихъ ходячихъ справочниковъ!) —это была живая стройная система, впитавшая въ основу міровозрѣніе Влад. Соловьева, котораго Сергѣй Семеновичъ такъ напоминалъ своимъ духовнымъ обликомъ, съ его вѣрой въ правду и силу Добра и Прекраснаго, съ вѣрой въ ихъ конечную побѣду, въ то, что Доброе и Прекрасное—одно.

Если онъ съ кѣмъ-нибудь не соглашался, съ какой осторожностью умѣлъ онъ къ этому подходить, онъ, являвшій въ наше время странное, даже немного смѣшное, но святое, прекрасное зрѣлище человѣка, совершенно неспособнаго кого-нибудь обидѣть.

Когда получалась новая книга писателя новѣйшей русской школы—Мережковскаго, „Символизмъ“ или „Зеленый лугъ“ Андр. Бѣлаго, стихи Брюсова или Ѡ. Сологуба — книга, еще слишкомъ тонкая и глубокая, чтобы находить покупателя въ нашей публикѣ, среди которой какимъ-то жупеломъ живетъ глупое слово „декадентъ“, Сергѣй Семеновичъ былъ всегда первымъ ея покупателемъ, всегда первый ее читывалъ, переживалъ и приходилъ дѣлиться впечатлѣніями съ друзьями...

Помню его послѣднее появленіе въ „Икарѣ“—говорили о Баратынскомъ, о которомъ былъ докладъ, о полетѣ, сильно захватившемъ Серг. Сем. Онъ принесъ небольшую изящно изданную книжку о художникѣ Борисовѣ-Мусатовѣ, тихая, мечтательная поэзія котораго его такъ увлекла. Подъ одной картиной — старинное французское двустипіе, начинавшееся:

Quand les lilas refleuriront

Да, когда вновь зацвѣтетъ сирень...

На воскресенья, когда Троицкій лежалъ уже въ могилѣ,—въ „Икарѣ“ предполагался докладъ его: О

Мережковскомъ, у котораго онъ провелъ минувшее лѣто, или о „Серебряномъ голубѣ“ Андрея Бѣлаго... И въ этотъ же день намъ, друзьямъ, горячо полюбившимъ его по дорогомудѣлу „Икара“ пришлось писать некрологъ о немъ—дорогомъ, свѣтомъ, незабвенномъ...

Anthemis.

*
**

„Блаженни изгнани правды ради, яко гѣхъ есть царствіе небесное“.

На похороны безвременно отошедшаго отъ насъ Сергѣя Семеновича Троицкаго собралось нѣсколько тысячъ учащихъ, учившихся и много изъ его почитателей, для того, чтобы выразить, какъ можно полнѣе свои чувства умиленія, благодарности и скорби...

Хотя его и нѣтъ нынѣ среди насъ, но намъ онъ будетъ всегда близокъ. Его доброта и отзывчивость сумѣли расположить къ нему сердца и души дѣтей и юношей, которые, благодаря присущей имъ чуткости, всегда цѣнили и будутъ цѣнить въ немъ неподобнаго наставника. Его бесѣды съ нами о добрѣ, правдѣ, справедливости и честномъ трудѣ, его наставленія глубоко врѣзались въ наши души, и мы увѣрены, что они будутъ руководить большинствомъ изъ насъ въ жизни. Какъ первородный грѣхъ былъ искупленъ кровью Христа, такъ пусть и эта жертва долга кроткой и невинной души послужитъ искупленіемъ гѣхъ злыхъ помысловъ, которые зарождаются въ юныхъ сердцахъ.

Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,

Увялъ торжественный вѣнокъ.

Его убійца хладнокровно.....

Навель ударь

...Не могъ понять въ сей мигъ кровавый.

На что онъ руку подымалъ!...

Уч. 7 кл. Гварамадзе.

Рѣчь, произнесенная на могилѣ С. С. Троицкаго
П. И. Зачиняевымъ.

Дорогой Сережа!

Прими послѣднее прости отъ тѣхъ, кто стоитъ здѣсь у твоей свѣжей могилы, отъ твоихъ друзей и сослуживцевъ, столь горячо любившихъ тебя.

Не долго ты былъ среди насъ и такъ преждевременно покинулъ нашу гимназическую семью, съ которой ты сроднился всей душой.

Ты былъ молодъ, и молодость открывала тебѣ лучшее, что есть у человѣка, жизнь, свѣтлую будущность, полную надеждъ и творческаго труда.

То, надъ чѣмъ раньше, среди повседневной суеты, мы не задумывались, стало для насъ ясно теперь, когда ты унесъ съ собой часть нашей нравственной силы, моральной энергій и упованій.

Ты зналъ одинъ лишь путь жизни — исканье истины и добра и твердо шелъ по немъ, ставя вѣхи и для насъ, твоихъ сотоварищей.

Въ тебѣ горѣла пламенная вѣра въ святость призванія учителя, наставника юношества и въ этой вѣрѣ принесъ ты въ жертву свой юный умъ и нѣжное кроткое сердце.

Свѣтлый лучъ твоей мысли угасъ и благородное сердце перестало биться навсегда и вокругъ насъ образовалась ничѣмъ незамѣнимая пустота.

Среди окутывающей нас поплости жизни, твоя душа сіяла дѣвственной рѣдкой чистотой.

Твое участіе въ дружескихъ нашихъ бесѣдахъ и задушевныхъ разговорахъ неизмѣнно вносило въ наши души струю возвышенныхъ чувствъ и неподдѣльно-свѣтлаго настроенія. Каждое твое слово согрѣвало насъ какой-то особой интимной теплотой. Ты былъ непохожъ на насъ и такъ былъ нуженъ намъ своей душевной цѣльностью, чистымъ нравственнымъ обликомъ.

Движенія твоего сердца, порывы и запросы чисто отвлеченной философской мысли роднили тебя съ тѣми, кому данъ даръ посвящать свои силы служенію наукъ, искусству и литературѣ, и твой умъ хранилъ обширныя знанія изъ всѣхъ этихъ областей.

Съ какимъ трепетнымъ волненіемъ ты говаривалъ намъ о твоёмъ личномъ знакомствѣ со многими нашими мыслителями и писателями. Изъ нихъ въ особой дружбѣ съ тобой былъ писатель Мережковскій.

Съ какой любовью ты собиралъ все лучшее, что выходило изъ-подъ пера ученыхъ, поэтовъ и писателей.

Скромный въ своихъ жизненныхъ потребностяхъ и привычкахъ, довольствуясь самой простой жизненной обстановкой, ты тратилъ большую часть своего педагогическаго скромнаго достатка на приобрѣтеніе книгъ, къ которымъ ты относился съ какой-то особенной благоговѣйной бережностью.

Ты любилъ книгу, но не замыкался въ узкую, сухую книжность.

Ты не сторонился отъ живого и многоструйнаго теченія жизни.

Въ тебѣ жила неутолимая жажда дѣятельности и труда.

И въ великую жизненную борьбу ты вносишь мужественность своего свѣтлаго разума, воспитанную любимой тобой наукой, и смѣлость мысли, данную тебѣ изученіемъ философіи, самой дорогой и близкой тебѣ отрасли знанія.

Свои богатые духовные дары ты отдавалъ съ беззавѣтной любовью жизни и за избытокъ жизненныхъ силъ смерть такъ жестоко, безпощадно и неожиданно отомстила тебѣ.

Каждый свой поступокъ и каждую свою мысль ты вѣрялъ суду христіанской морали, освѣщая ее живой религіозной вѣрой и истовой набожностью.

Отличаясь рѣдкой добротой и изумительнойнисходительностью ко всеѣмъ и ко всему, ты всегда, и въ трудныя минуты школьной жизни особенно, окрылялъ насъ и всеѣхъ тебя окружающихъ свѣтлой улыбкой, дружескимъ рукопожатіемъ и привѣтливымъ взоромъ.

На твоемъ лицѣ никогда не читалъ никто изъ насъ ни унынія, ни грусти, ни гнѣва.

Твоя душа и твое сердце были открыты для всеѣхъ, ибо ты вѣрилъ въ лучшія стороны человѣка.

Ты не зналъ враговъ, ибо ты не умѣлъ ненавидѣть.

И для того изступленнаго изверга, чьей деракой рукой было разбито твое юное благородное сердце, ты безъ трепета и съ истинно христіанской любовью открылъ свою душу.

Со словами мира и прощенія ты принялъ послѣдній смертный ударъ.

Свои трудовыя руки ты сложилъ на посту честнаго и преданнаго дѣлу труженника.

Ты палъ героемъ долга и твоя мученическая смерть свято обязываетъ насъ удесятерить наши силы,

чтобы жизнь нашей школы вступила въ полную гармонию съ высшими идеалами культуры. И въ этомъ великомъ дѣлѣ должно притти намъ на помощь общество, семья и печать.

Во имя невиннаго страдальца разбудите вашу совѣсть, косную мысль и смѣло идите на борьбу съ уродливымъ пониманіемъ жизни, ея цѣлей и задачи, съ извращенными, больными понятіями о человѣческихъ цѣнностяхъ.

А ты, чистый душой и кроткій сердцемъ невинный страдалецъ за язвы современной общественной жизни, мирно спи подъ сѣнью лазури небесъ, полныхъ высшей правды.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!

Копи съ телеграммъ, присланныхъ на имя директора Тифлисской 1-ой мужской гимназіи.

Изъ Яковлевскаго: Горько плачемъ, Сережу, поглядѣть хочется, пельзя ли препроводить намъ.

Родители.

Изъ Тифлиса: Педагогическая корпорація александровскаго учительскаго института проситъ васъ передать педагогической семьѣ 1-ой мужской гимназіи выраженіе горячаго соболѣзнованія въ постигшемъ ее тяжкомъ горѣ.

Директоръ и преподаватели института.

Изъ Тифлиса: Педагогическій совѣтъ прогимназии и совѣтъ родительскаго кружка въ объединенномъ экстренномъ засѣданіи постановили выразить педагогическому совѣту ввѣренной вамъ гимназіи глубокое соболѣзнованіе по случаю понесенной вами въ лицѣ

погибшаго Сергѣя Семеновича Троицкаго невознаградимой, тяжелой утраты.

Предсѣдатель педагогическаго совѣта прогимназіи Левандовскаго.

В. Шенгеръ.

Изъ Петербурга: Удрученные тяжелой утратой славнаго Сергѣя Семеновича, просимъ принять выраженіе глубокой скорби по случаю понесенной гимназіей утраты и передать выраженіе соболѣзнованія семьѣ покойнаго. Свѣтлый образъ того, кто всегда стоялъ во главѣ просвѣщенія молодежи, навсегда останется въ памяти его учениковъ.

Студенты медицинской академіи Кипшидзе, Лузинъ, Ангабадзе, Имеришвили.

Изъ Кіева: Скорбимъ безвременной кончиной любимаго Сергѣя Семеновича. Миръ праху твоему, дорогой нашъ учитель.

Балаганецъ.

Изъ Москвы: Выражаемъ глубокое сочувствіе по поводу постигшаго гимназію несчастья, до глубины души потрясены происшедшимъ.

Гамдлишвили, Амилахвари, Жужіашвили. Гамдлишвили, Оденъ, Кобаладзе.

Изъ Москвы: Примите наши чувства глубокой скорби и печали по поводу жестокой смерти горячо любимаго учителя друга.

Бывшіе ученики покойнаго: Джумухадзе, Симонъ, Демуровъ, Лисиціанъ, Тумановъ, Прозоровскій, Вачнадзе, Мнацакановъ.

Изъ Москвы: Скорбными мыслями все съ вами у праха благороднаго наставника и друга Сергѣя Семеновичъ Троицкаго.

Леонъ Тумановъ.

Изъ Петербурга: Подавленные смертью незабвеннаго Троицкаго просимъ выразить вдовѣ сочувствіе. Скорбимъ вмѣстѣ съ вами, дорогой директоръ.

Шахъ-Паронянцъ, Тархановъ.

Изъ Петербурга: Сообщите въ Петербургъ, Литейный 24, что случилось съ преподавателемъ Троицкимъ.

Мережковскій.

Изъ Москвы: Гимназія потеряла чуткаго учителя и рѣдкаго человѣка, примите мое соболѣзнованіе.

Левонъ Лисиціанъ.

Изъ Блгу: Глубоко возмущенные звѣрскимъ убійствомъ преподавателя Троицкаго, просимъ передать семьѣ убитаго и товарищамъ наше искреннее соболѣзнованіе. Прилагаемые 50 р. просимъ передать семьѣ покойнаго.

Педагогическій совѣтъ бакинскаго технич. училища.

Изъ Кіева: Глубоко потрясены трагически безвременной утратой незабвеннаго Сергѣя Семеновича, рѣдкаго учителя и кристальной души человѣка. Искренно соболѣзуемъ.

Абуладзе, Алихановъ, Берновъ, Гриневъ, Джіозевъ, Дальникъ, Задгинидзе, Никодзе, Марьяшкинъ, Медвѣдевъ.

Корпорація учителей кутанской классической гимназіи, выражая свое глубокое возмущеніе и негодованіе, вызванное звѣрскимъ убійствомъ Сергѣя Семеновича Троицкаго, присоединяетъ свое сердечное соболѣзнованіе общему горю, какъ товарищей-педагоговъ, такъ и семьѣ безвременно погибшаго труженика на нивѣ педагогической.

Директоръ гимназіи Глушаковъ.

Памяти незабвенного учителя.

„Закавказское Обозрѣніе № 39, 13 Ноября.

Какъ мало прожито—какъ много
пережито...

Долго еще будемъ мы помнить 2 ноября 1910 г., не скоро выгладится изъ памяти та кровавая картина, невольными очевидцами которой намъ пришлось быть. Свершилось что-то ужасное, возмущающее до глубины души...

Безсмысленно оборвалась полная сила, энергія, возвышенныхъ идеальныхъ стремлений, молодая жизнь... Погибъ молодой преподаватель словесности С. С. Троицкій, убитый своимъ питомцемъ, не понимавшимъ даже, за что онъ убиваетъ этого рѣдкаго человѣка. За что? За то, что тотъ хотѣлъ вытащить его изъ болотной трясины?

До сихъ поръ никто изъ насъ, учащихся, не можетъ себѣ ясно представить, что С. С., этотъ чудный человѣкъ, потерянь для насъ навѣки, что мы больше не услышимъ его въ душу проникающихъ словъ. Да! Эта потеря незамѣнима для всѣхъ, знавшихъ С. С.

Это была личность, притягивающая всѣхъ своей мягкой, въ высшей степени отзывчивой душой. С. С. былъ идеалистомъ чистѣйшей воды, и не только въ теоріи, не только въ своихъ религіозныхъ, философскихъ и моральныхъ взглядахъ, но и въ жизни.

Онъ всегда говорилъ, что смыслъ жизни заключается въ добрѣ, указывая при этомъ на вторую часть „Фауста“ безсмертнаго Гете, и самъ оставался вѣрнымъ этому смыслу жизни. Трудился онъ много и всегда охотно приходилъ къ намъ на помощь. Всякаго, въ комъ замѣчалъ влеченіе къ искусству, литературѣ, онъ приглашалъ къ себѣ, часами гово-

рилъ съ нимъ, показывалъ репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ, указывалъ книги, нужныя для чтенія, объяснялъ непонятное... Многое и очень многое можно было вынести, при желаніи, изъ его уроковъ. Онъ говорилъ съ нами объ искусствѣ, литературѣ, философіи, великихъ художникахъ и мыслителяхъ, знакомя постепенно съ исторіей философіи, и уроки его, поэтому, были живые, увлекательные и интересные. Разбирая какое-нибудь литературное направление, онъ освѣщалъ его со всѣхъ сторонъ — художественной, философской и пр., указывалъ на причины, вызвавшія данное направление, какіе недостатки въ немъ и какой должна быть литература вообще.

Покойный обладалъ громадными знаніями по философіи, искусству, всемірной литературѣ и др. областяхъ знанія; въ послѣднее время онъ знакомился даже съ японской и китайской литературой.

Онъ былъ лично знакомъ со многими выдающимися личностями современной эпохи. Да! Дѣйствительно, это былъ рѣдкій по своимъ обширнымъ знаніямъ человекъ!

Но еще выше стоялъ С. С. какъ духовно-прекрасная, религіозная личность. Религіозность эта была основана на идеалистической натурѣ. Онъ говорилъ, что вѣра не унижаетъ человека, а наоборотъ, при глубокомъ проникновеніи въ религію, очищаетъ и возвышаетъ.

Большой поклонникъ Вл. Соловьева и его религіозно-философскаго ученія, С. С. высоко понималъ религію въ обширномъ смыслѣ этого слова, и едва ли кто могъ такъ восторгаться Библией, какъ онъ. Своему высоко-правственному религіозному идеалу онъ остался вѣрнымъ до самаго конца: „Прощаю его“... вотъ послѣднія слова умирающаго.

Всѣ эти краткія указанія, мы думаемъ, могутъ, хотя и въ небольшой степени, выяснить эту духовно-прекрасную, проникнутую идеальными стремленіями, личность.

Нашъ краткій очеркъ о любимомъ и уважаемомъ нами дорогомъ С. С. мы позволимъ заключить словами проф. Алексѣя Веселовскаго, посвященными памяти Юрьева въ „Воспоминаніяхъ о старомъ другѣ“.—Пусть-же всякій изъ насъ дастъ себѣ слово ратовать, пока живъ, по мѣрѣ силъ и умѣнія, за тѣ идеалы, за которые положилъ душу покинувшій насъ товарищъ, „учитель“, скажемъ мы.

Ученики 7 кл. И. Гамбовъ и С. Гамкредидзе.

„Голосъ Кавказа“ № 1237, 6 Ноября.

К. С. Державинъ.

Насильственная смерть тяжелымъ кошмаромъ давить и гнететь насъ оставшихся въ этихъ стѣнахъ. Неожиданно угасла дорогая для всѣхъ насъ жизнь нашего незабвеннаго и любимаго товарища Сергѣя Семеновича. Нѣтъ больше среди насъ кристально-чистой души, которая всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ невольно заражала идеалами добра и любви. Не сумѣли мы сохранить свѣтлой жизни С. С. Среди насъ и во время любимаго своего дѣла, насаждая въ сердцахъ юношей гуманныя и сердечныя отношенія къ людямъ, развивая сердца и умъ ихъ, онъ безжалостно былъ убитъ рукою одного изъ тѣхъ, которыхъ такъ беззавѣтно любилъ. Пусть будетъ легка земля для этого вѣчнаго цвѣтка, такъ тяжело закончившаго свое земное существованіе. Прощай дорогой товарищъ!

М. А. Красовскій.

Сердце обливается кровью, нѣтъ силъ; неумолимая и безжалостная смерть насильственно вырвала изъ нашей семьи Сергѣя Семеновича. Кому пужна была эта смерть, для какой цѣли и во имя чего принесена эта тяжелая жертва. Страдальчески и мученически погибъ Сергѣй Семеновичъ отъ руки одного изъ юношей, которымъ онъ беззавѣтно отдавалъ всю свою жизнь. Лучезарный, со свѣтлымъ взоромъ, вѣря въ осуществленіе на землѣ всего добраго и хорошаго, онъ ушелъ отъ насъ не проклиная преступника, а прося простить его. Кто можетъ, кто въ силахъ вознаградить насъ за тяжелую утрату. Смерть незабвеннаго мученика-страдальца пала на всѣхъ насъ и тяжелымъ кошмаромъ гнететъ и давитъ насъ. Пусть же эта напрасная бессмысленная смерть—вамъ юноши, отцы и матери будетъ вѣчнымъ напоминаніемъ о томъ, что жить дальше такъ нельзя. Такія жизни, какова была жизнь Сергѣя Семеновича, пужно бережно хранить.

Передъ могилой товарища С. С. Троицкаго.

„Кавказъ“ № 253, 7 Ноября.

Несказанная рѣчь.

Еще одна минута, и комья холодной, сырой земли скроютъ отъ насъ тѣло того, кто еще недавно былъ среди насъ и озарялъ насъ лучами своего духовнаго облика. Внезапно, какъ отъ удара молніи, пресѣклась эта молодая жизнь, эта литургія Богу красоты и истины. Да, поистинѣ, его жизнь была литургіей Богу красоты и истины. Кто хоть немно-

Чѣмъ искупится кровь праведника?

Конечно, не новой кровью!—Кровь погибшаго рыцаря духа можно искупить лишь дѣлами, достойными его душевнаго величія. Его путь — это путь служенія потустороннему вселенскому идеалу подъ знаменемъ великаго братства. Это и есть мечъ рыцарей духа, мечъ, который онъ, умирая, передалъ своимъ товарищамъ и ученикамъ, — „тѣмъ, кто ищетъ, тѣмъ, кто молодъ“. Вы, собравшіеся здѣсь питомцы рыцаря духа, подымите мечъ, выпавшій изъ рукъ бойца и научитесь владѣть имъ!

Это и есть лучшая молитва его памяти... Это и есть искупленіе его смерти.

Онъ ушелъ отъ насъ, дорогой товарищъ.

Покидая землю, онъ остался вѣренъ своему идеалу христіанскаго Бога, и лучъ свѣта съ терноваго вѣнца Христа озарилъ въ предсмертный часъ его благородное чело, когда онъ умиралъ со словами всепрощенія.

Когда я смотрю въ эти печальныя минуты на это лицо полное спокойной и великой мысли, мнѣ вспоминаются слова поэта Баратынскаго изъ его благородной оды на смерть Гете:

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней жизнь такъ свято дышавшій
И въ чуткихъ отзывахъ силенна
Все долънее долу отдавшій,
Къ Предвѣчному съ легкой душой возлетитъ.
И въ небѣ земное его не мутитъ.

Да, если есть безсмертіе, ты, рыцарь духа, ты, дорогой Сергѣй Семеновичъ, заслужилъ его благородной жизнью и праведной кончиной.

Но, если нѣтъ безсмертія такого, какого алчеть индивидуальная душа человѣка, если, выражаясь слес-

вами того же поэта, „жизнью земной Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ и насъ за могильной доскою, за міромъ явленій не ждетъ ничего“, благороднаго человѣка оправдаетъ его жизнь, его святое имя. Угасшій въ ночи небытія, ты, дорогой товарищъ, будешь жить въ дуплахъ тѣхъ, кого при жизни ты согрѣвалъ нѣжнымъ своимъ свѣтомъ, тѣхъ, кого озарилъ трагическій свѣтъ твоей печальной кончины. И въ этомъ случаѣ, ты достигъ возможной для смертнаго благородной доли.

Миръ же праху твоему, товарищъ, алкавшій высшей правды здѣсь, на суетной землѣ, и такъ жестоко поруганный ею.

Миръ праху твоему.

Прими, товарищъ, твой вѣчный покой въ твоемъ печальномъ пристанищѣ, и да не обманетъ тебя твоя земная греза о неземномъ Богѣ правды и справедливости. Аминь.

Преподаватель 1-й муж. гимн.

В. Калашниковъ.

Рѣчь уч. 8 кл. Сардарова на могилѣ С. С. Троицкаго.

„Тифлисскій Листокъ“ № 251, 10-го ноября.

„Новая могила воздвигнется черезъ нѣсколько минутъ передъ нашими глазами, дорогая могила... Новая позорная страница въ книгѣ жизни... Чувствуется, какъ словами не выразишь всего того, что съ первой же минуты смерти свѣтлаго наставника накопилось въ сердцахъ. Чувствуется, какъ мало будетъ сказано и какъ много будетъ похоронено въ нѣдрахъ души нашей. Но молчать нѣтъ возможности. Хо-